

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

**ПО ДЕЛУ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
ГИТЛЕРОВСКОГО
ВЕРМАХТА**

FALL 12
DAS URTEIL GEGEN
DAS OBERKOMMANDO
DER WEHRMACHT

Berlin 1960

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА

*Приговор пятого американского военного
трибунала, вынесенный в Нюрнберге
28 октября 1948 года*

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Г. В. КЫЧАКОВОЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Б. Г. ТАРТАКОВСКОГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. Д. С. КАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва 1964

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Вопрос об ответственности за злодеяния и преступления, совершенные германскими агрессорами в ходе второй мировой войны, не потерял своей актуальности и по сей день, хотя после разгрома нацистского государства и его армии прошло без малого двадцать лет. Возрождение германского империализма в Западной Германии шло за последние полтора десятка лет быстрыми темпами. Неотъемлемой частью этого процесса было воссоздание военной машины германских монополий. Бундесвер уже в своем теперешнем виде представляет серьезную угрозу для дела мира, тем более что возглавляют его бывшие генералы и офицеры гитлеровского вермахта — прямые соучастники военных преступлений. Не меньшую тревогу вызывает и тот факт, что удельный вес западногерманских контингентов в вооруженных силах НАТО весьма велик и имеет тенденцию к росту, как и удельный вес военных представителей Бонна в руководящих органах европейских войск этого агрессивного блока. Наконец, особенно опасно упорное и настойчивое стремление боннской военщины любым путем заполучить в свои руки ядерное оружие — в форме ли «многосторонних ядерных сил» НАТО, при помощи ли оси «Париж — Бонн», либо каким-нибудь иным способом, который позволил бы обойти соответствующие ограничения, установленные Парижскими соглашениями 1954 года. Общеизвестно, какое большое влияние оказывают милитаристские круги на политику правительства ФРГ; они являются главными носителями духа агрессии и реванша, столь характерного для царящей в Бонне политической атмосферы.

В такой обстановке самое широкое распространение получили попытки реабилитировать германский милита-

ризм, отделить германскую военщину от фашизма и даже противопоставить ее гитлеровскому государству. Эта тенденция — снять с германских милитаристов ответственность за военные преступления, прежде всего за преступный заговор против мира и за развязывание агрессивной войны, доказать, что германская военщина якобы не имела никакого отношения ни к лагерям смерти, ни к сознательному и организованному уничтожению миллионов безвинных людей, ни к массовым убийствам военнопленных, ни к другим бесчисленным злодеяниям германского фашизма — эта тенденция господствует в подавляющем большинстве исторических и публицистических работ о второй мировой войне, наводняющих книжный рынок Западной Германии. В многочисленных мемуарах гитлеровских генералов, в писаниях историков, философов, юристов и публицистов — идейных оруженосцев германского империализма — генералитет и высшее офицерство вермахта изображаются в виде «честных солдат», дисциплинированно выполнявших свой патриотический долг, стремившихся якобы даже помешать гитлеровской агрессии и, уж конечно, непричастных к зверствам фашистов. Политическая цель этих попыток ясна: раз военные круги не несут никакой ответственности за политику агрессии, за преступления перед человечеством, раз они «всегда были противниками» Гитлера и его клики, следовательно, привлечение их сейчас к руководству бундесвером и вооруженными силами Североатлантического блока выглядит как вполне естественное и закономерное явление.

Между тем виновность германской военщины в преступлениях германского фашизма была неопровержимо доказана в первые же послевоенные годы. Международный военный трибунал в Нюрнберге в 1945—1946 годах осудил в числе главных немецких военных преступников не только фашистского рейхсмаршала Геринга, этого ближайшего приспешника Гитлера, но и руководителей гитлеровской армии и флота — Кейтеля, начальника главного штаба вооруженных сил, Йодля, начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, Деница, главнокомандующего военно-морским флотом, Редера, адмирал-инспектора военно-морского флота, признав их полную ответственность за военные преступления.

Обширный документальный материал, свидетельствующий о непосредственном участии немецко-фашистского вермахта в злодеяниях фашизма, дал процесс по делу верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), который проходил в пятом американском военном трибунале в Нюрнберге в 1948 году. В ходе подготовки этого процесса было собрано множество документальных доказательств, на самом процессе выступали сотни свидетелей; все это еще и еще раз подтвердило преступный характер действий гитлеровской армии.

Предлагаемая вниманию советского читателя книга «Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта», основное содержание которой составляет текст приговора, вынесенного на процессе, представляет не только исторический интерес. Эта публикация дополняет материалы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками.

Документы и материалы, приводимые в книге, неопровержимо доказывают теснейшую связь германской военщины с нацизмом, ее ответственность за злодеяния фашистов.

Германских генералов, представших 5 февраля 1948 года перед судом американского военного трибунала в Нюрнберге, лишь условно можно назвать представителями верховного главнокомандования гитлеровского вермахта и генерального штаба. Хотя подсудимые и занимали высокие и ответственные военные посты, непосредственно в состав верховного главнокомандования немецко-фашистского вермахта входили только трое из них — Варлимонт, заместитель начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, Рейнеке, начальник общего управления (АВА) верховного главнокомандования, и Леман, начальник юридического отдела этого командования. Многие весьма видные и не менее ответственные представители германского милитаризма не были включены в число обвиняемых на данном процессе. Одни были взяты в плен английскими или французскими войсками¹, другие — осуждены на иных процес-

¹ В их числе были фельдмаршал Кессельринг, который был приговорен английским военным судом к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением, и фельдмаршал Манштейн, осужденный к 18 годам тюрьмы. Однако оба они вскоре оказались на свободе.

сах¹, третьи — причислены к «противникам» Гитлера и потому вообще освобождены от ответственности. Большинство оказавшихся в английском или американском плену генералов после кратковременного пребывания в специальных лагерях были отпущены на свободу и приняли активное участие в возрождении милитаристских сил в Западной Германии. Тем не менее процесс над группой генералов получил название «процесса верховного главнокомандования». По существу это так и было. Материалы процесса — помимо воли его организаторов — даже в том виде, в каком они отражены в публикуемом приговоре, являются грозным обвинением всей верхушки вермахта, всей милитаристской клики, которая на протяжении многих десятилетий играла в истории Германии столь роковую роль.

В качестве обвиняемых перед судом предстали типичные представители прусской военной касты, кадровые вояки, верно служившие кайзеру Вильгельму, а затем — Гитлеру. Генерал-фельдмаршал фон Лееб, главнокомандующий группой армий «Север», организатор блокады Ленинграда. Генерал-фельдмаршал фон Кюхлер, в январе 1942 года сменивший Лееба на посту главнокомандующего группой армий «Север», этот, говоря словами приговора, хладнокровный и безжалостный генерал, который на суде всячески пытался снять с себя вину за тяжкие преступления, совершенные на оккупированной его войсками территории, был автором многочисленных приказов, с чудовищным цинизмом предписывавших массовое уничтожение гражданского населения, насильственный угон населения на рабский труд в Германию, жестокое и издевательское обращение с военнопленными. Генерал-полковник Гот, командующий 17-й армией группы армии «Юг», а затем 4-й танковой армией, издававший подробнейшие «инструкции» относительно применения пыток при допросах

¹ Помимо интересующего нас процесса, в американских военных трибуналах в Нюрнберге слушались процессы: главного инспектора военно-воздушных сил, ближайшего приспешника Геринга, фельдмаршала Мильха, который был осужден к 25 годам тюремного заключения, и фельдмаршала Листа (процесс № 7 по делу о казнях заложников), который был приговорен к пожизненному заключению. Оба они также были вскоре освобождены.

и расправ с партизанами. Генерал-полковник Рейнгардт, командующий танковой группой «Север», а затем группой армий «Центр», на совести которого убийства военнопленных, расправы с гражданским населением и партизанами, принудительный угон в Германию для рабского труда многих тысяч жителей Белоруссии и других районов Советского Союза. Генерал-полковник Зальмут, командующий 4-й, 2-й, а затем 15-й армиями, издававший свирепые приказы о расстреле «на месте» всех «подозрительных» жителей на оккупированной его войсками территории, о массовых казнях гражданского населения и военнопленных коммунистов, о казнях партизан. Генерал артиллерии Варлимонт, один из ближайших сотрудников Кейтеля и Йодля в разработке и осуществлении планов агрессивной войны, в прошлом — представитель германских вооруженных сил при генерале Франко, соавтор преступного «приказа о комиссарах», на основании которого были зверски уничтожены десятки тысяч военнопленных-коммунистов. Генерал пехоты Рейнеке, начальник общего управления (АВА) верховного главнокомандования, несущий личную ответственность за создание гнусной системы уничтожения советских военнопленных, обреченных на мучительную смерть от голода, непосильного труда и диких издевательств.

В приговоре по делу ОКВ подробно разбираются доказательства виновности каждого из подсудимых в соответствии с пунктами обвинительного заключения, приводится множество документов, свидетельствующих об активном участии подсудимых в самых тяжких преступлениях фашизма.

Несмотря на старания американских судей выгородить подсудимых, смягчить их вину, многочисленные приказы и инструкции, подробно цитируемые в настоящей книге, раскрывают страшную картину хладнокровного и расчетливого уничтожения людей, систематического и организованного беспощадного ограбления оккупированных территорий, наглого и беззастенчивого попрания элементарных принципов международного права, сознательного и продуманного издеательства над человеческим достоинством.

Неопровержимо доказывая виновность каждого из подсудимых, эти документы в то же время имеют более

широкое значение. Хотя в тексте приговора они рассматриваются лишь с точки зрения непосредственной ответственности обвиняемых, их содержание не оставляет никакого сомнения в том, что весь гитлеровский генералитет в целом отвечает за преступные действия германских агрессоров не в меньшей степени, чем нацистская партия, СС, гестапо и другие организации, признанные преступными решением Международного военного трибунала в Нюрнберге. В этом прежде всего и состоит ценность публикуемых материалов.

Доказательства, представленные на суде, оказались столь вескими и неопровержимыми, что американский трибунал не мог не признать виновными почти всех подсудимых, оправдано было лишь двое из тринадцати представших перед судом генералов. Большинство обвиняемых были приговорены к тюремному заключению на значительные сроки. Слишком свежи еще были в памяти зверства гитлеровских захватчиков, слишком очевидны улики, слишком убедительны и красноречивы показания свидетелей. Общественное мнение переживших все ужасы оккупации европейских стран решительно требовало сурового наказания военных преступников. Таково же было настроение широких масс и в США, требовали этого и прогрессивные люди в Германии, потрясенные чудовищными злодеяниями нацистских изуверов.

Приговор по делу ОКВ представляет для советского читателя интерес и еще в одном отношении. В нем дано тщательно аргументированное юридическое обоснование правомочности трибунала, его законного права судить военных преступников не как военнопленных, захваченных в результате военного разгрома и безоговорочной капитуляции противника, а именно как лиц, виновных в совершении преступлений, противоречащих общепризнанным нормам международного права. Попытки реакционных западногерманских юристов доказать, что судебные инстанции победившей стороны якобы не могут на законном основании привлекать к ответственности граждан побежденного государства, убедительно и обоснованно опровергаются в приговоре. Эти доводы звучат особенно актуально в наши дни, когда в Западной Германии, а кое-где и за ее пределами, широкое распространение получили казуистические рассуждения

о «незаконности» приговоров Международного военного трибунала и других судов стран антигитлеровской коалиции, рассматривавших дела о военных преступлениях германского фашизма.

Однако нельзя пройти мимо ряда неправильных суждений, высказанных в приговоре и бросающихся в глаза советскому читателю. Речь идет в первую очередь о недвусмысленном стремлении освободить генералов вермахта от ответственности за подготовку и развязывание агрессивной войны. Суд не согласился с доводами обвинения об активном участии подсудимых, занимавших высокие посты в вермахте и генеральном штабе, в планировании агрессии и, следовательно, в заговоре против мира. Приговор ставит на одну доску высших генералов, которые, подобно Рейнеке и Варлимунту, теснейшим образом сотрудничали в разработке стратегических планов агрессивной войны, или, подобно Леебу, Кюхлеру и другим, являлись главными организаторами осуществления этих планов, агрессивный характер которых был им хорошо известен, с рядовыми солдатами и офицерами вермахта. В предисловии к немецкому изданию книги справедливо отмечается, что трибунал перенес слишком высоко ту «грань между главнокомандующим вооруженными силами и рядовым солдатом», о которой говорится в приговоре. По существу, вынося это решение, трибунал вступил в противоречие со своим собственным утверждением о том, что «Гитлер был центром ряда гигантских концентрических кругов влияния» и что обвиняемые принадлежали к одному из самых близких к нему кругов. «Обвиняемые, — говорится в приговоре, — стоят лишь на одну-две ступени ниже Геринга, Кейтеля, Йодля, Деница и Редера», то есть главных немецких военных преступников. Ясно, что без участия всего высшего генералитета и руководства гитлеровского генерального штаба планы агрессивной войны не могли бы быть разработаны. Это фактически признал и американский трибунал, заявив, что, «если бы они не содействовали этой катастрофе, потрясшей мир ...они оказали бы услугу не только своей родине, но и всему человечеству». Тем не менее трибунал отказался признать подсудимых виновными по первому («Преступления против мира») и четвертому («Общий план или заговор») разделам обвинительного

заключения. Ясно, что это противоречие можно объяснить исключительно политическими соображениями.

Процесс по делу группы генералов слушался в разгар «холодной войны». Его вели представители той самой страны, руководящие круги которой уже тогда взяли курс на возрождение агрессивных сил германского империализма, имея в виду использовать их как орудие борьбы против лагеря социализма и демократии. Хотя американские судьи утверждали, что политические соображения не должны оказывать никакого влияния на ход процесса, воздействие этих соображений обнаружить не столь уж трудно. Как отмечается в предисловии к немецкому изданию, суд происходил в условиях, когда фактическая реабилитация германской военщины уже началась. Ведь уже осенью 1946 года Международный военный трибунал, несмотря на решительный официальный протест члена трибунала от СССР, отказался признать верховное главнокомандование гитлеровской армии и генеральный штаб преступными организациями.

Между тем обвинение представило Международному военному трибуналу многочисленные и никем никогда не опровергнутые факты преступной деятельности военной верхушки гитлеровских вооруженных сил. Речь шла об осуждении всей милитаристской клики — одной из главных движущих сил фашистской агрессии. Достаточно напомнить слова представителя обвинения от США генерала Тэйлора на процессе по делу главных немецких военных преступников:

«Преступления против мира, в которых принимали участие генеральный штаб и верховное командование, вели неизбежно к военным преступлениям... Без участия этой группы в преступлениях против мира не было бы и никаких военных преступлений... Именно поэтому разоблачение и дискредитация этой группы в результате объявления ее преступной являются гораздо более важными, чем судьба отдельных лиц, одетых в военную форму»¹.

Однако как раз это разоблачение и не было доведено до конца. Отказ признать верховное командование

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. VI, М., 1961, стр. 664, 675.

и генеральный штаб преступными организациями означал первый шаг к реабилитации германского милитаризма. Была создана юридическая основа для дальнейших действий в этом направлении. В 1946—1948 годах военнопленные гитлеровские генералы, избежавшие привлечения к суду, были собраны в специально оборудованных комфортабельных «генеральских лагерях», где под руководством представителей американского генерального штаба занимались изучением и обобщением опыта второй мировой войны. А в 1948 году, как раз тогда, когда проходил процесс по делу ОКВ, были распущены и эти лагеря. Надо иметь также в виду, что судебный процесс над группой генералов был последним из процессов, проводившихся американскими военными трибуналами в 1947—1948 годах, и что он, как, впрочем, и большинство других, являлся в известной мере данью антифашистским настроениям, характерным для широких кругов американского народа в первые послевоенные годы. Несомненно, что этот процесс уже тогда находился в определенном противоречии с практической политикой военных властей США в Западной Германии, которая не имела ничего общего со стремлением к подлинному разоблачению и наказанию военных преступников. А когда спустя три-четыре года почти все осужденные на различных процессах генералы оказались выпущенными на свободу теми же самыми американскими властями, всему миру стало ясно действительное отношение правящих кругов США к гитлеровскому генералитету.

Обстановка «холодной войны» не могла не воздействовать на исход процесса по делу ОКВ. Ответственность за участие в подготовке агрессивной войны, хотя самый факт этого участия суд не отрицал, была снята со всей группы подсудимых в целом. Тем самым от этой ответственности была освобождена вся германская военщина, все милитаристские круги и вина за агрессивную войну возложена исключительно на уже осужденных Международным военным трибуналом главных военных преступников. Геринг, Кейтель и Иодль, Дениц и Редер оказались, таким образом, единственными представителями вооруженных сил, которые были признаны виновными за планирование агрессии и заговор против

мира. Такое решение американского военного трибунала вполне отвечало политическим интересам правящих кругов США. Возрождение германского милитаризма в качестве младшего партнера Пентагона уже тогда являлось одной из важнейших целей американской внешней политики, а для осуществления этой цели нужно было не только привлечь генералов и высших офицеров вермахта, но и оправдать всю милитаристскую корпорацию в целом. А для этого надо было отделить военные круги от гитлеровской партии и нацистского правительства, снять с них ответственность за действия «политического руководства», изобразить их как силу, вынужденную выполнять приказы сверху, но лишенную возможности оказать какое-либо влияние на политику государства. Этой задаче и отвечало решение американского трибунала о непричастности обвиняемых к преступлениям против мира. Прочитав соответствующие разделы приговора, советский читатель легко увидит несостоятельность доводов трибунала. Насколько убедителен приговор в той его части, которая доказывает вину подсудимых за военные преступления и преступления против человечности, настолько же расплывчато и бездоказательно выглядят рассуждения о невиновности их по первому и четвертому разделам обвинительного заключения.

Отказ американского трибунала признать ответственность военщины за развязывание агрессивной войны гитлеровской Германией был вторым крупным шагом к полной реабилитации германского милитаризма. Но на процессе такой реабилитации еще не произошло, хотя ждать ее пришлось недолго. Уже через год после его окончания из западных оккупационных зон была образована Федеративная Республика Германии и возрождение германского империализма пошло вперед быстрыми темпами. Прошел еще год, и осенью 1950 года на совещании министров иностранных дел западных держав в Нью-Йорке был в принципе одобрен план включения немецких военных контингентов в состав планировавшейся тогда «европейской армии». Месяц спустя совещание пятнадцати генералов гитлеровского вермахта выступило с меморандумом, представлявшим собой конкретную разработку плана создания западно-германских вооруженных сил. А уже в следующем году

в ФРГ было учреждено фактическое военное министерство, называвшееся сначала «ведомством», но скоро получившее официальное признание в качестве министерства обороны. Заключенные в 1954 году Парижские соглашения, оформившие вступление ФРГ в агрессивный Североатлантический блок, предопределили практическое создание западногерманской армии — через год с небольшим мир узнал о сформировании первого подразделения бундесвера.

Такой стремительный ход событий находился в явном противоречии с тем фактом, что большая группа генералов и высших офицеров вермахта продолжала отбывать наказание за военные преступления. Будущий вермахт — под каким бы названием он теперь ни фигурировал и каков бы ни был покров его формы — нуждался в руководящих кадрах, а правительство Аденауэра, провозгласившее своим знаменем реваншизм, — в военных советниках. Кроме того, в начале 50-х годов было уже совершенно ясно, что в ближайшем будущем правовой статус ФРГ должен измениться и оккупационные власти в том или ином виде перестанут существовать. А правом изменить положение заключенных, осужденных американским военным трибуналом, обладали только эти власти. И американские правящие круги поспешили воспользоваться этим правом и пойти навстречу своему новому союзнику — верховный комиссар США в Западной Германии Макклой в 1952—1953 годы на основе специально объявленной им амнистии освободил из заключения почти всех осужденных ранее гитлеровских генералов. Так же поступили и его английские и французские коллеги. Таков был третий, решающий шаг к окончательной реабилитации германского милитаризма.

Оказавшиеся на свободе генералы не остались без дела. В предисловии к немецкому изданию читатель сможет ознакомиться с дальнейшей судьбой некоторых подсудимых по делу верховного главнокомандования. Большинство из них по возрасту уже не могло вступить в состав бундесвера, но к их услугам оказалась широко разветвленная сеть всевозможных реваншистских милитаристских организаций, которыми так богата ныне Западная Германия. «Стальной шлем», председателем которого стал вскоре после выхода

из тюрьмы палач итальянского народа Кессельринг, «Общество военных наук», которое возглавил генерал-полковник Рейнгардт, различные солдатские союзы и фронтовые «землячества» стали пристанищем той части гитлеровского генералитета, которая не была привлечена к активной службе в новой армии. А кое-какие бывшие генералы, в частности военный преступник фельдмаршал Мильх и другие, нашли для себя более прибыльным занять выгодные посты в крупных монополистических объединениях.

Большая группа генералов вермахта приняла активнейшее участие в создании новых западногерманских вооруженных сил. Особенно большую роль сыграли Шпейдель и Хойзингер, первыми получившие дипломы генералов бундесвера. Оба они, ввиду своей причастности к генеральскому заговору 20 июля 1944 года, не были включены в число военных преступников. Правда, участие их в заговоре вряд ли могло служить доказательством их «оппозиции» Гитлеру; в послевоенные годы были опубликованы весьма веские материалы и свидетельства, из которых видно, что обоим генералам удалось избежать участи большинства участников заговора только ценой предательства. Однако это никак не помешало им оказаться у колыбели нового вермахта. Руководители боннского государства и их коллеги по НАТО попросту сделали вид, что этих материалов не существует.

Между тем именно две эти фигуры, пожалуй, наиболее характерны для доказательства прямой преемственности теперешнего бундесвера от вермахта. Ганс Шпейдель, достаточно известный своей «деятельностью» в качестве начальника штаба гитлеровских оккупационных войск во Франции, а затем начальника штаба 8-й армии Роммеля, уже в 1955 году занял пост руководителя военного отдела министерства обороны ФРГ, а после этого долгое время пребывал на должности командующего сухопутными войсками НАТО в зоне Центральной Европы. Аналогичную карьеру сделал и бывший начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил вермахта Адольф Хойзингер, лично отдававший приказы о карательных экспедициях и о правах над гражданским населением на территории Советского Союза, несущий прямую личную ответствен-

ность за многочисленные злодеяния немецко-фашистских войск. Пробыв несколько лет на посту генерального инспектора и начальника главного штаба бундесвера, он в 1960 году был назначен председателем постоянного военного комитета НАТО.

Высшие посты в бундесвере заняли и другие гитлеровские генералы и высшие офицеры — бывшие руководители гитлеровской авиации Каммхубер и Паницки, бывший командующий военно-морскими силами в Италии Руге, бывший полковник генерального штаба Кильманзег и многие другие. В январе 1964 года генеральным инспектором бундесвера был назначен генерал Третнер, прослуживший 20 лет в рейхсвере и в вермахте.

Таков был результат фактической реабилитации гитлеровского генералитета.

* * *

Разоблачение агрессивных замыслов германского империализма является одной из важных задач борьбы за упрочение мира. Поражение во второй мировой войне мало чему научило германских милитаристов; провозгласив своим знаменем политику реванша, они вновь становятся на тот самый путь, который однажды уже привел Германию к катастрофе. За последние годы роль милитаристских кругов в политической жизни Западной Германии угрожающе возросла; по мере того, как бундесвер, оснащаемый современным оружием, превращается в одну из сильнейших армий Западной Европы, генералитет четвертого рейха становится все более ощутимой силой в определении внешней и внутренней политики боннского государства. Бундесвер уже насчитывает, по официальным данным, более 400 тыс. человек и имеет офицерский корпус, необходимый для развертывания многомиллионной армии. Военный бюджет ФРГ в 1964 году приближается к 22 млрд. марок, то есть почти на 4 млрд. превышает военные расходы в 1963 году.

Разумеется, было бы вредным упрощением рассматривать то, что происходит сейчас в ФРГ, как простое возрождение прошлого. Такой возврат, конечно, невозможен. Процесс фашизации страны происходит в по-

вых формах. Многие лозунги гитлеровцев безнадежно дискредитированы, другие — модифицируются и приспособляются к новым условиям. Реваншистские требования прикрываются рассуждениями об «освобождении» населения ГДР, о «единстве Германии», об «обороне западного мира», об «интеграции Европы» и т. п. Однако все это не может замаскировать главного — Западная Германия интенсивно вооружается и германский милитаризм под знаменем плохо скрытых реваншистских и агрессивных устремлений вновь становится одной из главных угроз делу всеобщего мира.

Реальной силой милитаризма и реваншизма является бундесвер, созданный при самом непосредственном участии генералитета вермахта и возглавляемый людьми, прошедшими школу в гитлеровских вооруженных силах. Дух милитаризма, отвратительные черты которого с такой яркостью были вскрыты на процессе в Нюрнберге, по-прежнему господствует в среде западно-германской военщины.

«Реваншистским угаром, — отмечал Н. С. Хрущев, — наполнена вся политическая жизнь Западной Германии... Генералы бундесвера отрабатывают на учениях планы наступательных действий против Советского Союза, ГДР, Польши, Чехословакии...»¹ Возрожденный в Западной Германии милитаризм является носителем самых реваншистских устремлений империалистических кругов. Именно поэтому необходимо постоянно разоблачать германский милитаризм во всех его проявлениях, вскрывать его органическую связь с гитлеризмом. Материалы, публикуемые в настоящей книге, служат этой цели: они еще и еще раз свидетельствуют о тяжких преступлениях германских милитаристов.

Б. Тартаковский

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 года, М., Госполитиздат, 1963, стр. 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Выпуская в свет эту книгу, издательство «Рюттен унд Лёнинг» начинает публикацию приговоров, вынесенных американскими военными трибуналами в Нюрнберге на двенадцати судебных процессах после окончания процесса по делу главных немецких военных преступников в Нюрнбергском Международном военном трибунале. На этих двенадцати процессах были осуждены «второстепенные» военные преступники гитлеровской Германии (лица, занимавшие руководящие посты в экономической, политической и военной областях)¹.

Народы добились тогда осуждения преступников. На процессах был выявлен подлинный характер грабительской войны, начатой германскими милитаристами. Однако ввиду того, что объективная картина истории второй мировой войны создает моральные препятствия для подготовки третьей мировой войны и возрождения германского милитаризма, в Западной Германии используют все средства для того, чтобы заставить народы забыть о преступлениях, совершенных германскими милитаристами.

Этим объясняется тот факт, что, кроме опубликованных в 1947 году секретариатом Международного военного трибунала в Нюрнберге протоколов процесса над главными немецкими военными преступниками, из всей

¹ Процесс № 1 по делу гитлеровских врачей; процесс № 2 по делу гитлеровского фельдмаршала Мильха; процесс № 3 по делу гитлеровских юристов; процесс № 4 по делу СС; процесс № 5 по делу гитлеровского промышленника Флика; процесс № 6 по делу «ИГ Фарбен»; процесс № 7 по делу о казнях заложников; процесс № 8 по делу ведомства по расовым вопросам; процесс № 9 по делу оперативных групп СД; процесс № 10 по делу гитлеровского промышленника Альфреда Круппа; процесс № 11 по делу гитлеровских дипломатов; процесс № 12 по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта (ОКВ).

массы материалов двенадцати последующих процессов в Западной Германии до сих пор опубликованы лишь приговоры по делу «ИГ Фарбен»¹ и по делу Вильгельмштрассе². В ходе этих процессов с нацистскими «руководителями экономики» и дипломатами обошлись более чем снисходительно.

Издательство «Рюттен унд Лёнинг» не случайно начинает свои публикации с материалов процесса № 12 по делу Верховного главнокомандования гитлеровского вермахта (ОКВ), который был последним по счету. Этим оно стремится внести свой вклад в дело разоблачения и обуздания германских милитаристов и реваншистов. Ведь те же самые силы, которые были осуждены в Нюрнберге за военные преступления и преступления против человечности, действуют сейчас в Западной Германии, всеми средствами добываясь атомного вооружения бундесвера и тотальной милитаризации страны. Они готовят новые преступления против мира и человечности. Предъявленные на процессе по делу ОКВ документальные доказательства помогают сорвать с германских милитаристов лицемерную маску «честных солдат» и разоблачить бывших командующих группами армий и армиями, а также генералов, занимавших руководящие посты в ОКВ, как сознательных лжецов и преступников.

Публикация этих материалов должна прежде всего помочь историкам нарисовать достоверную картину как событий второй мировой войны, так и развития германского милитаризма; кроме того, опубликование данных материалов поможет пропагандистам убедительно разоблачить многочисленные факты фальсификации истории, широко распространенные в западногерманской историографии и публицистике.

Процесс по делу тринадцати крупных руководителей немецко-фашистского вермахта, вошедший в историю как «процесс ОКВ», проходил в пятом американском военном трибунале с 5 февраля по 28 октября 1948 года.

Какова предыстория этого процесса?

¹ «Das Urteil im IG-Farben-Prozeß», Offenbach, 1948.

² «Das Urteil im Wilhelmstraßen-Prozeß», Schwäbisch-Gmünd, 1950. [Вильгельмштрассе — улица в Берлине, на которой находилось гитлеровское министерство иностранных дел. — *Ред.*]

Германские империалисты, с неслыханной жестокостью подавившие прогрессивные силы немецкого народа, нарушив существовавшие договоры, совершили военное нападение на соседние государства и в 1939 году развязали вторую мировую войну. В ходе войны они в неслыханных масштабах совершали кровавые преступления, не останавливаясь ни перед какими злодеяниями для осуществления поставленных империалистических захватнических целей.

Преступления против мира в результате развязывания агрессивных войн, начатых в нарушение подписанных договоров и норм международного права, истязания и убийства военнопленных, принудительный угон, порабощение и уничтожение гражданского населения, разграбление общественной и частной собственности, бессмысленное разрушение городов, деревень и культурных ценностей, тактика «выжженной земли», создание концентрационных лагерей, истребление миллионов людей, подвергнутых преследованиям по политическим, расовым или религиозным мотивам, пренебрежение всеми человеческими законами — таковы преступления, совершенные германскими империалистами и милитаристами. В соглашениях, подписанных союзниками после безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии 8 мая 1945 года, а также в соглашениях, достигнутых еще во время войны, перед державами антигитлеровской коалиции была поставлена задача судебного преследования и наказания военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечности. Эти державы еще до поражения гитлеровской Германии договорились о том, чтобы строжайшим образом наказать всех виновных, как инициаторов, так и исполнителей, и совместно осуществить в Германии решительные меры по демилитаризации и демократизации страны.

Советский Союз с самого начала требовал наказания всех военных преступников. Позже он оказался единственной в антигитлеровской коалиции великой державой, последовательно осуществившей в своей оккупационной зоне Германии демилитаризацию и демократизацию и создавшей для демократических, миролюбивых и прогрессивных сил немецкого народа возможность искоренить империализм и милитаризм на востоке Германии.

Еще 30 октября 1943 года, во время первой конференции министров иностранных дел трех великих держав (СССР, США и Великобритании), происходившей в Москве, была опубликована Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В ней говорилось, что «те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран»¹.

В решениях, принятых на Ялтинской конференции (февраль 1945 года), руководители трех держав еще раз подтвердили, что их «непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма», что они полны решимости «подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию... устранить всякое нацистское и милитаристское влияние... из культурной и экономической жизни германского народа»².

Наконец, в Потсдамском соглашении, зафиксировавшем договоренность союзников по вопросу об их оккупационной политике в Германии, были твердо намечены обязательные меры в отношении военных преступников. Там говорится:

«Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы»³.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I, М., 1946, стр. 418.

² Там же, т. III, 1947, стр. 102—103.

³ Там же, стр. 341.

В соответствии с Московской декларацией (октябрь 1943 года) между четырьмя великими державами (СССР, США, Великобританией и Францией) 8 августа 1945 года в Лондоне было подписано Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси¹. Основным содержанием этого документа было решение об учреждении Международного военного трибунала, который по окончании процесса, длившегося более 10 месяцев, вынес 1 октября 1946 года в Нюрнберге приговор главным немецким военным преступникам. После оглашения приговора член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко изложил свое особое мнение на приговор в отношении подсудимых Шахта, фон Папена, Фриче и Гесса² и обвиняемых организаций: правительственного кабинета, генерального штаба и верховного главнокомандования германских вооруженных сил (ОКВ). Никитченко указал, что отказ в признании преступными организациями генерального штаба и ОКВ противоречит признанию тем же Военным трибуналом виновности членов этих организаций. В приговоре Международного военного трибунала, в частности, говорится:

«Они [члены этих организаций. — *Ред.*] были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлечены и бесплодными... Они безусловно представляли собой безжалостную военную касту...

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными

¹ К этому соглашению впоследствии присоединились следующие страны: Греция, Дания, Югославия, Нидерланды, Чехословакия, Польша, Бельгия, Эфиопия, Австралия, Гондурас, Норвегия, Панама, Люксембург, Гаити, Новая Зеландия, Индия, Венесуэла, Уругвай и Парагвай.

² Шахт, Папен и Фриче были оправданы, Гесс приговорен к пожизненному тюремному заключению.

гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать»¹.

20 декабря 1945 года Контрольный совет в Германии издал закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. В преамбуле закона говорится, что он принят с целью «установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным военным трибуналом»². Закон № 10 предоставлял оккупационным властям право объявлять немецкие суды компетентными для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных лицами немецкого гражданства или национальной против других лиц немецкого гражданства или национальной. Кроме того, закон устанавливал, что главнокомандующие соответствующими зонами будут передавать выявленных военных преступников тем государствам, на территории которых они совершили свои преступления.

Это соглашение вскоре было нарушено западными державами, которые отклоняли просьбы государств Восточной Европы о выдаче военных преступников³, ибо американские империалисты, разворачивая подготовку к новой войне, принялись за реабилитацию немецких военных преступников и стали выпускать их на свободу, предполагая в дальнейшем использовать их в своих целях.

¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. VII, М., 1961, стр. 434 [Далее цитируется сокращенно «Нюрнбергский процесс». — *Ред.*]

² «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 79.

³ Так, например, английские и американские оккупационные власти отклонили просьбу польского правительства о выдаче известных военных преступников Рейнефарта, Бах-Зелевского и др.

В тогдашней советской оккупационной зоне, нынешней Германской Демократической Республике, Потсдамское соглашение осуществлялось во всех отношениях последовательно. Здесь рассматривали наказание военных преступников и их отстранение от власти не только как обязательную меру, предусмотренную соглашением союзников, но и как составную часть тех политических и экономических реформ, которые уже давно назрели в Германии. Имущество военных преступников было конфисковано, и все лица, виновные в военных преступлениях и преступлениях против человечности, понесли заслуженное наказание. С другой стороны, законом Народной палаты ГДР от 9 ноября 1949 года предоставлялись гражданские права тем бывшим членам нацистской партии и офицерам германского вермахта, которые не были ничем скомпрометированы.

В соответствии с Лондонским соглашением о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси и учитывая требования народов о возмездии за преступления, совершенные гитлеровской Германией, американские оккупационные власти были вынуждены провести судебный процесс по делу некоторых видных руководителей гитлеровского вермахта. Несмотря на то, что лишь трое обвиняемых (Варлимонт, Рейнеке и Леман) входили в верховное главнокомандование германской армии (ОКВ), этот процесс вошел в историю как «процесс ОКВ».

Документы этого процесса со всей очевидностью показывают чудовищный цинизм и преступную бесчеловечность, с которыми генералы Гитлера вели войну против народов Советского Союза. Особенно наглядно эти документы свидетельствуют о том, какие зверские методы применялись по приказу гитлеровских генералов в отношении военнопленных (прежде всего коммунистов и партизан) и гражданского населения в целом, в том числе даже в отношении женщин и детей.

В оперативном районе ХLI армейского корпуса, которым командовал Рейнгардт, только за период с 22 июня по 8 июля 1941 года были расстреляны 97 захваченных в плен политруков; в марте 1943 года Рейнгардт потребовал, чтобы советское население в оккупированных районах более интенсивно работало на фашистский вермахт, и в качестве принудительной меры

предложил не выдавать людям заработок и продовольственный паек, а также применять другие варварские методы; в октябре 1943 года он распорядился отправить в концентрационные лагеря Люблин и Освенцим несколько тысяч советских граждан.

Зальмут издал 21 ноября 1941 года приказ, в котором говорилось: «Любое гражданское лицо, а также отставший от своей части солдат, у которых в районе, занятом XXX корпусом, будет найдено оружие, будут расстреляны на месте». Таким образом, Зальмут явно не считал нужным прикрыть свои действия, противоречащие нормам международного права, хотя бы формальной процедурой военного суда, и тем самым поощрял грубейший произвол. В апреле 1943 года, изъясняясь на чистейшем нацистском жаргоне, он рекомендовал включить в инструкцию о борьбе с партизанами пункт: «При допросах бандитов¹, в том числе и женщин, следует применять все средства, чтобы получить необходимые сведения». 2 августа 1941 года он отдал приказ, который начинался следующими словами: «Фанатичное стремление членов коммунистической партии и евреев любой ценой задержать продвижение вермахта должно быть сломлено во что бы то ни стало. Эта задача возлагается на зондеркоманды». А этими зондеркомандами были пресловутые оперативные группы СД (службы безопасности), истребившие в течение нескольких месяцев десятки тысяч советских граждан, в первую очередь коммунистов и евреев.

На процессе были представлены документальные доказательства того, что командиры вермахта передали СД и полиции безопасности десятки тысяч военнопленных для ликвидации и содействовали превращению целых областей на Востоке в безлюдные районы в результате массового истребления населения. Они не только были полностью информированы о программе истребления евреев, но и активно содействовали ее осуществлению.

После Нюрнберга бывшие гитлеровские генералы, а также их идеологические пособники пытаются отречься от совершенных ими преступлений, ссылаясь на то, что они якобы лишь выполняли приказы сверху, которые

¹ Так гитлеровцы именовали советских партизан.— *Прим. ред.*

противоречили их убеждениям. В приговоре об этом метко сказано, что генералы могли «пользоваться благами, которые щедро расточали им власти третьего и тысячелетнего рейха», лишь благодаря тому, что они не противодействовали «воле своих национал-социалистских господ и хозяев». Трибунал пришел к заключению, что офицеры не могут избежать уголовной ответственности, «ссылаясь на то, что они якобы лишь выполняли приказы своих начальников, бывших еще более опасными преступниками». Трибунал установил далее, что ст. 47 германского военно-уголовного кодекса также предусматривает наказание подчиненного за выполнение приказа начальника о действии, предусматривающем совершение общеуголовного или военного преступления или нарушение закона.

В приговоре недвусмысленно указывается, что выполнение преступных приказов влечет за собой наказание не потому, что законом Контрольного совета № 10 оно признано преступным действием, а потому, что в соответствии с обычным международным правом оно было преступным действием уже в момент его совершения. Этот пункт имеет особую важность также и потому, что в ходе некоторых процессов по делам военных преступников, состоявшихся в последние годы в Западной Германии, суды придерживались того мнения, что преступные и бесчеловечные приказы Гитлера якобы создавали обязательные для исполнения нормы права. В соответствии с этим выносились и приговоры¹. А западногерманскую молодежь уже давно вновь воспитывают в духе доктрины: «Повиновение солдата выражается в том, что он выполняет приказ, не спрашивая, почему он отдан и правилен ли он»².

¹ 21 августа 1959 года дюссельдорфский суд присяжных приговорил бывшего гитлеровского генерала Хассо фон Мантейфеля, занимавшего тогда пост военного советника Аденауэра, за расстрел молодого солдата всего к 18 месяцам тюремного заключения. Убийца ссылался на приказ фюрера № 7, который был признан судом законным. 23 июля 1960 года генерал войск СС Симон, по приказу которого в 1945 году было убито несколько немецких крестьян за то, что они отняли оружие у членов организации «гитлерюгенд», вторично был оправдан судом присяжных в Ансбахе.

² «Ketteler Wacht», Bonn, 15/3. 54.

Процесс по делу группы генералов имеет особое значение еще и потому, что он, пожалуй, более убедительно, чем другие суды над военными преступниками, доказал идеологическое единство фашистских «фюреров» и гитлеровских генералов. Общность взглядов на политику завоеваний, угнетения и истребления целых народов повлекла за собой совместное участие политического и военного руководства в совершении одних и тех же преступлений. Доказано, что генералы и штабные офицеры не только выполняли преступные приказы руководящей нацистской клики, но и принимали решающее участие в их разработке. Более того, во многих случаях офицеры ОКВ вносили многочисленные дополнения к указаниям и приказам Гитлера, делавшие их еще более жестокими. Внимательное изучение процедуры разработки проектов отдельных наиболее преступных приказов на всех стадиях отчетливо показало, каким образом какая-нибудь идея Гитлера или Кейтеля под пером генералов и офицеров ОКВ принимала форму, в которой она и доводилась до штабов и войск. Имеются также документы, анализ которых доказывает, что во многих случаях даже и основные идеи не принадлежали Гитлеру или другим руководителям «третьего рейха», а зародились у отдельных штабных офицеров ОКВ, ОКХ (главного командования сухопутных войск), ОКЛ (главного командования военно-воздушных сил) или ОКМ (главного командования военно-морского флота) ¹.

К сожалению, эта сторона отношений между Гитлером и вермахтом не была достаточно широко показана во время процесса по делу ОКВ, хотя для этого имелся ряд отправных пунктов. Зато трибунал очень много занимался вопросом о якобы трагическом положении подсудимых и при этом приобщил к делу ряд материалов, содержащих утверждения, которые с успехом могут быть использованы в западногерманской литературе по вопросу реабилитации военных преступников.

Это объясняется, конечно, важными политическими соображениями. Ведь процесс проходил в то время, когда уже была в разгаре «холодная война» американ-

¹ См., например, В. К. Кlee, Der Entwurf zur Führer-Weisung Nr. 32 vom 11 Juni 1941, «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1956, Heft 3,

ских империалистов против социалистических стран, когда в западных зонах уже довольно далеко зашла подготовка к расколу Германии и когда была начата разработка первых планов возрождения военной мощи германского империализма, с тем чтобы в третьей мировой войне американский империализм мог вновь натравить германских милитаристов, словно цепных псов, на Советский Союз.

Принятое Международным военным трибуналом вопреки протесту члена трибунала от СССР решение не объявлять генеральный штаб и ОКВ преступными организациями было официальным началом процесса реабилитации германского милитаризма, и особенно германского генерального штаба в интересах его дальнейшего использования. Это решение в значительной степени предопределило исход так называемого «процесса ОКВ». Так, например, все тринадцать подсудимых — фельдмаршалы и генералы — были признаны невиновными в преступлениях против мира на том основании, что вина за ведение агрессивных войн якобы должна быть возложена только на ответственных политических деятелей.

Это решение исключало высших военных руководителей гитлеровского рейха из числа тех, кто виновен в заговоре против мира, хотя в обосновании приговора указывается, что ведущие германские военные деятели, точно так же как и нацистские политики, преднамеренно планировали и подготавливали агрессивную войну.

Кроме того, пятый американский трибунал не счел нужным упомянуть о тех, кто извлекал выгоды из насильственного угона и бесчеловечной эксплуатации миллионов людей, обреченных на принудительный труд, в том числе военнопленных, — а именно о германских военных концернах, хотя в ходе процесса было доказано, что гитлеровские генералы поставляли им рабов.

Отказ американского трибунала признать подсудимых виновными по разделу IV обвинительного заключения (общий план или заговор) точно так же следует рассматривать как попытку реабилитации германского генерального штаба. О том же стремлении свидетельствуют и различные другие высказывания и решения трибунала, например восхваление пресловутой высокой дисциплины в фашистском вермахте, признание «военной необходимости» тактики «выжженной земли», реше-

ние о том, что начальники штабов корпусов, армий и групп армий якобы не несут ответственности за преступные приказы и мероприятия соответствующих командных инстанций.

- Трибунал совершенно правильно констатировал:

«Хотя власть Гитлера была практически неограниченной, он не мог один формировать политику развязывания агрессивной войны и не мог один осуществлять эту политику на деле путем планирования, подготовки и ведения такой войны. Где-то между диктатором и верховным главнокомандующим вооруженными силами страны и рядовым солдатом проходит грань, разделяющая преступное и извинительное участие каждого отдельного лица в агрессивной войне».

Однако трибунал явно перенес эту грань слишком высоко и отнесся к подсудимым более чем снисходительно. К тому же некоторые его правильные выводы противоречат другим его утверждениям.

Так, например, делается попытка свалить вину за все ужасы войны на широкие народные массы, попытка, которую можно объяснить только послевоенной политикой США и в пользу которой среди документальных доказательств, предъявленных на процессе, нет ни одного убедительного довода. Из заведомо неправильной оценки войны вытекает и неправильная позиция трибунала в вопросе о партизанской борьбе, который рассматривался без учета подлинного характера минувшей войны и фашистской политики истребления.

Несмотря на то что американский трибунал значительно смягчил пункты обвинения, ему все-таки пришлось рассмотреть документы, характеризующие масштабы участия ведущих гитлеровских генералов в отвратительных преступлениях, совершенных в первую очередь на территории Советского Союза. Учитывая тогдашние настроения общественности, пятый американский военный трибунал был вынужден приговорить большинство подсудимых к более или менее длительным срокам тюремного заключения. Однако многие преступления подсудимых трибунал вообще игнорировал, в том числе многочисленные случаи лжесвидетельства или дачи заведомо ложных показаний перед судом. А за прошедшее с

тех пор время все осужденные военные преступники в ходе ремилитаризации Западной Германии давно уже выпущены на свободу¹.

Сейчас многие из этих гитлеровских генералов занимают руководящие посты в милитаристских организациях Федеративной республики, где их деятельность направлена главным образом на тотальную идеологическую милитаризацию, так как для службы в бундесвере они уже слишком стары.

Рейнгардт летом 1954 года занял пост председателя «Общества военных наук», в руководство которого, как известно, входят также Каммхубер и Руге. К числу важнейших задач этого общества, по данным его руководства, уже в момент его создания в 1952 году относились «учет и оценка боевого опыта второй мировой войны в целях его использования в случае возрождения германских вооруженных сил». Это общество и его печатный орган — журнал «Веркунде» — играют в идеологической и теоретической подготовке намечаемой германскими милитаристами реваншистской войны роль, которую невозможно переоценить. Рейнгардт принимает в этой подготовке важное участие. Им написаны, в частности, многочисленные статьи о войне против Советского Союза, в которых он делает выводы относительно организации, боевой подготовки и системы командования западногерманской армии. Эти выводы и выдвигаемые им требования недвусмысленно предусматривают использование бундесвера для борьбы против Советской Армии.

Гот, подобно Рейнгардту, также активно участвует в военно-теоретической подготовке новых «молниеносных побед». За последние годы он опубликовал в журнале «Веркунде» множество статей, в которых рассматривается главным образом вопрос об участии танковых соединений в прошлых и будущих наступательных и оборонительных операциях. Так, в декабре 1959 года он требовал, чтобы «по мере увеличения численности бундесвера все новые танковые бригады сводились в танковые дивизии. Это обеспечило бы для НАТО существенные подкрепления при удержании выдвинутой далеко на

¹ Еще 31 января 1951 года американский верховный комиссар Макклой объявил амнистию, по которой были значительно снижены сроки заключения. В 1952 и 1953 годах большинство осужденных были освобождены.

Восток (!!!) оборонительной зоны и свободу оперативных действий»¹.

Но Гот не ограничивается этим. В серии «Вермахт в борьбе» он опубликовал в 1956 году книгу «Танковые операции», в которой рассматривает главным образом вопрос о том, как следовало вермахту вести в 1941 году войну против Советского Союза, чтобы одержать победу.

Наконец, Зальмут с сентября 1958 года занимает пост председателя «Союза немецких солдат» — головной организации всех «традиционных» солдатских союзов и прочих объединений ландскнехтов бывшего гитлеровского вермахта. Этот союз является одним из важнейших рычагов, при помощи которого германские милитаристы пытаются обеспечить себе массовую поддержку населения Западной Германии. Такое событие, как избрание на пост председателя «Союза немецких солдат» военного преступника Зальмута, относительно «морали» которого можно почерпнуть некоторые сведения из приговора по делу ОКВ, вынесенного американским трибуналом, орган союза — журнал «Зольдат им фольк» — оценил следующим образом:

«В его лице к руководству «Союзом немецких солдат» пришел боец, испытанный как в мирное время, так и на войне». В 1939 году он принадлежал к «ведущей группе офицеров генерального штаба вермахта» и «всегда проявлял себя как выдающийся, храбрый и заботливый командир»². Сравните это с тем, что говорится в обосновании приговора по делу ОКВ! На праздновании десятилетия «Союза немецких солдат» в марте 1960 года он высказался о «безусловной оппозиции» по отношению к «нетерпимой системе руководства людьми, духовный фундамент которой составляет марксизм-ленинизм...»³ И это говорил Зальмут!

Таким образом, военные преступники, осужденные на основании закона американскими судами, стоят ныне в Западной Германии в первых рядах сил, занятых идеологической и теоретической подготовкой новой «тотальной войны» против социалистического лагеря. Они стоят в едином строю с генералами, которые находятся на дей-

¹ «Wehrkunde», 1959, Heft 12, S. 637.

² «Soldat im Volk», Oktober 1958.

³ Ibid., April 1960.

ствительной службе в бундесвере и которые в своем меморандуме потребовали перехода к тотальной милитаризации и атомного вооружения бундесвера, чтобы завершить подготовку к «молниеносной войне» против социалистических государств.

Показать преступное прошлое этих бывших гитлеровских генералов и офицеров, чтобы помешать им совершить намечаемые новые преступления,— такова цель, достижению которой должна содействовать настоящая публикация документов.

Архив документов так называемого процесса ОКВ включает:

1. Протоколы судебных заседаний, состоящие более чем из 10 000 страниц машинописного текста.

2. Доказательства, представленные обвинением, состоящие из 22 томов (некоторые из томов имеют несколько частей).

3. Доказательства, представленные защитой.

4. Речи обвинителей.

5. Речи защитников подсудимых.

6. Обвинительное заключение, присоединенное к обоснованию приговора как приложение А.

7. Обоснование приговора.

8. Приговор.

Протоколы, составленные на немецком и английском языках, были размножены и переданы странам, подписавшим Лондонское соглашение от 8 августа 1945 года о преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, которые об этом просили.

Так одна копия всех документов процесса ОКВ оказалась в варшавском архиве Центральной комиссии по расследованию преступлений нацистов на территории Польши. Эта копия была использована как источник для настоящей публикации.

Ссылки суда на протоколы Международного военного трибунала, судившего главных немецких военных преступников, относятся к машинописному тексту этих протоколов, недоступному для широкой публики. Текст цитируемых в настоящей публикации документов заимствован из напечатанных типографским способом протоколов Международного военного трибунала, составляющих 42 тома.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AWA (АВА)	Allgemeines Wehrmacht- samt	Общее управление вер- ховного главнокомандо- вания вооруженных сил
NSF (НСФ)	Nationalsozialistischer Führungsstab	Национал-социалист- ский руководящий штаб
OKH (ОКХ)	Oberkommando des He- eres	Главное командование сухопутных сил
OKL (ОКЛ)	Oberkommando der Luft- waffe	Главное командование военно-воздушных сил
OKM (ОКМ)	Oberkommando der Krie- gsmarine	Главное командование военно-морского флота
OKW (ОКВ)	Oberkommando der Wehr- macht	Верховное главноко- мандование вооружен- ных сил (вермахта)
RSHA (РСХА)	Reichssicherheitshaup- tamt	Главное имперское уп- равление безопасности
SD (СД)	Sicherheitsdienst	Служба безопасности— организация разведки и контрразведки нацист- ской партии
SKL (ЗКЛ)	Seekriegsleitung	Руководство морскими операциями
WFSt (ВФСт)	Wehrmachtsführungs- stab	Штаб оперативного ру- ководства вооруженными силами

ПЯТЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

ПРОЦЕСС № 12

Приговор по делу:

Соединенные Штаты Америки
против

Вильгельма фон Лееба
Гуго Шперле
Георга Карла Фридриха-Вильгельма фон Кюхлера
Иоганнеса Бласковица
Германа Гота
Ганса Рейнгардта
Ганса фон Зальмута
Карла Холлидта
Отто Шнивинда
Карла фон Рока
Германа Рейнеке
Вальтера Варлимонта
Отто Вёлера и
Рудольфа Лемана

ОБОСНОВАНИЕ ПРИГОВОРА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Трибунал заседал в составе: председатель — судья Джон К. Янг (бывший председатель Верховного суда штата Колорадо), члены трибунала — судья Джастин У. Гардинг (бывший судья Соединенных Штатов на территории Аляска) и судья Уинфилд Б. Гейл (судья апелляционного суда в штате Теннесси).

Трибунал учрежден на основании вступившего в силу 18 октября 1946 года распоряжения № 7 американской военной администрации, отданного во исполнение закона Контрольного совета № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности, от 20 декабря 1945 года в целях осуществления Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года и Устава Международного военного трибунала, предусматривающего судебное преследование и наказание военных преступников.

28 ноября 1947 года в соответствии с вышеупомянутым распоряжением № 7 (пункт II а) генерал Тельфорд Тэйлор (армия Соединенных Штатов), председатель комиссии по расследованию военных преступлений, от имени Соединенных Штатов Америки возбудил в Нюрнберге обвинение по делу ОКВ. Копии обвинительного заключения на немецком языке были вручены всем обвиняемым заблаговременно за 30 дней до начала процесса, а именно 30 декабря 1947 года. Во время опроса подсудимых о признании или непризнании ими своей виновности все они в присутствии избранных ими самими защитников заявили о своей «невиновности».

В обвинительном заключении перечисляются следующие обвиняемые:

Генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, генерал-фельдмаршал Гуго Шперле, генерал-фельдмаршал Георг Карл Фридрих-Вильгельм фон Кюхлер, генерал-полковник Иоганнес Бласковиц, генерал-полковник Герман Гот, генерал-полковник Ганс Рейнгардт, генерал-полковник Ганс фон Зальмут, генерал-полковник Карл Холлидт, генерал-адмирал Отто Шнивинд, генерал пехоты Карл фон Рок, генерал пехоты Герман Рейнеке, генерал артиллерии Вальтер Варлимонт, генерал пехоты Отто Вёлер и генерал-полковник юстиции Рудольф Леман.

Обвиняемый генерал Иоганнес Бласковиц 5 февраля 1948 года покончил самоубийством в тюрьме, в связи с чем дело его прекращено.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обвинительное заключение состоит из четырех разделов, по которым обвиняемым инкриминируются следующие преступления: I. Преступления против мира; II. Военные преступления; III. Преступления против человечности; IV. Общий план или заговор для совершения преступлений, перечисленных в разделах I, II, III обвинительного заключения.

Раздел I. Преступления против мира

Пункты 1 и 2 раздела I обвинительного заключения гласят:

«1. Все обвиняемые вместе с различными другими лицами, включая соучастников, упоминаемых в приложении А¹, в течение нескольких лет, предшествовавших 8 мая 1945 года, совершили преступления против мира в смысле статьи II закона Контрольного совета № 10 — тем, что участвовали в организации нападений на другие страны и в развязывании агрессивных войн в нарушение международных законов и договоров, включая (но не ограничиваясь этим): планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн или войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.

2. Обвиняемые занимали высокие военные посты в Германии и виновны в совершении преступлений против мира, поскольку они были основными участниками или соучастниками при совершении таких преступлений, от-

¹ В обвинительном заключении, включенном в протоколы процесса в качестве приложения А к обоснованию приговора, упоминаются как соучастники некоторые военные преступники, осужденные Нюрнбергским международным военным трибуналом, судившим главных немецких военных преступников.

давали приказы о совершении таких преступлений, подстрекали к их совершению, давали на них свое согласие, участвовали в их планировании или осуществлении или входили в организации или группы, совершавшие преступления против мира».

Далее следуют пункты 3—44, в которых рассматриваются вопросы о планах агрессии, войнах и вторжениях, которые были направлены против Австрии, Чехословакии, Польши, Великобритании, Франции, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Югославии, Греции, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, а также вопрос о разработке этих планов агрессии и об участии каждого обвиняемого в разработке, распространении и осуществлении этих планов.

**Раздел II. Военные преступления
и преступления против человечности:
преступления в отношении комбатантов
противника и военнопленных**

Пункт 45 раздела II обвинительного заключения гласит:

«45. За время с сентября 1939 года по май 1945 года все перечисленные здесь обвиняемые вместе с другими лицами, в том числе и с указанными в приложении А соучастниками, совершили военные преступления и преступления против человечности в смысле статьи II закона Контрольного совета № 10, поскольку они участвовали в зверствах и преступных действиях в отношении военнопленных и военнослужащих вооруженных сил стран, находившихся в то время в состоянии войны с Германией или под ее военным контролем или военной оккупацией, включая (но не ограничиваясь этим) убийства, жестокое обращение, порабощение, убийства сдающихся в плен, принуждение военнопленных к работам, производившимся в нечеловеческих условиях и недопустимым, когда речь идет о военнопленных и военнослужащих вооруженных сил, а также в других бесчеловечных действиях и нарушениях законов и обычаев войны, в применении методов ведения войны, нарушающих ее законы и обычаи, в совершении преступлений на поле боя и в подготовке, составлении, передаче и выполнении приказов, имевших следствием вышеуказанные военные преступления и

преступления против человечности. Обвиняемые совершили военные преступления и преступления против человечности, поскольку они были основными участниками при совершении этих преступлений, отдавали приказы, подстрекали к совершению преступлений, давали на них свое согласие, участвовали в их планировании и осуществлении и были членами организаций и групп, участвовавших в совершении военных преступлений и преступлений против человечности».

Затем следует пункт 46, в котором в общих выражениях описываются преступные действия:

«46. Преступные приказы, которые разрабатывались по инициативе обвиняемых, ими составлялись, рассылались и выполнялись, содержали распоряжения о том, чтобы определенным войсковым частям не давалось пощады при сдаче в плен, чтобы за ними не признавались права и статус военнопленных, а также распоряжения о том, что определенные категории взятых в плен военнослужащих вооруженных сил стран, находившихся в состоянии войны с Германией, надлежало казнить по приговору военно-полевого суда. Такие приказы предписывали, далее, чтобы в германских войсках, находившихся под командованием обвиняемых, определенные категории военнослужащих противника именовались «партизанами, коммунистами, бандитами, террористами» и подвергались соответствующему обращению, то есть, иначе говоря, за ними не признавали статуса и прав военнопленных. Военнопленных принуждали участвовать в военных действиях и в производстве, транспортировке, а также погрузке и выгрузке вооружения и боеприпасов и в строительстве укреплений. Им приказывали производить эту работу как в зоне боев, так и в тылу. В соответствии с теорией «тотальной войны» и с программой использования всех ненемецких народов военнопленных лишали прав, предоставляемых им международными конвенциями и обычаями ведения войны. Солдат клеймили, лишали достаточного питания, крова, одежды и обслуживания, подвергали жестокому обращению, в отношении их применяли незаконные репрессалии, их истязали и убивали. Специальные части, занимавшиеся «отбором» и истреблением людей, например оперативные группы полиции безопасности и службы безопасности (известной под наименованием СД), действовавшие при

поддержке и в соответствии с приказами вермахта, «отбирали» военнопленных по религиозным, политическим и расовым признакам и убивали их. Многих военнопленных, пойманных после побега, было приказано казнить. Среди перечисленных преступлений были и такие, о которых говорится в следующих пунктах данного раздела обвинительного заключения, однако этим они не ограничивались».

Далее следуют пункты 47—58, в которых подробно излагаются определенные преступные действия, — такие, как издание и выполнение «приказа о комиссарах», «приказа о командос» и т. д., а также участие обвиняемых в разработке, распространении и осуществлении этих преступных планов.

Раздел III. Военные преступления и преступления против человечности: преступления против гражданских лиц

Пункт 59 раздела III обвинительного заключения гласит:

«59. За период с сентября 1939 года по май 1945 года все обвиняемые вместе с различными другими лицами, включая упомянутых в приложении А соучастников, совершили военные преступления и преступления против человечности в смысле статьи II закона Контрольного совета № 10, поскольку они принимали участие в зверствах и преступных действиях, в том числе в убийствах, истреблении людей, избиениях, пытках, принуждении к рабскому труду, отправке на работу в качестве рабов или для других целей, незаконном лишении свободы, убийствах заложников, преследовании людей по политическим, расовым и религиозным мотивам, разграблении общественной и частной собственности, бессмысленном разрушении городов и деревень, в разорении, которое не оправдывалось военной необходимостью, и в других бесчеловечных и преступных действиях против немецких граждан и гражданского населения стран и областей, находившихся под военной оккупацией или другой формой контроля со стороны Германии. Обвиняемые совершили военные преступления и преступления против человечности, поскольку они были основными участниками или соучастниками при совершении этих преступлений,

отдавали приказы, подстрекали к совершению преступлений, давали на них свое согласие, участвовали в разработке планов и мероприятий, цель которых состояла в совершении этих преступлений, и были членами организаций и групп, участвовавших в совершении военных преступлений и преступлений против человечности».

В следующих пунктах — с 60 по 82 — дается подробное описание преступных действий в целом и в деталях, таких, как порабощение населения, разграбление общественной и частной собственности, убийства и т. п., а также говорится об участии обвиняемых в разработке, распространении и осуществлении этих преступных планов.

Раздел IV. Общий план или заговор

Пункты 83 и 84 раздела IV гласят:

«83. Обвиняемые вместе с различными другими лицами в течение нескольких лет, предшествовавших 8 мая 1945 года, являлись руководителями, организаторами, подстрекателями и соучастниками создания и осуществления общего плана или заговора для совершения преступлений против мира в смысле закона Контрольного совета № 10, общего плана или заговора, который действительно имел своим следствием совершение преступлений против мира в смысле закона Контрольного совета № 10 (включая действия, являющиеся военными преступлениями и преступлениями против человечности и входящие в качестве неотъемлемой составной части в такие же действия, направленные против мира); они несут индивидуальную ответственность за свои собственные действия и за все действия, совершенные любым лицом для осуществления такого общего плана или заговора.

84. Действия и поступки обвиняемых, изложенные в разделах I, II и III обвинительного заключения, составляли часть упомянутого общего плана или заговора и все обвинения по упомянутым разделам относятся также и к данному разделу обвинительного заключения».

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРОЦЕССЕ

Процесс начался 5 февраля 1948 года. 5 марта обвинение в основном закончило представление доказательств, после чего заседания трибунала были прерваны до 12 апреля 1948 года, для того чтобы дать защитникам время для подготовки защиты. После этого судебное разбирательство было продолжено. Закончилось оно 13 августа 1948 года. Интересы каждого подсудимого представлял избранный им самим защитник.

Было представлено огромное количество доказательств как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Процесс велся на двух языках — английском и немецком, и все представленные письменные доказательства систематически переводились и предоставлялись обвинению и защите. В распоряжение защиты были также переданы фотокопии захваченных оригиналов документов.

Представление доказательств со стороны обвинения состояло частично в предъявлении трибуналу 1778 документов. В это число входят документы, предъявленные во время перекрестных допросов и передопросов. Большинство этих документов исходит из официальных немецких источников. Они были захвачены союзниками в ходе военных действий. Подсудимые жаловались на то, что во многих документах отсутствует связь, необходимая для их понимания и правильной оценки. Они утверждали, что другие документы могли бы объяснить их поступки или предотвратили бы выводы о совершении преступных действий, которые можно было бы сделать на основании документальных доказательств, предъявленных обвинением. Подсудимые потребовали, чтобы для ведения защиты им были предоставлены дополнительные материалы, подробно перечисленные в их заявлении. Для этой цели трибунал поручил своему генеральному секре-

тарю по возможности собрать эти материалы. Из Вашингтона были доставлены еще 1503 документа, для перевозки которых понадобилось 37 ящиков. Защитники и подсудимые получили разрешение просмотреть эти документы и использовали в целях защиты все документы, которые они считали важными, а именно представляли их либо как доказательства, либо как материал для дополнения и пояснения документов, предъявленных обвинением.

Материал, использованный для этой цели подсудимыми, был взят из 259 различных документов и составил 2058 страниц, с которых были сняты фотокопии. Они были предъявлены в ходе процесса в качестве доказательств. Представление доказательств защитой было закончено только 6 августа. Кроме того, защитникам и подсудимым было разрешено ознакомиться со всеми захваченными документами, которые еще не были отправлены в США и находились в архивах Нюрнбергского трибунала. Им было разрешено использовать в своих целях те документы, которые они считали существенными. В целом подсудимые предъявили в ходе своей защиты 2130 документов и письменных показаний под присягой. Протоколы заседаний трибунала составляют 10 000 страниц.

Насколько это было в его власти, трибунал обеспечил вызов всех свидетелей, названных защитой, и содействовал доставке в суд этих свидетелей, чтобы они могли дать свои показания на заседаниях трибунала.

Было отдано распоряжение о вызове по требованию подсудимых 165 свидетелей; 105 человек из числа вызванных удалось найти и доставить в Нюрнберг, так что подсудимые имели возможность потребовать, чтобы эти люди дали показания в зале суда.

**ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ ПРАВА,
КОТОРЫМИ СЛЕДУЕТ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДАННОГО ДЕЛА**

А. Закон Контрольного совета № 10

Закон Контрольного совета № 10 гласит:

«В целях осуществления Московской декларации от 30 октября 1943 года, Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года и Устава Международного военного трибунала и в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным военным трибуналом, Контрольный совет постановляет следующее:

Статья I

Московская декларация от 30 октября 1943 года «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» и Лондонское соглашение от 8 августа 1945 года «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» составляют неотъемлемую часть этого закона. Присоединение к постановлению Лондонского соглашения любой из Объединенных Наций, согласно статье 5 этого соглашения, не дает права такой нации участвовать или вмешиваться в проведение настоящего закона в пределах сферы, на которую распространяется компетенция Контрольного совета в Германии.

Статья II

1. Следующие действия признаются преступными:

а) Преступления против мира. Вторжение в другие страны и ведение агрессивных войн в нарушение международных законов и договоров, включая (но не ограничиваясь этим): планирование и подготовку войны, развязывание или ведение агрессивной войны или войны с нарушением международных договоров, соглашений и

обязательств или участие в общем плане или заговоре для выполнения какого-либо из вышеуказанных действий.

б) Военные преступления. Зверства или враждебные действия против лиц или имущества, представляющие нарушение законов и обычаев войны, включая, в частности (но не ограничиваясь этим): убийство, жестокое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории или применение рабского труда на самой оккупированной территории, а также убийство или жестокое обращение с военнопленными, с находящимися в море, убийство заложников, ограбление общественной и частной собственности, умышленное разрушение городов и деревень и опустошение, не оправдываемое военной необходимостью.

с) Преступления против человечности. Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылка, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения, преследование на политической, расовой или религиозной почве независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет.

д) Принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным военным трибуналом.

2. Любое лицо, независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это было определено в параграфе 1 данной статьи, в том случае, если оно было:

а) основным участником или

б) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;

с) давало согласие на участие в нем;

д) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершенные преступления;

е) принадлежало к организации или группе, которые участвовали в совершении преступлений;

ф) или (со ссылкой на параграф 1 «а»), если занимало высокий политический, гражданский или военный

(включая генеральный штаб) пост в Германии или у стран ей союзных, совоюющих или сателлитов или занимало высокие посты в финансовой, промышленной или экономической жизни в любой из этих стран»¹.

В приговоре Международного военного трибунала говорится:

«Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала.

Создание Устава являлось осуществлением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром. Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право.

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса; сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые,—это справедливого суда на основании фактов и закона.

Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключе-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 79—80.

ния Лондонского соглашения и если являлось таковым, то в какой степени.

Однако, учитывая большое значение затронутых правовых вопросов, Трибунал полностью заслушал доводы обвинения и защиты и выразил свое мнение по этому вопросу.

От имени подсудимых защита настаивала на том, что основным принципом как международного, так и внутригосударственного права являлось то, что преступление не может караться, если ранее не существовало соответствующего закона: *Nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*¹.

Далее говорилось, что наказания *ex post facto*² несовместимы с законами цивилизованных наций, что ни одно суверенное государство не объявило агрессивную войну преступлением в то время, когда были совершены эти якобы преступные действия, ни один статут не дал определения агрессивной войны, не было установлено никакой кары за ее ведение и что не было создано никакого суда для преследования и наказания нарушителей.

Прежде всего следует заметить, что принцип *Nullum crimen sine lege*... не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение о несправедливости наказания тех, кто вопреки договорам и гарантиям напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправоное дело, и не только не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло.

Занимая те посты, которые они занимали в правительстве Германии, подсудимые или по крайней мере часть из них должны были знать о договорах, подписанных Германией и объявляющих вне закона обращение к войне для урегулирования международных споров; они должны были знать, что они действовали вопреки

¹ Нет преступления, если оно не предусмотрено законом, нет наказания, если оно не предусмотрено законом (*лат.*).

² На основании законов, изданных после того, как было совершено преступление (*лат.*).

международному праву, когда совершенно преднамеренно осуществляли свои замыслы агрессии и вторжения. Если рассматривать этот вопрос только в свете настоящего дела, то можно сделать вывод, что этот принцип при данных обстоятельствах неприменим.

Правильность этой точки зрения в той степени, в которой это касается агрессивной войны, в значительной степени подтверждается при рассмотрении состояния международного права в 1939 году.

Общий договор об отказе от войны от 27 августа 1928 года, более известный как Парижский пакт, или пакт Бриана — Келлога, к началу войны в 1939 году связал обязательствами 63 страны, включая Германию, Италию и Японию. В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они, «глубоко осознавая свой торжественный долг содействовать благополучию человеческого рода, убеждены в том, что настало время, когда должен произойти искренний отказ от войны как от инструмента национальной политики, с тем чтобы мирные и дружественные отношения, существующие сейчас между их народами, были сохранены навсегда... все изменения в отношениях между странами производить лишь при помощи мирных средств... объединив тем самым цивилизованные государства мира в общем отказе от войны как от инструмента их национальной политики...»

Первые две статьи гласят:

«Статья I. Высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от нее как от инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на том, что урегулирование или разрешение всех споров и конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, никогда не будет осуществляться при помощи каких-либо других средств, кроме мирных».

Встает вопрос о том, каковы были правовые последствия этого пакта. Государства, подписавшие пакт или присоединившиеся к нему, безоговорочно осудили использование войны как инструмента политики в будущем и категорически отвергли ее. После подписания пакта

любая нация, прибегающая к войне как к инструменту национальной политики, становится нарушителем этого пакта.

По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны как от инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является незаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление.

Война для разрешения международных противоречий, предпринятая в качестве инструмента национальной политики, с очевидностью включает агрессивную войну. Следовательно, подобная война в соответствии с пактом является незаконной войной. Как заявил в 1932 году г-н Генри Л. Стимсон, бывший тогда государственным секретарем Соединенных Штатов, «стороны, подписавшие пакт Бриана — Келлога, отказались от войны между государствами. Это значит, что она стала практически почти во всем мире... незаконным действием. С этого времени государства, вступившие в вооруженный конфликт, оба или одно из них, должны были быть названы нарушителями этого закона, установленного общим договором. Мы объявляем их нарушителями закона».

Однако утверждают, что пакт прямо не квалифицирует такие войны как преступление и не учреждает судов для того, чтобы преследовать тех, кто ведет подобные войны. В такой же мере это относится к законам войны, изложенным в Гагской конвенции.

Гагская конвенция 1907 года запретила обращение к некоторым методам ведения войны. Сюда входили бесчеловечное обращение с военнопленными, применение отравленного оружия, неправильное использование флага о перемирии и другие действия подобного рода. Многие из этих запрещений были введены в силу задолго до подписания конвенции. Но начиная с 1907 года они стали безусловными преступлениями, наказуемыми как нарушение правил ведения войны. Тем не менее Гагская конвенция нигде не определяет такие действия как преступные, она также не предусматривает никакого наказания и не говорит ничего об учреждении суда, с тем чтобы судить и наказывать нарушителей. В течение долгих лет в прошлом военные трибуналы, однако, су-

дили и карали отдельных лиц, виновных в нарушении правил ведения войны на суше, установленных этой конвенцией.

По мнению Трибунала, те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гаагской конвенции.

При толковании формулировок пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры. Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, применявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права.

Та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту. В 1923 году Лига Наций предложила проект договора о взаимопомощи. В статье I этого договора было объявлено, что «агрессивная война является международным преступлением» и что договаривающиеся стороны «согласились на том, что ни одна из них не будет виновна в его совершении». Этот проект договора был представлен 29 государствам, и около половины из них высказались в пользу принятия этого текста. Основное возражение, очевидно, заключается скорее в трудности определения тех актов, которые должны составить агрессию, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны. В преамбуле протокола Лиги Наций от 1924 года о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол») после слов «признавая солидарность членов международного сообщества», объявляется, что «агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности

и является международным преступлением». Далее там объявляется, что договаривающиеся стороны «полны желания облегчить полное применение системы, предусмотренной в статуте Лиги Наций, для мирного урегулирования споров между государствами и для обеспечения проведения борьбы с совершением международных преступлений». Этот протокол был рекомендован членами Лиги Наций в единодушной резолюции, принятой на ассамблее 48 членов Лиги Наций. В число этих членов входили Италия и Япония, но Германия в то время не была членом Лиги Наций.

Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеить агрессивную войну как международное преступление.

На заседании Ассамблеи Лиги Наций 24 сентября 1927 года все присутствовавшие делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) единогласно приняли декларацию об агрессивных войнах. В преамбуле этой декларации было заявлено:

«Ассамблея, признавая солидарность, объединяющую сообщество народов, вдохновленная горячим желанием поддержать общий мир, убежденная в том, что агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением...»

В единогласно принятой на шестой Гаванской конференции 18 февраля 1928 года резолюции двадцать одна американская республика заявила, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту и которое заключается в том, что обращение к агрессивной войне является не только незаконным, но и преступным. Запрещение ведения агрессивной войны, которого требует совесть мира, находит свое выражение в серии пактов и договоров, на которые Трибунал только что ссыался.

Также необходимо помнить, что статья 227 Версальского договора предусматривала создание специального трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

Назначение этого процесса, как было заявлено, заключалось в том, чтобы «реабилитировать торжественные обязательства международных соглашений и ответственность международной морали». В статье 228 Версальского договора германское правительство ясно признало право союзных держав «привлекать к суду международных трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны».

Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства.

По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квин» (1942, 317-США), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права, и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно, для того чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права.

Положения статьи 228 Версальского договора, уже упоминавшиеся выше, иллюстрируют и подтверждают эту точку зрения по вопросу об индивидуальной ответственности. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Статья 7 Устава с определенностью гласит:

«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

С другой стороны, самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством.

Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву.

От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственности

за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предусматривает в статье 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...»

Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу, в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях. Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания. Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор»¹.

Эти соображения относятся также и к закону Контрольного совета № 10. Та же самая инстанция, которая разработала Лондонское соглашение, приняла и закон Контрольного совета. По этому поводу третий военный трибунал, судивший гитлеровских юристов, замечает:

«Нельзя сказать, что суд, который обязан своим существованием и своей компетенцией исключительно положениям определенного закона, может начать судебное разбирательство, а затем, выполняя свои судебные функции, может заявить, что этот законодательный акт, на основании которого он создан, недействителен. Мы не можем и не должны выходить за рамки Устава, за исключением тех случаев, когда речь идет о способах толкования».

Устав и закон Контрольного совета № 10 не являются произвольным осуществлением власти, а *«выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является*

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 363—369.

вкладом в международное право». (Подчеркнуто пятым трибуналом. См. выше, приговор Международного военного трибунала.) Для ученых-юристов, вероятно, представляет интерес, что этот общий принцип находит подтверждение в следующей цитате из труда Гроция, написанного в 1625 году:

«Нужно также учитывать, что цари и обладатели равных с ними прав имеют право требовать наложения наказания не только за преступные действия против них самих и их подданных, но и за такие, которые не касаются их в частности, но нарушают — в чем угодно лице — право естественное и право народов»¹.

Сошлемся также на статью в «Манчестер гардиан» от 28 сентября 1948 года, в которой описывается судебный процесс против рыцаря Петера фон Хагенбаха, состоявшийся в Брейзахе в 1474 году. Преступления, в которых он обвинялся, соответствовали преступлениям против человечности в современном смысле. Он был осужден.

Но эти цитаты представляют только научный интерес и приводятся лишь для того, чтобы показать законность приговора Международного военного трибунала. Мы считаем абсолютно правильной мысль о том, что вышеупомянутый основной закон только разъяснил, развил и применил международное обычное право.

Такая правовая конструкция лишает всякой основы нападки на упомянутый закон тех, кто утверждает, будто в данном случае речь идет о законе *ex post facto*.

Наше мнение подтверждается и приговором, вынесенным на процессе № 7 (Соединенные Штаты против Вильгельма Листа и других²). На стр. 10 434 английского протокола процесса говорится:

«Мы приходим к выводу, что уже существовавшее доныне международное право объявляет преступными действия, инкриминируемые подсудимым и упомянутые

¹ Гуго Гроций, О праве войны и мира, М., 1956, стр. 480.

² Процесс № 7 по делу гитлеровских генералов, руководивших военными действиями на Балканах, который называют также «процессом по делу о казнях заложников».

в законе Контрольного совета № 10,—как в соответствии с договорным международным правом, так и в силу законов и обычаев ведения сухопутной войны, принявших форму общепризнанного, обязательного для воюющих сторон обычного права. Все, что выходит за рамки этого существующего международного права, является применением силы, но не права. Правда, суды, которые были бы облечены властью рассматривать такие дела, раньше не создавались, и не были установлены наказания за совершенные преступления. Однако это не лишает их законности. Простое запрещение указанных действий не имеет устрашающего влияния, если за них, как за преступления, не будет угрожать наказание».

Многие вопросы, которые пришлось разрешать Международному военному трибуналу, возникли и во время разбора настоящего дела. Речь идет о тех же самых преступных приказах, действиях и методах; только на скамье подсудимых находятся другие лица. Гитлер был центром ряда гигантских концентрических кругов влияния, которое распространялось все шире и коснулось каждого, кто жил в Германии. Обвиняемые по этому делу стоят лишь на одну-две ступени ниже Геринга, Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, являвшихся подсудимыми на процессе в Международном военном трибунале. Значительная часть доказательств, представленных на данном процессе, уже фигурировала во время судебного разбирательства в Международном военном трибунале. В связи с этим совершенно очевидно, насколько важен приговор, вынесенный на том процессе, для правовых проблем, которые должны были решаться в ходе данного процесса.

Приговор Международного военного трибунала содержит подробное описание истории прихода Гитлера к власти, разработки планов агрессии и их осуществления, жестокостей и преступлений, совершенных против военнослужащих вооруженных сил и гражданского населения тех стран, с которыми Германия вела войну. Так как эти общие положения находят новое подтверждение в документах данного процесса, нам придется еще неоднократно подробно цитировать или по крайней мере упоминать о приговоре Международного военного трибунала.

Б. Международные договоры

В приговоре Международного военного трибунала говорится:

«Устав определяет как преступление планирование или ведение войны, которая является агрессивной войной или войной в нарушение международных договоров. Трибунал установил, что некоторые из этих подсудимых планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений. Это освобождает от необходимости детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны также являлись войнами «в нарушение международных договоров, соглашений и заверений». Эти договоры изложены в приложении «С» обвинительного заключения. Важнейшими являются следующие.

ГААГСКИЕ КОНВЕНЦИИ

В конвенции от 1899 года подписавшиеся державы согласились на том, что, «прежде чем обратиться к оружию... следует прибегнуть, насколько это позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или более дружественных держав». Подобное положение было включено в конвенцию о мирном урегулировании международных споров от 1907 года. В конвенции, относившейся к началу военных действий, в статье 1 имеется та же мысль, изложенная гораздо более точно: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения либо в форме объявления войны с изложением мотивов, либо в форме ультиматума с объявлением войны в случае несогласия на его условия». Германия участвовала в этих конвенциях.

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Обвинение основывалось также на нарушении некоторых положений Версальского договора: не укреплять левый берег Рейна (статьи 42—44), строго соблюдать независимость Австрии (статья 80), отказаться от каких-

либо прав в Мемеле (статья 99) и в вольном городе Данциге (статья 100), признать независимость Чехословацкого государства, а также положений, касающихся сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Германии, положений, направленных против перевооружения Германии и изложенных в части V.

Нет никаких сомнений в том, что германское правительство действовало вопреки всем этим положениям, которые подробно изложены в приложении «С».

Что касается Версальского договора, обвинение основывается на следующих положениях:

1. Нарушение статей 42—44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области.

2. Аннексия Австрии 13 марта 1938 года в нарушение статьи 80.

3. Включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 года в нарушение статьи 99.

4. Включение в состав империи вольного города Данцига 1 сентября 1939 года в нарушение статьи 100.

5. Включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 года в нарушение статьи 81.

6. Нарушение положений договора, касавшихся военного, морского и воздушного вооружения Германии, в марте 1935 года или до этого срока.

21 мая 1935 года Германия объявила, что, хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, она все же будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта. Поэтому в отношении инкриминируемых пяти первых нарушений Трибунал считает обвинение доказанным.

ДОГОВОРЫ О ВЗАИМНЫХ ГАРАНТИЯХ, АРБИТРАЖЕ И НЕНАПАДЕНИИ

Нет необходимости обсуждать в деталях различные договоры, заключенные Германией с другими державами. Договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1925 году с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статус-кво. Договоры об арбитраже также были заключены Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей.

Статья 1 последнего договора, являющаяся типичной, предусматривает: «Все споры любого рода между Германией и Польшей... которые, может быть, не окажется возможным разрешить дружественно нормальными методами дипломатии, будут представлены арбитражному суду для вынесения им решения...»

Конвенции об арбитраже и согласительной процедуре были заключены между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 году и между Германией и Люксембургом в 1929 году. Германия заключила договор о ненападении с Данией и СССР в 1939 году.

ПАКТ БРИАНА — КЕЛЛОГА

Парижский пакт был подписан 27 августа 1928 года Германией, Соединенными Штатами, Бельгией, Францией, Великобританией, Италией, Японией, Польшей и другими странами, а впоследствии еще и другими державами. Трибунал подробно остановится на характере этого пакта и его правовых последствиях в другом разделе этого приговора. Поэтому нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этого вопроса, за исключением того, что необходимо заявить, что, по мнению Трибунала, этот пакт был нарушен Германией во всех случаях агрессивных войн, инкриминируемых обвинительным заключением. Следует отметить, что 26 января 1934 года Германия подписала декларацию о поддержании постоянного мира с Польшей, которая была непосредственно основана на Парижском пакте и в которой обращение к силе объявлялось незаконным на период в 10 лет.

Трибунал не считает необходимым рассматривать ни один из других договоров, упоминавшихся в приложении, и ни одно из повторных соглашений и заверений о мирных намерениях Германии, которые были ею сделаны»¹.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 360—362.

ВОЗРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СУДЕБНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Ссылаются на то, что военный трибунал, которому предстоит вынести приговор подсудимым, неправомочен судить их за совершенные ими преступления. Это обосновывают тем, что подсудимые являются военнопленными и поэтому их должен судить военный суд. Это неверно.

Сомнений в преступности действий, инкриминируемых подсудимым, быть не может. Речь идет о нарушении норм международного права, которые существовали уже в момент совершения этих действий и были общепризнанными. Верно, что до сих пор не существует суда для разбирательства дел о нарушениях норм международного права. Государство, издавшее закон об уголовной ответственности, может создать один или несколько судов и наделить их правом судить лиц, нарушивших его национальные законы. Нам не известен ни один юридический принцип, который гласил бы, что обвиняемый после предъявления ему обвинения может требовать, чтобы его судил суд, который существовал в момент совершения преступления. Каждое государство имеет суверенное право в любое время, которое оно сочтет подходящим, создать суд и уполномочить его судить лиц, нарушивших уголовный закон. Единственная обязанность суверенного государства по отношению к лицу, нарушившему один из его законов, состоит в том, чтобы обеспечить разбирательство дела этого лица в суде, предоставить ему возможность воспользоваться услугами защитника, выставить своих свидетелей и лично выступить в свою защиту. Точно так же в отношении обвиняемого, которому инкриминируется нарушение положений международного права, не совершается никакой несправедливости, поскольку ему предоставляются те же права и правовые средства защиты.

Подсудимым на данном процессе такие права и правовые средства защиты были предоставлены. Что касается возражений по поводу того, что подсудимые являются военнопленными, а статья 63 Женевской конвенции требует, чтобы военнопленного судил обычный военный суд, то следует указать на тот факт, что упомянутое положение содержится в международном соглашении, заключенном и подписанном как Соединенными Штатами, так и Германией. Цель его заключается в том, чтобы обеспечить законную защиту военнопленному, после того как он обрел этот правовой статус, а вовсе не в том, чтобы предоставить ему какие-либо особые права и привилегии в вопросе, например, о преступлениях, совершенных до того, как он попал в плен.

Статья 63 Женевской конвенции предписывает:

«Приговоры военнопленным выносятся теми же судами и в том же порядке, какие установлены для лиц, принадлежащих к составу вооруженных сил держащего в плену государства».

Поэтому, заявляет защита, обвиняемые должны быть преданы обычному военному суду, так как они являются военнопленными, которых держат в плену Соединенные Штаты, и так как военнослужащие вооруженных сил Соединенных Штатов, совершившие преступления, привлекаются к ответственности перед военными судами. Однако дела военнослужащих вооруженных сил Соединенных Штатов рассматриваются военными судами лишь в связи с преступлениями, которые обвиняемый совершил после того, как он приобрел статус военнослужащего вооруженных сил Соединенных Штатов, и лишь в течение того периода, пока он пользуется этим статусом. Если кто-либо совершил убийство и тем самым нарушил законы, действующие в государстве, до того как он был призван на военную службу, то за это преступление он никак не может быть предан военному суду как нарушитель военно-уголовного закона, который был неприменим к нему в момент совершения преступления.

Трибунал не считает также необходимым освободить обвиняемых из плена, прежде чем предать их суду. Если кто-либо предстает перед судом за нарушение местных правил уличного движения, за которое административный

суд налагает на него денежный штраф, и если во время предварительного заключения нарушителя выясняется, что за день до этого он совершил убийство, то, конечно, убийца будет оставлен под арестом, а его дело передано в уголовный суд, и это не будет означать нарушение каких-либо правовых принципов.

Трибунал не выносит решения о том, правомочны ли Соединенные Штаты, или Франция, или какое-либо другое государство судить обвиняемых за нарушение норм международного права военным судом. Этот вопрос не ставится на рассмотрение трибунала. Но если это допустимо, то, во всяком случае, это правомочен делать не один только военный суд.

Преступления, которые инкриминируются подсудимым, в том числе и военные преступления, представляют собой нарушения норм международного уголовного права. На трибунал, рассматривающий данное дело, законом Контрольного совета № 10 возложена задача судить подсудимых за преступления, которые им инкриминируются. То обстоятельство, что это может входить в компетенцию другого военного суда, не имеет большого значения. Если две судебные инстанции имеют право разбирать одно и то же дело, то совершенно законно предоставить это тому суду, который первым воспользовался своей компетенцией. В приговоре Международного военного трибунала говорится:

«Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала...

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности»¹.

Документы, на которые ссылается Международный военный трибунал как на закон, лежащий в основе его деятельности, а именно Лондонское соглашение и Устав,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 363, 403.

являются также основой и для закона, в соответствии с которым создан и действует данный трибунал.

Трибунал не считает нужным обсуждать возражение, будто закон Контрольного совета № 10 нарушает принцип *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*. Трибунал считает это возражение лишенным основания. Нюрнбергские трибуналы так много полемизировали с авторами этого возражения и столько раз объявляли его лишенным всякого основания, что нет никакой надобности говорить об этом еще раз.

Некоторые из подсудимых в своих протестах и ходатайствах выдвинули вопрос, достаточны ли представленные обвинением доказательства для того, чтобы обосновать серьезные подозрения против данных подсудимых. По поводу некоторых из этих ходатайств трибунал уже вынес свое решение в ходе процесса. Те ходатайства, по поводу которых такого решения до сих пор не принято, теперь отклонены, потому что вопросы, выдвигаемые в них, связаны с установлением виновности или невиновности подсудимых, которое возлагается на трибунал.

Заговор

Учитывая выводы, которые предстоит сделать, трибунал считает уместным рассмотреть здесь этот пункт обвинения.

Выше был истолкован параграф 2 ст. II закона Контрольного совета № 10, который устанавливает, что любое лицо, которое участвовало в совершении преступлений против мира, в военных преступлениях или преступлениях против человечности в том смысле, как это изложено в ст. II, параграф 1, пункты «а», «b» и «с», или отдало приказ о подобном преступлении, или подстрекало к нему, или давало на него свое согласие, а также любое лицо, которое участвовало в разработке планов или мероприятий, осуществление которых включало в себя совершение таких преступлений, считается совершившим указанные преступления. Учитывая фактическую сторону данного дела, трудно представить себе, зачем понадобилось обвинению включать в обвинительное заключение пункт о заговоре. Если подсудимые совершили преступления, инкриминируемые им по разделу «заговор», то они виновны в совершении преступлений, выдвинутых против

них в разделах I, II и III обвинительного заключения, и тогда они могут быть наказаны, как основные участники преступления.

По разделу обвинения, касающемуся заговора, не было предъявлено доказательств, которые одновременно не относились бы к другим разделам обвинения. Судебное разбирательство по данному делу также не выявило ни одного преступного действия, которое одновременно не представляло бы собой преступного действия в смысле предыдущих разделов обвинения.

Трибунал считает, что фактические данные по этому делу не позволяют сделать вывод, что здесь налицо самостоятельное преступное действие в смысле раздела IV. Поэтому трибунал опускает этот раздел, так как он не содержит ничего, что бы уже не содержалось в предыдущих разделах обвинения, и переходит к установлению виновности или невиновности подсудимых по разделам I, II и III.

Изымая из обвинения раздел IV, трибунал только учитывает факты в той форме, в которой они были представлены суду в ходе процесса, и оставляет открытым вопрос, во всех ли случаях следовало, не считаясь с фактическими данными, отказываться от обвинения в заговоре. В каждом отдельном случае этот вопрос должен быть решен в соответствии с результатами судебного разбирательства.

В этой связи трибунал хотел бы указать на параграф 2 ст. II закона Контрольного совета № 10, где говорится, что лицо, которое было:

- а) основным участником или
- б) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;
- в) давало согласие на участие в нем;
- г) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершенные преступления;
- д) принадлежало к организации или группе, которые участвовали в совершении преступлений,
- е) или (со ссылкой на параграф 1 «а»), если занимало высокий политический, гражданский или военный (включая генеральный штаб) пост в Германии или у стран ей союзных, совоюющих или сателлитов или зани-

мало высокие посты в финансовой, промышленной или экономической жизни любой из этих стран», —

считается совершившим преступление против мира в смысле параграфа 1 «а» данной статьи.

Обвинение не берется доказать, что было совершено преступное действие, определенное данным постановлением закона, и поэтому трибунал может ограничиться заявлением, что из всех фактов, известных трибуналу, он сделает выводы, которые считает обоснованными.

Трибунал отмечает, что обязанность обвинения заключается в том, чтобы представить такие доказательства, которые позволили бы трибуналу полностью и без всяких сомнений убедиться в виновности подсудимых. Этому правилу трибунал и следовал, постановляя свой приговор. Во всех случаях, когда показания свидетелей допускали различные толкования или был неясен вопрос об участии подсудимых в действиях, которые должны были повлечь за собой наказание, трибунал придерживался общепризнанного принципа уголовного права и в сомнительных случаях решал вопрос в пользу подсудимых.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

Упомянутый выше раздел I обвинительного заключения инкриминирует подсудимым преступления против мира.

Основное преступление, которое ставится в вину подсудимым в пункте 1 раздела I обвинительного заключения, состоит *в участии в развязывании агрессивных вторжений и в планировании, подготовке и ведении агрессивных войн*. Остальная часть пункта 1 содержит лишь описание отдельных действий, которых достаточно, чтобы доказать инкриминируемые преступления. В пункте 2 предъявляется обвинение в том, что подсудимые совершили перечисленные ранее военные преступления в качестве основных участников, соучастников или в другой форме. В формуле обвинения говорится только о форме участия подсудимых в совершении преступлений, инкриминируемых им в другом месте обвинительного заключения. Эта формула не содержит никаких новых обстоятельств дела, относящихся к преступным действиям, перечисленным в пункте 1. Остальные положения, содержащиеся в пункте 2, в той связи, в которой они приведены в обвинительном заключении, не имеют такого юридического значения (закон Контрольного совета № 10, статья II, параграф 2), чтобы обвиняемым могли быть инкриминированы другие преступления против мира; они должны лишь показать, каких лиц следует привлечь, а каких нельзя исключать при рассмотрении вопроса о допустимости обвинения и осуждения за преступления, перечисленные в параграфе 1 «а» этого закона. Обвинение не добивается осуждения подсудимых только на основании их официального положения, установленного в результате судебного следствия. Оно не утверждает также, что закон допускает осуждение по таким мотивам.

Обвинение только утверждает, что трибунал должен рассмотреть вопрос об официальном положении, которое занимали подсудимые, в связи со всеми доказанными на процессе обстоятельствами дела, с точки зрения важности его для определения виновности или невиновности каждого подсудимого в отдельности. С другой стороны, обвинение пришло к выводу, что подсудимые не должны быть освобождены от ответственности за действия, за которые подлежали бы наказанию гражданские лица, лишь на том основании, что они занимали военные посты, — и трибунал с этим согласен. Именно так истолковывается правосудие в приговоре Международного военного трибунала; это соответствует и параграфу 4 «а» ст. II закона Контрольного совета № 10.

Развязывание войны или вторжение — это одностороннее действие. Когда война формально объявлена или сделан первый выстрел, развязывание войны завершилось и с этого момента речь идет о ведении войны. Справедлива ли эта война, или она является войной агрессивной, и, следовательно, международное право считает ее несправедливой, — это можно установить лишь путем изучения обстоятельств, которые привели к ее развязыванию. Ее законность или противозаконность вытекает из целей, в которых ее планировали, подготовили, развязали и вели.

Война, безразлично, законная или противозаконная, является формой проведения государственной политики. Если политика, которая привела к развязыванию войны, преступна по своим намерениям и целям, то преступна и война, потому что лица, действующие в составе инстанции, ответственной за эту политику, преследовали ее развязыванием преступные намерения и преступные цели. Если война служит средством, при помощи которого должна быть достигнута преступная цель, то тогда ведение войны является лишь продолжением политики, а наказуемость, связанная с ведением агрессивной войны, должна была бы ограничиваться кругом лиц, действующих в составе инстанции, ответственной за политику. Это не означает, что трибунал присоединяется к мнению, высказанному в ходе этого процесса, — что Гитлер, поскольку он был диктатором третьего рейха и верховным руководителем как в граж-

данской, так и в военной области, должен один нести всю ответственность перед законом за политические и военные директивы. Хотя власть Гитлера была практически неограниченной, он не мог один формировать политику развязывания агрессивной войны и не мог один осуществлять эту политику на деле путем планирования, подготовки и ведения такой войны. Где-то между диктатором и верховным главнокомандующим вооруженными силами страны и рядовым солдатом проходит грань, разделяющая преступное и извинительное участие каждого отдельного лица в агрессивной войне. Закон Контрольного совета № 10 не проводит никакой определенной грани. В параграфе 2 статьи II этого закона перечисляются определенные факты и определенные обстоятельства, которые достаточны или могут оказаться достаточными для подтверждения наказуемости. Далее перечисляются определенные действия, которые не должны оставаться безнаказанными. Поскольку до сих пор не состоялось ни одного процесса группы обвиняемых, правовую основу которого составил бы закон Контрольного совета № 10, правосудие еще не провело никакой линии, ограничивающей ответственность такой группы. В задачи данного трибунала не входит определение такой линии, которая имела бы универсальное значение. Трибунал должен решить только вопрос о виновности или невиновности лиц, обвиняемых по данному делу. Международный военный трибунал в своем приговоре постановил:

«Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право».

Мы считаем, что закон Контрольного совета № 10 точно так же является лишь выражением международного права, уже существовавшего ко времени создания этого закона. Поэтому мы не можем толковать закон в том смысле, что он содержит в себе расширение обычного международного права по сравнению с его рамками, которые существовали во время создания Устава,

и, следовательно, устанавливает новые составы преступлений, кроме тех, которые имеются в Уставе; это придало бы закону Контрольного совета характер специального закона, изданного после совершенных преступлений, что не соответствовало бы воле законодателей, согласно которой трибунал его истолковывает. Тот факт, что такого намерения и не существовало, подтверждается также и тем обстоятельством, что лондонский Устав, принятый 8 августа 1945 года, вошел в закон Контрольного совета как его неотъемлемая часть.

Обычное международное право развивается из естественных реакций государств, составляющих семью народов, на события, которые повторяются примерно в одних и тех же формах, и из суммы распространенных в этих государствах взглядов на такие события. Поэтому следует рассмотреть вопрос о том, каково общее мнение граждан государства относительно его высокопоставленных военных руководителей и тех задач, которые возлагаются на офицеров в тех случаях, когда их страна планирует, подготавливает, начинает и ведет войну.

Правильно, что в тех случаях, когда нормы обычного международного права не совпадают с нормами внутригосударственного права, первые имеют приоритет. Правильно также, что для создания обычного международного права не требуется полного совпадения мнений всех государств, входящих в семью народов. Тем не менее было бы неправильно полагать, что принципы обычного международного права могут противоречить соответствующим принципам, которых придерживается значительное число государств.

Трибунал считает, что, когда речь идет о преступлении, называемом агрессивной войной, должны быть налицо те же самые признаки состава преступления, как и при любом обычном нарушении закона.

Прежде всего должна действительно быть налицо осведомленность о том, что ведется планирование агрессивной войны и что фактически развязанная война будет агрессивной войной. Однако одного простого знания этих обстоятельств недостаточно, чтобы сделать наказуемым участие высокопоставленных военных в этой войне. Необходимо также, чтобы данное лицо, после того как оно получит эти сведения, имело возможность

формировать политику или оказывать влияние на эту политику, ведущую к развязыванию войны или к ее продолжению, либо поддерживая такую политику, либо затрудняя ее осуществление или препятствуя ей. Если данное лицо делает первое, оно совершает преступление. Если оно делает последнее, насколько это в его силах, его поведение показывает, что преступная агрессивная политика не входила в его намерения.

Подсудимый, который не знал, что планирование и подготовка вторжений и войн в действительности были планированием и подготовкой агрессивных войн, а также других войн в нарушение положений международного права и межгосударственных договоров, не может быть привлечен к уголовной ответственности за подготовку и планирование агрессивных войн. Однако тот обвиняемый, который после определения политики, направленной на подготовку и развязывание агрессивных войн, узнал о том, что предстоящие вторжения и войны будут носить агрессивный характер, подлежит уголовной ответственности, если он, как член политического руководства, не оказал влияния с целью изменения агрессивной политики, хотя и имел возможность это сделать.

Поскольку военнослужащий вооруженных сил не принимает участия, как член политического руководства, в подготовке, планировании, развязывании или ведении агрессивной войны, его участие в войне не подпадает под понятие преступления против мира. Не ранг и не занимаемый пост человека определяют критерий его наказуемости за преступления против мира, а те возможности, которыми он располагал, для того чтобы определять политику своего государства или оказывать на нее влияние.

Международное право направлено против тех, кто, пользуясь фактически имеющимися у них возможностями для определения политики своей страны и для того чтобы оказывать на нее влияние, готовит свое государство к агрессивной войне, либо ввергает его в такую войну, либо берет на себя руководство такой войной. Однако нельзя сказать с уверенностью, что на нынешней стадии развития международного права следует рассматривать как наказуемые действия тех людей, которые не принадлежат к руководящей группе и исполь-

зуются ведущими политическими деятелями в качестве орудия в деле осуществления военной политики. Тот, кто участвует в осуществлении военной политики, будучи членом руководящей политической группы, должен быть наказан. Подчиненные же не должны нести наказания за преступления, совершенные другими. Преступление ведущих политических деятелей становится тем более тяжким, что они использовали широкие массы солдат и офицеров для совершения преступных действий, наказуемость которых предусмотрена международным правом; каждый отдельный солдат или офицер, не входящий в состав политического руководства, является не чем иным, как орудием в руках ведущих политических деятелей, поскольку он подчинен строгой дисциплине, неизбежной в военной организации и характерной для нее.

Следует заявить, что было бы весьма желательно, если бы военные руководители германского вермахта отказались осуществлять политику третьего рейха, развязавшего агрессивную войну. Если бы они не содействовали этой катастрофе, потрясшей мир, это было бы высоко оценено. Такой образ действий был бы честным и справедливым. Это соответствовало бы также интересам их государства. Действуя подобным образом, они оказали бы услугу не только своей родине, но и всему человечеству.

Но, как бы мы ни осуждали их несостоятельность с моральной точки зрения, обычное международное право ко времени совершения их деяний, по нашему глубокому убеждению, еще не развилось настолько, чтобы считать наказуемым действием участие в агрессивной войне офицеров, которые не принадлежали к политическому руководству и не могли изменить направление политики.

Международное право создает государственному суверенитету определенные рамки и ограничивает его. Оно может также ограничивать обязанности индивидуума по отношению к его государству и налагать на него международные обязательства, которыми он связан настолько прочно, что должен выполнять их даже и в том случае, если он этим прямо нарушает закон или требования своего государства. Ограничения, которые обычное международное право ставит государственному су-

веренитету, либо налагают на себя сами государства, либо они возникают из приведенных к общему знаменателю убеждений содружества народов, ибо обычное право вырастает из подобных демократических процессов. Там, где нет совпадения мнений народов земного шара по вопросу об ограничении суверенитета или об обязанностях индивидуума по отношению к своему государству, там нет и обычного международного права.

Шестьдесят три государства, подписавшие пакт Бриана — Келлога, — в том числе и Германия — заявили, что они отказываются от войны как орудия национальной политики. Если этот факт доказывает, что в этом пункте удалось добиться достаточной степени единодушия во взглядах в мировом масштабе, чтобы позволить судье констатировать наличие в обычном международном праве понятия о преступлении против мира, — а трибунал считает, что это именно так, — то не следует распространять границы действия этого правового принципа шире, чем это позволяет данный пакт. Государства, подписавшие пакт Бриана — Келлога, считают совершенно необходимым, чтобы для изменения отношений между государствами ни в коем случае не применялось насилие. В преамбуле они заявили:

«Будучи убеждены, что всяких изменений в их взаимных отношениях можно добиваться только мирными средствами...»

Это означает попросту разъяснение мысли о том, что отныне каждая из подписавших пакт держав должна иметь возможность пользоваться всеми правами и властью суверенного государства в рамках международного права, не опасаясь насильственного вмешательства какого-либо другого государства. Из этого вытекает, что изменение отношений между государствами при помощи вооруженной силы или попытка произвести это изменение таким способом представляет собой агрессивное действие и что если эта агрессия приведет к войне, то такая война будет агрессивной войной. Таким образом, война, от которой отказались государства, подписавшие указанный пакт, — это именно агрессивная война. А агрессивная война рассматривается международным правом как преступление.

Использование войны в качестве инструмента национальной политики — это преступление с точки зрения права. Преступники в данном случае — это те, кто входит в политическое руководство и участвует в планировании, подготовке или развязывании войны. Если начатая война действительно ведется, то именно политика решает вопрос о расширении, продолжении или прекращении военных действий. И на этой стадии преступление может быть совершено лишь на уровне политического руководства.

Выработка политики государства является политическим мероприятием, хотя она может потребовать учета как политических, так и военных соображений, и неизбежно потребует этого, если война является одним из факторов такой политики.

Разумеется, политика государств делается людьми. Если люди делают политику, которая с точки зрения международного права является преступной, то они должны нести уголовную ответственность за свои действия. Таков логический и неизбежный вывод.

То, что делают высшие командиры и штабные офицеры, не принадлежащие к политическому руководству, когда они планируют ведение войны, готовят средства для нее, выступают, выполняя приказ, против других государств и ведут войну, после того как она начата, — это не входит в состав преступления, который, согласно международному праву, включает планирование, подготовку, развязывание и ведение войны или осуществление вторжения.

На основании представленных документов трибунал пришел к выводу, что подсудимые не принадлежали к политическому руководству и невиновны в преступлении, предусмотренном разделом I обвинительного заключения.

Обвинение в том, что поведение подсудимых во время войны было преступным, будет рассмотрено в другом месте данного приговора.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В приговоре Международного военного трибунала рассматриваются военные преступления, совершенные вермахтом. Ниже приводятся выдержки из этого приговора.

«Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на суде. Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождалась жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеют никакого значения, и, освободившись от ограничивающего влияния международного права, нацистские руководители вели агрессивную войну самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета...

Другие военные преступления, такие, как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командос или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам...

Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности...

За время войны многих сдавшихся немцам в плен солдат союзных армий немедленно расстреливали, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 года подсудимый Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений командос, часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдаться в плен. Далее предусматривалось, что, если такие части союзных войск попадали в руки военных властей, после того как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 году было дано разъяснение, что этот приказ не относится к командос, захваченным непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды командос из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов командос убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом...

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало приказ «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае если их захватывали вновь, должны были быть переданы полиции безопасности и СД.

Полиция безопасности и СД разослали этот приказ своим районным управлениям. Эти бежавшие офицеры и унтер-офицеры должны были посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где по прибытии их должны были убивать выстрелом в затылок.

В марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Жагани, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера, после того как были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие их прах, возвращены в лагерь. Подсудимые здесь не оспаривали то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершать посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 года были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные генералом Рейнеке — начальником Управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на

то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытавшихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 года гестапо издало приказ, предусматривающий убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров полиции безопасности и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: а) всех политических, уголовных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; б) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными, независимо от того, являются ли они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких осведомителей и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в осо-

бенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства... руководящие деятели промышленности и хозяйства, советско-русские интеллигенты, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь места в самом лагере... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним «специального обращения» на территории бывшей Советской России».

Письменные показания под присягой Варлимонта, заместителя начальника штаба вооруженных сил, показания Олендорфа, бывшего начальника III управления Главного имперского управления безопасности, и Лахузена, начальника одного из отделов контрразведки (Абвер) — разведывательной службы вооруженных сил — все указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ...

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 года, который гласил:

«Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальник полиции безопасности и СД широко распространил этот приказ среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным...

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся

участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 года адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнке 8 сентября 1941 года. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни мстью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему распоряжения об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры»¹.

Все эти преступные действия, а также факты использования военнопленных в качестве рабочей силы в нечеловеческих условиях и на запрещенных работах подтверждаются документами, представленными на данном процессе. Это были преднамеренные, грубые и неоднократные нарушения законов и обычаев войны, а также нарушения Гаагской конвенции 1907 года, Женевской конвенции 1929 года и норм обычного международного права.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 372—379.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Среди документов данного процесса имеется множество доказательств относительно совершенных зверств. В истории бесчеловечных поступков, которые один человек совершил по отношению к другому, не было еще случая, чтобы такое количество невинных людей пострадали столь ужасно.

Миллионы людей, единственное преступление которых состояло в том, что они были евреями, или советскими гражданами, или цыганами, или поляками, были объявлены «асоциальными элементами», «недочеловеками» или скотом, к ним применены меры, которые приверженцы Гитлера называли «особым обращением», «ликвидацией» или «окончательным решением», и они уничтожены, невзирая на возраст и пол. Ни на один народ, ни на одну армию и ни на одного полководца в любую цивилизованную или нецивилизованную эпоху не ложилась такая тяжелая вина, какая лежит на гитлеровской Германии, ее армии и ее руководителях за обращение с этими несчастными людьми.

Кроме того, гражданское население стран, захваченных Германией, страдало от того, что людей порабощали, увозили на принудительные работы, морили голодом, подвергали пыткам, убивали, казнили в качестве заложников и под страхом смерти заставляли строить укрепления и разминировать местности; их общественную и частную собственность расхищали и уничтожали, и они страдали от других преступных действий своих поработителей.

В приговоре Международного военного трибунала говорится:

«Статья 6 (b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий...

убийство заложников... бесцельное разрушение городов и деревень будут рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных култов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 декабря 1941 года Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу, лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо, вне всякого сомнения, должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки полиции безопасности и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того как этих гражданских лиц привозили в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщалось о их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 года, следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами. 12 июня 1942 года начальник полиции безопасности и СД через Мюллера, начальника гестапо, издал приказ, санкционировавший применение методов «третьей степени» при допросах в тех случаях, когда предварительное следствие установило, что допрашиваемый мог бы дать показания по важным вопросам, как, например, о подрывной деятельности, хотя и не с целью вынудить заключенного признаться в собственных преступлениях. Этот приказ гласил:

«Методы третьей степени могут применяться только против коммунистов, марксистов, «свидетелей Иеговы», саботажников, террористов, членов движения Сопротивления, агентов-парашютистов, асоциальных элементов, польских или советских бездельников или бродяг; во всех остальных случаях следует предварительно испрашивать моего разрешения... Методы третьей степени применительно к обстоятельствам состоят наряду с другими методами из сокращенного рациона (хлеб и вода), жесткой постели, темной камеры, запрещения спать, изматывающих упражнений, а также порки (в случае если назначается более 20 ударов, следует консультироваться с врачом)».

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации не только сводилась к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению Сопротивления, но и распространялась также на членов их семей. 19 июля 1944 года командир полиции безопасности и СД в Радомском районе в Польше издал приказ, распространенный через высших руководителей СС и полиции, о том, что во всех случаях убийства немцев или покушения на их жизнь или при попытке диверсантов разрушить важные объекты следовало расстреливать не только виновных, но также и всех их родственников мужского пола, родственники же женского пола в возрасте свыше 16 лет должны направляться в концентрационный лагерь...

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ,

изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 года, предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось: «Следует помнить, что человеческая жизнь в странах, где еще не установлен порядок, часто ничего не стоит и устрашения можно добиться только чрезвычайной суровостью». Точное число убитых в результате этой политики неизвестно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось еще в больших масштабах. Кроме убийства заложников, в некоторых случаях уничтожались целые города; массовые убийства, подобные тем, которые имели место в Орадур-сюр-Глане во Франции и Лидице в Чехословакии, описанные в деталях Трибуналу, представляли собой примеры организованного террора, применявшегося оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось заключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагеря являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лиц, арестованных гестапо, как правило, направляли в концентрационные лагеря. Они перевозились в лагеря в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагеря, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду, им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья;

режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников...

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных-неевреев использовались на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболели и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоляторы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и, таким образом, они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения полиции безопасности и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гимmlера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу с партизанами и членами групп Сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре такие эйнзатцгруппы: одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России. Олендорф, бывший начальник третьего управления РСХА, руководивший четвертой группой, заявил в своем письменном показании:

«Когда немецкая армия вторглась в Россию, я командовал эйнзатцгруппой «Д» в южном секторе, и в течение года моего пребывания на этой должности эйнзатцгруппа «Д» уничтожила приблизительно 90 000 мужчин, женщин и детей.

В большинстве своем это были евреи. Среди уничтоженных были также партийные работники-коммунисты».

В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 года, проект которого был разработан подсудимым Иодлем, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. В документе, который был направлен в 1943 году подсудимому Розенбергу имперским комиссаром по делам восточных территорий, содержатся важные иллюстрации тех мер, которые в действительности применялись. Он писал:

«Можно было бы избегать зверств и хоронить тела тех, кого ликвидировали. Сжигать в сараях запертых там мужчин, женщин и детей — вряд ли это подходящий метод, даже если желательно уничтожить население. Этот метод недостойн дела Германии и чрезвычайно вредит нашей репутации...»

Изложенные выше преступления против гражданского населения являются чудовищными. Из представленных доказательств явствует, что, во всяком случае на Востоке, массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его, для того чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда он писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немец-

кому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 года Гиммлер вновь заявил:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса».

Еще в сентябре 1938 года польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 года подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту, для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования жителей страны. Поляки должны стать рабами великой Германской мировой империи». В январе 1940 года Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения — в июне 1941 года — Розенберг заявил своим сотрудникам:

«Цель, заключающаяся в снабжении продуктами питания германского народа, стоит в этом году, несомненно, первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстоят очень тяжелые годы»¹.

Эти положения приговора Международного военного трибунала подтверждаются документами, предъявленными на данном процессе; доказаны и другие преступления.

Вопросы об отношении подсудимых к этим преступным действиям рассматриваются при мотивировке виновности каждого подсудимого в отдельности.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 379—385.

СТРУКТУРА ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА

Вскоре после захвата Гитлером власти было создано министерство авиации во главе с Герингом в качестве министра. В 1935 году германское правительство открыто заявило о том, что оно больше не соблюдает статьи Версальского договора, касающиеся сухопутной армии, военно-морского флота и авиации. Одновременно было объявлено, что Германия создает военно-воздушные силы. Министерство по делам рейхсвера было переименовано в «имперское военное министерство» и военный министр фон Бломберг получил титул «главнокомандующего вооруженными силами». Бломбергу подчинялись «главнокомандующий сухопутными силами» (фон Фрич) и «главнокомандующий военно-морским флотом» (Редер). Геринг, как главнокомандующий германскими военно-воздушными силами, также был подчинен Бломбергу, однако он был одновременно министром авиации, и нет необходимости доказывать, что в третьем рейхе Геринг обладал гораздо большим могуществом.

В феврале 1938 года кризис в отношениях между Гитлером и армией привел к коренной реорганизации верховного главнокомандования. Осуществление высшего руководства и идеологическая обработка всех трех составных частей вооруженных сил были изъяты из ведения военного министерства и переданы вновь созданному Верховному главнокомандованию германских вооруженных сил (ОКВ). Гитлер присвоил себе титул «верховного главнокомандующего вооруженными силами», а ОКВ в значительной степени стало рабочим штабом Гитлера по делам вооруженных сил. Кейтель получил титул «начальника ОКВ» и ранг министра. Фон Браухич сменил фон Фрича на посту главнокомандующего сухопутными силами.

ОКВ (Верховное главнокомандование вооруженных сил)

ОКВ ведало всеми вопросами, касавшимися отношений между составными частями вооруженных сил (вермахта). На ОКВ была возложена организация обороны рейха в мирное время и верховное руководство операциями во время войны. Кейтель, подчинявшийся непосредственно Гитлеру, играл роль верховного исполнительного органа при Гитлере для разрешения административных вопросов, касающихся вооруженных сил, и для практического осуществления политических планов Гитлера.

На данном процессе были представлены многочисленные доказательства по вопросу о функциях ОКВ, чтобы показать, что Гитлер зачастую осуществлял свои мероприятия, действуя непосредственно через главнокомандующих сухопутными силами, военно-воздушными силами и военно-морским флотом, а после того, как он взял на себя командование сухопутными силами, часто и непосредственно как главнокомандующий сухопутными силами. Несмотря на это, ясно, что, пользуясь своими полномочиями верховного главнокомандующего вермахта, Гитлер мог отдавать приказы через ОКВ всем составным частям вооруженных сил и во многих случаях он это и делал.

Важнейшим отделом ОКВ, который должен был заниматься непосредственно военными операциями, был штаб оперативного руководства вооруженными силами (ВФСт). Во время войны его возглавлял генерал Альфред Иодль. Иодлю подчинялся подсудимый Варлимонт, занимавший пост начальника отдела обороны страны в штабе оперативного руководства вооруженными силами. Кроме того, в 1942 году Варлимонт был назначен заместителем Иодля и получил титул «заместителя начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами».

Наряду с ВФСт в системе ОКВ существовало много других управлений и отделов. Их возглавляли старшие офицеры, специалисты в своих областях; все они подчинялись непосредственно Кейтелю. Однако эти управления в большинстве случаев находились в тылу (в то время как штаб оперативного руководства вооруженными силами обычно располагался в главной ставке фюре-

ра, «в действующей армии») и занимались многочисленными административными вопросами, касавшимися всех трех составных частей вооруженных сил. Общее управление (АВА) было одним из важнейших административных управлений ОКВ. Начальником этого управления был подсудимый Рейнеке, занимавший этот пост непрерывно с декабря 1939 по май 1945 года. В компетенцию АВА входили прежде всего вопросы управления и исполнения, а не стратегическое руководство.

Одним из важнейших отделов АВА было управление по делам военнопленных, ведавшее всеми административными вопросами, связанными с положением немецких и союзных военнопленных. Управление по делам военнопленных входило в АВА до октября 1944 года. После этого часть его функций была передана СС. Другим отделом АВА был «национал-социалистский руководящий штаб ОКВ» (НСФ — ОКВ), созданный в декабре 1943 года. На эту инстанцию возлагалась задача обеспечить в сотрудничестве с партийной канцелярией нацистской партии единую систему политического обучения в вермахте. НСФ был подчинен непосредственно подсудимому Рейнеке.

Еще одним важным отделом ОКВ был юридический отдел вооруженных сил. Его с 1938 по 1945 год возглавлял подсудимый Леман. Юридический отдел занимался различными правовыми вопросами, связанными с подготовкой юридических заключений, имевших значение для всех трех составных частей вооруженных сил; однако юридические отделы этих трех составных частей вермахта не подчинялись юридическому отделу ОКВ.

ОКЛ (Главное командование военно-воздушных сил)

Военно-воздушные силы были самой молодой из трех составных частей вермахта. Официально они были созданы в марте 1935 года, и Геринг был назначен главнокомандующим в чине генерала авиации. Вскоре после того, как было объявлено о создании самостоятельных военно-воздушных сил, все части зенитной артиллерии вместе с приданными им подразделениями связи были переведены из сухопутных сил в состав военно-воздушных сил. Геринг занимал посты имперского министра авиации и главнокомандующего военно-воздушными

силами и возглавлял военно-воздушные силы почти до самого конца войны.

ОКМ (Главное командование военно-морских сил)

Военно-морской флот был самой меньшей из трех составных частей вермахта. Его личный состав и его подразделения были самыми малочисленными и самыми слабыми в германских вооруженных силах. С 1928 по 1943 год во главе ОКМ стоял гроссадмирал Эрих Редер. С 1943 года до конца войны в мае 1945 года германским военно-морским флотом командовал гроссадмирал Дениц, преемник Редера. Ранее он был командующим подводным флотом.

В рамках ОКМ существовал отдел руководства морскими операциями (ЗКЛ), подчиненный непосредственно главнокомандующему военно-морским флотом; его задачи соответствовали до известной степени задачам генерального штаба сухопутных сил. ЗКЛ занимался главным образом вопросами, связанными с операциями и разведкой. С 1938 по 1941 год подсудимый Шнивинд был начальником штаба ЗКЛ. Он был подчинен непосредственно Редеру.

ОКМ подчинялись командующие группами военно-морских сил, руководившие операциями военно-морского флота на определенных театрах, за исключением операций в океане и действий подводных лодок; эти последние были слишком подвижны, чтобы подчинять их какой-либо определенной местной командной инстанции. С 1941 по 1944 год подсудимый Шнивинд был командующим океанским флотом.

ОКХ (Главное командование сухопутных сил)

Сухопутные силы были самой крупной и самой важной составной частью вермахта. С 1938 по декабрь 1941 года пост главнокомандующего германскими сухопутными силами занимал фельдмаршал Вальтер фон Браухич. Генерал Франц Гальдер был начальником его штаба. В декабре 1941 года Гитлер сместил Браухича с занимаемого поста и сам взял на себя командование сухопутными силами. Гитлер занимал пост главнокомандующего германскими сухопутными силами до своей

смерти в конце войны, и личная уния, в результате которой он объединял в своих руках функции верховного главнокомандующего германскими вооруженными силами и главнокомандующего сухопутными силами, привела к тому, что задачи ОКВ и ОКХ в известной мере сливались и переплетались. В сентябре 1942 года генерал Курт Цейтцлер сменил Гальдера на посту начальника генерального штаба сухопутных войск. В июле 1944 года Цейтцлера заменил генерал-полковник Гейнц Гудериан, которому в свою очередь в феврале 1945 года пришлось уступить место генералу Хансу Кребсу.

После того как Гитлер взял на себя командование германскими сухопутными силами, все высшие командные инстанции действующих и оккупационных войск германской армии стали подчиняться непосредственно Гитлеру — либо как верховному главнокомандующему вермахта, либо как главнокомандующему сухопутными силами. Из-за этого частичного слияния, связанного с двойной функцией и двойной командной властью Гитлера, иногда было трудно провести четкую линию разграничения компетенции ОКВ и ОКХ.

Командные инстанции сухопутных сил

Группы армий и армии. Самым крупным боевым формированием германских сухопутных сил была группа армий, в которую входили обычно две или несколько армий. Группой армий командовал фельдмаршал, реже — генерал-полковник. Армией командовал фельдмаршал, либо генерал-полковник, либо генерал рода войск.

В начале войны группа армий обычно формировалась специально для использования в определенной кампании или на определенной оккупированной территории. Во время кампании главная задача группы армий заключалась в руководстве боевыми действиями подчиненных ей армий. Вначале группа армий имела сравнительно небольшой штаб, который занимался исключительно вопросами ведения боевых действий.

В ходе войны стали возникать административные задачи и штаб группы армий стал увеличиваться. Штаб армии был более стабильной командной инстанцией для стратегического и тактического руководства подчиненными ему единицами. Одновременно он являлся также

и высшей командной инстанцией действующей армии по вопросам управления, снабжения и по другим связанным с ними вопросам.

Армейские корпуса и нижестоящие командные инстанции. В армию входил один или несколько армейских корпусов (обычно 2—7). Армейский корпус был стабильной командной инстанцией, которой, как правило, подчинялись от 2 до 7 дивизий. Дивизия была «самостоятельной» единицей германской армии. Ее состав зависел в каждом отдельном случае от ее специального назначения.

Структура командных инстанций. Размеры и состав командных инстанций сухопутных сил не были единообразными. Но эти инстанции строились по единой системе и обычно состояли из командира, при котором был штаб. Штаб армейского корпуса и более крупных единиц возглавлялся начальником штаба. Во всех германских штабах оперативный отдел обозначался шифром «Ia», отдел тыла — «Ib» и разведывательный отдел — «Ic».

Войска СС. В самом начале войны, в 1939 году, Гитлер стал объединять части СС в дивизии, которые обучались и вооружались для действий вместе с армией. До начала войны против Советского Союза было сформировано всего 2 или 3 такие дивизии, а в конце войны уже существовало большое число дивизий СС.

В некоторых административных вопросах части войск СС оставались в рамках организации СС и подчинялись служебному контролю и командованию рейхсфюрера СС Гимmlера. Однако на фронте и в оккупированных областях дивизии СС подчинялись командованию армии и их использование мало чем отличалось от использования обычных армейских дивизий.

Командные инстанции и соединения оккупационных войск

Немцы считали иногда целесообразным назначать командующего войсками на той или иной территории, оккупированной германской армией. В тактическом отношении ему подчинялись командиры расположенных на этой территории частей армии, флота и авиации. Такие командующие решали не только административные, но и стратегические задачи и подчинялись непосредственно ОКВ.

Командующие войсками в оккупированных районах. Задача управления оккупированными Германией областями в соответствии с директивами германских властей возлагалась на армейских офицеров. Обычно это был генерал, занимавший должность «командующего войсками». На него возлагалась в первую очередь обязанность поддерживать в данной области или стране порядок и безопасность; сюда входила, в частности, охрана шоссейных дорог, железнодорожных путей, коммуникаций и линий связи.

Командующие войсками в тыловых районах действующих войск. Во время войны оперативный район армии делился на различные полосы. Оперативный район группы армий включал оперативные районы подчиненных ей армий и тыловой район группы армий. Границы тылового района группы армий совпадали с границами тыловых районов армий и простирались до областей, находившихся под административным управлением рейха, например до «имперского комиссариата Остланд»¹ на Востоке.

Тыловые районы групп армий и армий находились под командованием генералов, которые в свою очередь непосредственно подчинялись командующему группой армий или армией.

Задачи этих командиров можно коротко сформулировать следующим образом:

1. Управление оккупированными районами.
2. Поддержание спокойствия и порядка в этих районах.
3. Ответственность за сохранность железных дорог и главных линий снабжения фронта, а также всех пунктов, обеспечивающих снабжение войск, находящихся на фронте.

Для выполнения этих задач командиры имели в своем распоряжении одну или несколько единиц:

1. Охранные дивизии.
2. Подразделения немецкой полиции.
3. Местная полиция и фельдъегерские части, комплектовавшиеся из местного населения.
4. Местные стрелковые батальоны.

¹ Так гитлеровцы именовали временно оккупированную ими территорию Советской Прибалтики и Белоруссии.

Для управления гражданским сектором в тыловых районах группы армий или армии обычно создавались следующие командные инстанции:

1. Главные полевые комендатуры.
2. Полевые комендатуры.
3. Местные комендатуры.

Кроме того, в распоряжении командующих тыловыми районами армий находились многочисленные зондеркоманды, на которые возлагался, например, контроль за сельскохозяйственным производством, за лесным хозяйством, горнодобывающей промышленностью и использованием местных промышленных предприятий.

Командующих тыловыми районами групп армий именovali: «начальник тылового района группы армий» с добавлением номера, обозначающего соответствующий район в административном делении. Так, например, подсудимый фон Рок был начальником тылового района 103 (группа армий «Юг»).

Высшие руководители СС и полиции. В период национал-социалистского господства Генриху Гиммлеру удалось добиться почти полного слияния регулярной немецкой полиции с частями полиции и контрразведки СС. Это слияние подтверждалось уже официальным наименованием должности Гиммлера: «рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции». Гиммлер назначил некоторых своих подчиненных руководителями СС и полиции в определенных провинциях Германии и в оккупированных Германией областях. Эти лица носили титул «высших руководителей СС и полиции». На оккупированных территориях они подчинялись лично Гиммлеру и регулярно получали от него указания, на фронте же они находились в подчинении старшего по званию офицера армии соответствующего района.

Задачи высших руководителей СС и полиции состояли главным образом в контроле над местными полицейскими властями, в выполнении особых заданий, связанных с полицией и контрразведкой, а также в выполнении других особых поручений по службе безопасности для Гиммлера и для военных властей. Высший руководитель СС и полиции обычно имел чин группенфюрера СС или обергруппенфюрера СС; эти чины соответствовали чинам генерал-лейтенанта и генерала рода войск в армии.

ПРИКАЗЫ СВЕРХУ

В законе Контрольного совета № 10, ст. II, параграф 4 «а» и «б», говорится:

«4. а) Официальное положение любого лица независимо от того, было ли оно главой государства или руководящим чиновником в правительственных департаментах, не освобождает его от ответственности за преступления и не дает основания для смягчения ему наказания.

б) Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания».

Содержание этих двух пунктов ясно и недвусмысленно. Они касаются преступлений, предусмотренных ст. II, параграфом 1 «а», «б» и «с» закона Контрольного совета № 10. Все обвиняемые по этому делу занимали высокие посты в вооруженных силах третьего рейха. Начиная с 1938 года Гитлер был верховным главнокомандующим вооруженными силами и высшей гражданской и военной инстанцией третьего рейха. Его личные приказы имели силу закона. Если бы при таких обстоятельствах данный трибунал решил освободить подсудимых от ответственности за преступления, предусмотренные в законе Контрольного совета № 10, на том основании, что они якобы действовали по приказу своего правительства или своего начальника, то практически это свелось бы к тому, что любое из приведенных в обвинительном заключении преступлений можно было бы возложить на одного Гитлера, потому что он один обладал полномочиями издавать от имени государства законы и пользовался неограниченным правом отдавать распоряжения

гражданским и военным органам. Такая концепция противоречит здравому смыслу и не может быть признана правильной.

Трибунал не должен рассматривать законодательные основы предписаний ст. II, параграфа 4 «а» и «b» закона Контрольного совета № 10, потому что эти предписания являются одним из обязательных правовых принципов, определяющих деятельность данного трибунала по отправлению правосудия.

Однако, поскольку вновь и вновь выдвигается возражение, что было бы несправедливо даже предъявлять подсудимым по данному делу те обвинения, которые перечислены в обвинительном заключении, потому что они, мол, были только солдатами, лишь выполнявшими распоряжения своего правительства и приказы своих начальников, следует кратко изложить вполне убедительные с точки зрения трибунала соображения, опровергающие это возражение.

Даже если бы в законе Контрольного совета № 10 и не было положения о том, что ссылка на приказ сверху не может рассматриваться как основание для освобождения от ответственности, это неизбежно вытекало бы из того, что, по мнению трибунала, перечисленные в законе действия наказуемы не потому, что они объявлены наказуемыми законом № 10, а потому, что они считались преступлениями уже в то время в соответствии с обычным международным правом. Обычное международное право стоит выше внутригосударственного права и выше распоряжений, изданных правительственными органами. В тех же случаях, когда возникает коллизия между международным правом, с одной стороны, и правом внутригосударственным или правительственными распоряжениями — с другой, международное право имеет приоритет. Поэтому распоряжение, предусматривающее нарушение норм обычного международного права, не имеет законной силы и не освобождает от наказания того, кто нарушает нормы международного права, выполняя такое распоряжение.

Цель и действие всех национальных и международных правовых норм заключается в их ограничивающем или направляющем влиянии на поступки граждан или подданных государства. Цель и действие международного права заключается в его ограничивающем или на-

правляющем влиянии на народы. Так как народы — это совокупность отдельных лиц, то есть совокупность, состоящая из множества отдельных людей, и так как народ может планировать свои действия и действовать только через свои органы власти и своих представителей, имеется лишь одна-единственная возможность ограничивать или направлять по определенному руслу действия народов. Она заключается в контроле над органами власти и представителями народа, которые формулируют государственную политику и проводят ее в жизнь.

Поскольку государство является только совокупностью индивидуумов, не имеющей собственной воли, абстрактным понятием, оно не может, как таковое, разрабатывать планы, формулировать политику, выдвигать разумные соображения, испытывать страх, и его действия могут быть ограничены или предотвращены лишь путем влияния на отдельных индивидуумов, выступающих в качестве его органов или представителей. Трибунал проявил бы полнейшее непонимание действительности и настоящее юридическое лицемерие, если бы заявил, что во всем виновно лишь государство, то есть абстрактное понятие, и что нельзя ни в чем обвинять его органы и отдельных его представителей, формулирующих и осуществляющих его политику. Точно так же недопустимо при осуждении диктатуры использовать диктатора, какой бы неограниченной ни была его власть, в качестве козла отпущения и валить на него все грехи его подчиненных в правительстве и в военных органах. Если такой диктатор был заган в бомбоубежище и, по-видимому, покончил там с собой, нельзя полагать, что вместе с ним покончено и со всеми грехами и всеми преступлениями его подчиненных.

Подсудимые по данному делу, которые действительно получали преступные приказы, находились в затруднительном положении, однако тот факт, что они покорно выполняли эти явно преступные приказы из страха перед неприятностями или наказаниями, которыми им неоднократно открыто угрожали, не может служить им оправданием. Для того чтобы выдвигать в качестве основания для оправдания принуждение или безвыходное положение в связи с имевшейся в то время угрозой, необходимо привести доказательства того, что существовали условия, когда разумный человек в страхе перед

непосредственной опасностью, угрожающей его здоровью или жизни, не мог свободно выбирать между добром и злом и был вынужден творить беззаконие. В данном случае наличие таких условий не доказано.

Мысль о том, что приказы сверху не могут служить оправданием преступления, не нова. Статья 47 германского военно-уголовного кодекса, вступившего в силу в 1872 году, гласит:

«Если выполнение военного приказа во исполнение служебной обязанности нарушает уголовный закон, начальник, отдающий приказ, будет нести за это полную ответственность. Однако выполнивший приказание подчиненный разделит наказание как соучастник в случаях, если: 1) он превысил приказ, данный ему, или 2) он знал, что приказ его начальника касается действия, предусматривающего совершение гражданского или военного преступления или нарушение закона».

В 1940 году эта статья была изменена. Из пункта 1 (см. выше) были опущены слова «данный ему», а в пункте 2 слово «гражданского» заменено словом «общегоуголовного». Если этим изменениям вообще можно приписывать какое-либо значение, то они скорее расширяют сферу применения прежних формулировок, нежели сужают ее.

Интересно, что статья, принадлежащая перу имперского министра пропаганды Геббельса и напечатанная 18 мая 1944 года в «Фелькишер беобахтер», официальном национал-социалистском органе, содержит следующую правильную мысль об этом законе:

«Ни в одном военном законе не предусмотрено, что солдат, совершивший гнусное преступление, может быть освобожден от наказания, если он сошлется на приказ своего начальника, особенно если распоряжение этого начальника находится в резком противоречии с требованиями человеческой морали и с международными обычаями ведения войны».

Приказы

Вопрос, интересующий всех подсудимых по данному делу, касается уголовной ответственности за разработку,

передачу и выполнение преступных приказов их начальников.

Впервые в истории отдельные лица должны держать ответ перед уголовным судом за конкретные нарушения международного права. Наказуемость отдельных лиц была еще раньше декларирована и признана, когда дело касалось известных нарушений международного права, и в этих случаях виновные были действительно наказаны. Но нюрнбергские процессы расширили понятие ответственности отдельных лиц за рамки этих особых и до известной степени ограниченных случаев. Поэтому данный суд должен не только установить, представляют ли определенные действия нарушение международного права, но и решить, должно ли отдельное лицо привлекаться к уголовной ответственности за такое нарушение. При этом мы должны учитывать не только положения международного права, но и признанные всеми цивилизованными народами мира основные принципы уголовного права. Этим руководствовались военные трибуналы, вынесшие свои приговоры ранее, и данный трибунал придерживается той же точки зрения.

Для того чтобы можно было признать уголовную ответственность подсудимого, следует установить факт нарушения закрепленного международным правом морального обязательства, должно иметь место действие, добровольно совершенное данным лицом, и совершивший его должен понимать преступный характер этого действия в соответствии с положениями международного права.

Закон Контрольного совета № 10, статья II, параграф 4 «b», гласит:

«Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания».

Считается, что командующий несет уголовную ответственность за передачу преступного приказа, в какой бы форме эта передача ни была произведена. Трибунал полагает, что такое мнение позволяет заходить слишком далеко. Передача распоряжения соответствующим

инстанциям — это часть выполнения приказа. Такие приказы олицетворяют командную власть начальника, издающего их, и подчиненного ему командира, передающего их дальше для исполнения. Однако трибунал считает, что простой административный акт передачи приказа вышестоящей по отношению к передающему инстанции тем подразделениям, которые подчинены передающему, не содержит в себе связанного с выполнением приказа действия со стороны начальника, через инстанцию которого эти приказы только проходят. Такая передача приказа является лишь канцелярским актом, который зачастую осуществляется персоналом командной инстанции, и самого командира не ставят о нем в известность. Начальник не может проверять приказы, передаваемые таким образом. Его служебная инстанция не используется вышестоящей командной инстанцией в качестве исполнительного органа, а просто обходится.

Кроме того, в каждом отдельном случае следует делать различия в зависимости от характера преступного приказа. Приказы — это основа, на которой строятся действия любой армии. Основой дисциплины любой армии служит то, что приказы подлежат неукоснительному выполнению. На этом принципе строится дисциплина. Без соблюдения этого принципа ни одна армия не будет боеспособной, и уж наверняка в обязанности солдата, занимающего подчиненное положение, не входит проверка приказов его начальников с целью установления их законности. В известных пределах он вправе предполагать, что приказы его начальников и государства, на службе у которого он находится, не выходят за рамки международного права.

Некоторые из обвиняемых — это бывшие командиры фронтовых соединений. На них лежала тяжелая ответственность во время военных действий. Они имели лишь ограниченные возможности для того, чтобы советоваться с юристами. Они были солдатами, а не юристами. Согласно международному праву, войсковых командиров на фронте, несущих большую ответственность за операции, нельзя обвинять в том, что они участвовали в издании приказов, не имевших открыто преступного характера, если не доказано, что им был известен преступный характер этих приказов с точки зрения международного права. От войскового командира нельзя тре-

бовать, чтобы он проводил тонкие различия в вопросе о законности приказов или делал собственные выводы в этом отношении. Пока ему не известно обратное, он вправе предполагать, что законность этих приказов выяснена надлежащим образом еще до их издания. На него нельзя возлагать ответственность за юридическую ошибку в сомнительных с точки зрения права вопросах.

Поэтому трибунал приходит к выводу, что войсковой командир действующей армии может быть привлечен к ответственности за передачу такого приказа только в том случае, если он передал его обычным порядком и если при этом приказ был явно преступным либо доказано, что войсковой командир знал о его преступном характере.

В соответствии с этим командир может быть привлечен к уголовной ответственности за выполнение преступного приказа своего начальника. Теперь возникает вопрос, может ли он быть привлечен к уголовной ответственности за действия, совершенные в районе, на который распространялась его командная власть, на основании преступных приказов, доведенных до войск без его посредничества. Его возможности выразить протест против такого приказа ограничены: 1) он может издать приказ, отменяющий предыдущее распоряжение; 2) он может подать в отставку; 3) он может в известной мере саботировать выполнение приказа.

Для отмены приказа вышестоящего начальника у него нет ни права, ни власти. Контрприказ имел бы своим последствием самое тяжкое наказание для командира, был бы совершенно бесцельным, а в условиях Германии, несомненно, привел бы к тому, что Гитлер стал бы особенно внимательно следить за неукоснительным выполнением приказов. Вторая из имевшихся возможностей — выйти в отставку — была немногим лучше. В военное время армейские офицеры вообще не имеют права подавать в отставку. Этот принцип соблюдается также и в армии Соединенных Штатов. Отрицательное отношение к политике государства в том виде, как она отражена в приказе, вряд ли может служить основанием для прошения об отставке. Если бы в гитлеровской Германии офицер привел такой мотив, подавая прошение об отставке, это, по-видимому, имело бы для него самые серьезные последствия.

Еще одна возможность выступить против приказа заключалась в том, чтобы саботировать его. Это офицер мог сделать только устно и лично. Такой устный и личный призыв игнорировать приказ никогда не мог оказать такого широкого воздействия, чтобы тем самым можно было сорвать выполнение приказа.

Четвертая возможность, имевшаяся у него, заключалась в том, чтобы вообще ничего не делать.

Закон Контрольного совета № 10 (ст. II, параграф 2) предписывает следующее:

«2. Любое лицо независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это определено в параграфе 1 данной статьи, в том случае, если оно было: ...b) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;

c) давало согласие на участие в нем;

d) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершенные преступления...»

Как указывалось выше, это «участие» должно заключаться в том, что виновный действовал вопреки моральному долгу. Так толкуется это выражение в соответствии с международным правом в приговорах, вынесенных до сих пор военными судами. Но участие может заключаться и в попустительстве. Согласно принципам командной власти и ответственности, офицер, пассивно наблюдающий, как его подчиненные выполняют отданный его вышестоящим начальником преступный приказ, нарушает моральный долг, налагаемый на него международным правом. Это бездействие не может служить достаточным основанием, для того чтобы освободить от ответственности, возлагаемой нормами международного права. Единственным обстоятельством, которое может быть приведено в оправдание этого офицера, является тот факт, что приказ отдан его вышестоящим начальником, а это рассматривается в законе Контрольного совета № 10 лишь как смягчающее обстоятельство.

Во всяком случае, до решения вопроса об уголовной ответственности подсудимых по данному делу необходимо не только установить, был ли приказ преступным сам по себе, но и выяснить, можно ли было сразу усмотреть

преступность этого приказа. Некоторые приказы по вермахту и по германским сухопутным силам были явно преступными. Для того чтобы установить это, не было необходимости подвергать эти приказы юридической экспертизе. С точки зрения любой цивилизованной нации они нарушали законы и обычаи ведения войны и общепризнанные принципы гуманности. Любой командир, обладающий нормальным интеллектом, должен был заметить и понять преступность этих приказов. Всякое участие в выполнении таких приказов, пусть даже молчаливое, всякое молчаливое согласие на то, чтобы этот приказ выполняли подчиненные, представляет собой противозаконное действие командира.

На данном процессе было представлено много доказательственных материалов и велась дискуссия по вопросу о задачах и обязанностях штабных офицеров при разработке и передаче приказов, имеющих преступный характер. По вопросу об ответственности начальника штаба фронтового соединения трибунал получил для ознакомления обоснование приговора, вынесенного пятым трибуналом на процессе № 7. Ссылаются на то, что в ходе процесса № 7 в отношении начальников штабов решались только вопросы факта, а решение вопросов права имело значение лишь для установленных там фактических обстоятельств дела. Данный трибунал считает правовые принципы, перечисленные в приговоре, вынесенном на процессе № 7, правильными и пользуется ими, однако не одобряет широту толкования этих принципов, на которую претендуют защитники на данном процессе, заявляя, что за все преступления, совершенные в определенном районе, отвечает только генерал, командовавший здесь войсками, а его начальник штаба должен быть освобожден от всякой ответственности по той простой причине, что ответственность может быть возложена на его вышестоящего начальника. Указывают также, что обстоятельства дела, разбиравшегося на процессе № 7, отличаются от положения любого из подсудимых на данном процессе.

Заявления, которые сделали на данном процессе отдельные подсудимые по вопросу о функциях штабных офицеров и начальников штабов, целиком не совпадают. Подсудимые — генералы, командовавшие войсками, — указывали, что существовали определенные функции, ко-

торые они были вынуждены передавать своим начальникам штабов, и что иногда генералы не знали о некоторых приказах, отданных, возможно, от их имени. Подсудимые — офицеры генерального штаба — утверждали, что только командующий несет ответственность за все приказы, отданные от его имени. Оба утверждения следует детально изучить.

Различные документы и показания свидетелей позволяют заключить, что задачи и обязанности офицеров генерального штаба в германской армии в общем мало отличались от задач и обязанностей офицеров генштаба армий других стран. Планы и общие директивы излагаются в разработанных в установленном порядке приказах с целью претворения их в жизнь военной организацией. Разрабатывать такие приказы должны офицеры генерального штаба. Штабные офицеры — это необходимое звено в цепи, ведущей в конечном счете к выполнению приказов. Если основная идея приказа преступна с точки зрения международного права, то штабной офицер нарушает нормы международного права, когда он либо сам облакает эту идею в форму военного приказа, либо поручает это сделать своему подчиненному, либо сам предпринимает шаги, чтобы довести приказ до войсковых частей, которые должны его выполнить.

Штабные офицеры обладают командной властью лишь в ограниченных областях. Подчиненные офицеры выполняют свои функции обычно от имени своего начальника штаба. Каждая командная инстанция имеет начальника штаба, который, по крайней мере официально, стоит ближе других к командиру. Его задача — заботиться о том, чтобы пожелания командира выполнялись. Он обязан держать своего командующего в курсе всех событий, происходящих в районе, на который распространяется его командная власть. В его обязанности также входит и забота о том, чтобы командующий не занимался мелкими и повседневными делами и чтобы после издания тех или иных директив предпринимались необходимые шаги и меры для проведения этих директив в жизнь. Сфера деятельности начальника штаба складывается по-разному в зависимости от личных качеств и интересов его командующего; эта деятельность получает более широкий размах в зависимости от поста и круга обязанностей командующего.

Поскольку порядок подчиненности не предоставляет начальнику штаба командной власти, подписанный им приказ не имеет обязательной силы для подчиненных частей. Однако документы, предъявленные на данном процессе, показывают, что начальник штаба подписывал приказы от имени и по поручению своего командующего. На практике случается, что командующий иногда и не видит этих приказов. Однако предполагается, что в этих приказах выражена его воля. Возможно, что командующий не видел этих приказов, и даже очень часто это могло иметь место, но в соответствии с принятым в штабах порядком прохождения дел его информируют об этих приказах и они считаются выражением его воли, если только он не заявляет о своем категорическом несогласии с их содержанием. Когда командная власть осуществляется с нарушением заведенного порядка, начальник штаба освобождается от ответственности.

Начальник штаба, не принимавший участия в издании преступных приказов или в их выполнении войсковым соединением, не может быть привлечен к уголовной ответственности за преступные действия, имевшие место в этом соединении. Он не располагает командной властью над подчиненными частями. В таких случаях он имеет возможность только обратить внимание своего командира на происходящее. Командная власть и ответственность за ее осуществление целиком лежат на командире.

Согласно порядку, принятому в военных организациях, командир подписывает бумаги, направляемые в вышестоящие командные инстанции. В определенных случаях он подписывает также приказы подчиненным частям. Это делается тогда, когда речь идет о важных директивах или когда необходимо подчеркнуть значение приказа. Однако большинство приказов командной инстанции, как показывают представленные документы, отданы «по поручению» или «по приказу» и подписаны только начальником штаба. Все эти приказы обязательны для подчиненных. В какой мере начальник штаба, отдавая приказы, может действовать, не получив заранее полномочий от своего командира или не поставив его в известность,— это зависит от многих факторов, например от его собственной квалификации, чина и звания, характера командной инстанции, личных отношений

с командиром и в первую очередь от личности самого командира. Начальник штаба не ротный писарь. В германской армии начальники штабов назначались только в соединениях, начиная с армейского корпуса и выше. Воинские звания этих штабных офицеров и та тщательность, с которой их подбирали, уже сами по себе говорят о большом объеме их ответственности; в результате вполне могло иметь место, — а во многих случаях это, несомненно, так и было, — что начальник штаба брал на себя многие обязанности в области командной власти и управления войсками, действуя от имени своего командира.

Одна из важнейших задач начальника штаба состояла в том, чтобы освободить командира от некоторых второстепенных обязанностей и дать ему возможность заниматься делами, которые он считал более важными. Начальник штаба, естественно, был обязан осведомлять командира о происшествиях в районе, на который распространялась его командная власть, по крайней мере о тех, которые могли показаться командиру важными. Другая общепризнанная функция начальника штаба и всех штабных офицеров заключается в том, чтобы они в соответствии со своей компетенцией подготавливали приказы и распоряжения, которые они считают в данной области необходимыми и уместными, и представляли их своему начальнику на утверждение.

Как уже установлено, предоставленное начальнику штаба право издавать от имени командира приказы и распоряжения ничем не регламентировалось и соответственно на практике начальники штабов пользовались далеко не одинаковыми возможностями для того, чтобы принимать самостоятельные решения по своему усмотрению. Другие штабные офицеры также могли проявлять собственную инициативу в разной мере. Однако тот факт, что такая возможность все-таки имелась, подтверждается показаниями тех подсудимых, которые сами занимали посты в штабах и которые, давая показания, описали несколько случаев, когда они изменяли недвусмысленные пожелания своих начальников, действуя в интересах права и человечности. Если они могли делать это, они смогли использовать свои полномочия также и в других целях и, следовательно, не являлись только простыми получателями приказов.

Офицеры штаба ОКВ сохраняли свои высокие чины и посты наверняка не потому, что они противились воле своих национал-социалистских господ и хозяев или игнорировали их, и, уж конечно, не поэтому они имели возможность пользоваться благами, которые щедро расточали им власти третьего и «тысячелетнего» рейха.

Невозможно требовать от суда, чтобы он поверил, будто три мертвеца — Гитлер, Кейтель и Иодль, — которые в одиночку или вместе выполняли многочисленные задачи как в военной, так и в политической области, несут ответственность также и за многочисленные отдельные поступки, за высказывания на совещаниях и даже за речи, которые произносились. Мы согласны, что многие из жестоких и бесчеловечных преступлений, совершенных во время последней войны, зародились в головах этих людей. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что вызванное и поощряемое ими зло не могло самостоятельно распространиться и дойти до самых мелких подразделений вермахта. Для передачи приказов нужны были штабные офицеры, и эти последние не могут избежать уголовной ответственности за свой существенный вклад в исполнение этих приказов, ссылаясь на то, что они якобы лишь выполняли приказы своих начальников, бывших еще более опасными преступниками.

«Приказ о комиссарах»

Этот приказ, несомненно, принадлежит к числу самых отвратительных, недостойных и преступных распоряжений, когда-либо изданных военными властями. Он требовал истребления политработников Советской Армии и, как многие злодеяния третьего рейха, явился дьявольским изобретением Гитлера. Как будет показано, этот приказ был издан до начала похода против России.

30 марта 1941 года у Гитлера в Берлине состоялось совещание с руководителями вермахта. На этом совещании присутствовал фон Лееб. Согласно записям, сделанным в дневнике генералом Гальдером, Гитлер тогда заявил следующее:

«Борьба двух мировоззрений

Уничтожающий отзыв о большевизме, который подобен асоциальному преступному миру. Коммунизм —

величайшая опасность для будущего. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества. Коммунист не может быть и не будет товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы будем подходить к этому вопросу иначе, то мы, может быть, и разобьем врага, но через 30 лет опять будем стоять лицом к лицу с коммунистическим противником. Мы ведем войну не для того, чтобы сохранить своего врага.

Борьба против России

Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть социалистическими [в нацистском понимании этого слова.— *Ред.*] государствами, однако без собственной интеллигенции. Нужно воспрепятствовать образованию новой интеллигенции. Здесь будет достаточно примитивной социалистической интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Это не проблема военных трибуналов. Командующие войсками должны знать, о чем идет речь. Они должны руководить борьбой. Армия должна защищаться, используя те же средства, которые применяет противник. Комиссары и работники ГПУ — это преступники, с которыми следует соответственно обращаться. Поэтому командир не должен выпускать из своих рук руководство войсками. Командир должен отдавать распоряжения, учитывая настроения войск.

Борьба будет сильно отличаться от борьбы на Западе. На Востоке простая строгость будет в дальнейшем недостаточно сильным средством. Командиры должны заставить себя преодолеть свои сомнения».

Это, по-видимому, вызвало довольно сильное возбуждение среди присутствующих, которые, конечно, понимали, что этот приказ был жестоким, разбойничьим и варварским. После того как Гитлер закончил свою речь и удалился во внутренние покои, раздались протесты военачальников. Они заявляли, что планируемое Гитлером истребление людей явилось бы нарушением их солдатских принципов и подорвало бы дисциплину. Браухич согласился с ними и обещал передать их мнение Гитлеру и ОКВ. Он предпринял также попытку добиться через Кейтеля изменения планов, однако эта попыт-

ка осталась безуспешной. После этого он поддержал действия фронтовых командиров, которые по крайней мере в нескольких случаях высказали своим подчиненным недовольство этим приказом и пытались помешать его осуществлению в той мере, в какой это можно было сделать, не подвергая себя опасности. Одним из средств для смягчения жестокостей «приказа о комиссарах» был изданный Браухичем так называемый приказ «О поддержании дисциплины», о котором речь будет идти ниже.

6 июня 1941 года «приказ о комиссарах» был издан главной ставкой Гитлера с пометками: «Совершенно секретно. Для высшего командования. Только через офицера». Он был озаглавлен: «Директивы об обращении с политическими комиссарами».

Приказ гласил:

«В борьбе против большевизма *не следует* рассчитывать на то, что враг будет придерживаться принципов человечности или международного права. В частности, *от политических комиссаров всех званий*, как непосредственных организаторов сопротивления, нужно ожидать преисполненного ненависти, жестокого и бесчеловечного обращения с нашими пленными. Войска должны помнить следующее:

1. Щадить в этой борьбе подобные элементы и обращаться с ними в соответствии с нормами международного права неправильно. Эти элементы представляют угрозу для нашей собственной безопасности и для быстрого умиротворения завоеванных областей.

2. Изобретателями варварских азиатских методов борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них нужно со всей строгостью принимать меры *немедленно* и без всяких разговоров. Поэтому, если они будут захвачены в бою или окажут сопротивление, их, как правило, следует немедленно уничтожить.

В остальных случаях действуют следующие постановления:

1. РАЙОН ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. С политическими комиссарами, которые выступают против наших войск, следует обращаться в соответствии с распоряжением «Об особой подсудности в райо-

не «Барбаросса». Это относится к комиссарам всех званий и занимающим любую должность, даже если они только подозреваются в оказании сопротивления, саботаже или подстрекательстве к этому. Необходимо помнить «Директивы о поведении войск в России».

2. Политических комиссаров во вражеских войсках можно опознать по особым знакам отличия — красной звезде с вытканными золотом серпом и молотом на рукаве (подробнее см. «Вооруженные силы СССР», ОКН/Gen. St. d. H. O. Qu IV, отдел войск иностранных государств, Восток (II) № 100/41 секр. от 15/1 — 1941 г., приложение 9d).

Их нужно *немедленно*, прямо на поле боя, отделять от других военнопленных. Это необходимо, для того чтобы лишить их всякой возможности оказывать воздействие на пленных солдат; на них не распространяется защита, предоставляемая военнопленным международным правом. После отделения их следует уничтожить.

3. *Политические комиссары, которые невиновны во враждебном отношении или только подозреваются в таком, могут быть оставлены до особого распоряжения. Только при дальнейшем продвижении в глубь страны можно будет решить, могут ли оставшиеся работники быть оставлены на месте или их следует передавать зондеркомандам. Следует стремиться к тому, чтобы последние сами производили расследование. При решении вопроса о том, «виновен или невиновен», личное впечатление об образе мыслей и поведении того или иного комиссара, как правило, важнее, чем состав преступления, который, пожалуй, не может быть доказан.*

4. В первом и во втором случаях следует составить о происшедшем краткое донесение (докладную записку).

а) Из подчиненных дивизии подразделений донесения направляются в дивизию.

б) Из подразделений, непосредственно подчиненных командованию корпуса, армии, или группы войск, или группы танковых войск, донесения направляются командованию корпуса и т. д.

5. Все названные выше мероприятия не должны мешать проведению операций. Поэтому планомерные операции по розыску и прочесыванию не проводятся полевыми войсками.

II. В ТЫЛУ ВОЙСК

Комиссаров, которые будут задержаны ввиду их подозрительного поведения, следует передавать оперативным группам или эйнзатцкомандам полиции безопасности (СД).

III. ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Осуществление мероприятий, предусмотренных в разделе I и II, не может быть возложено на военные и военно-полевые суды командиров полков и выше».

8 июня 1941 года фон Браухич разослал дополнительную инструкцию с двумя новыми пунктами, которые должны были дополнить оригинал, а именно:

К разделу I, п. 1:

«Обращение с политическим комиссаром должно определяться тем, что данное лицо какими-либо особенно заметными действиями или поведением противится германской армии или намеревается это сделать».

К разделу I, п. 2:

«Ликвидация политических комиссаров войсками должна производиться по приказу *офицера* после их отделения от других пленных, *вне зоны боев* и способом, не привлекающим внимания».

А 24 мая 1941 года фон Браухич издал приказ «О поддержании дисциплины», явившийся дополнением к приказу Гитлера. В этом приказе говорилось:

«Об обращении с гражданскими лицами противника и о преступлениях военнослужащих вермахта в отношении этих гражданских лиц.

Настоящим доводится до сведения приказ фюрера. Он должен быть *в письменной форме* доведен до командиров, имеющих право налагать дисциплинарные взыскания, в остальных случаях его принципы должны быть сообщены *устно*.

Дополнения к разделу I:

Я ожидаю, что будут целесообразно осуществлены

все мероприятия по охране войск для обеспечения нашей безопасности и быстрого умиротворения завоеванных областей. Нужно учитывать смешанный национальный состав населения, его общие настроения и то, в какой мере оно преднамеренно восстановлено против нас.

Задачи войск состоят в продвижении вперед и в борьбе против армии противника. Их выполнение требует величайшей собранности и максимального использования всех сил. Этого не может ставить под сомнение никто. Поэтому специальные операции по розыску и прочесыванию боевые части, как правило, проводить не будут.

Директивы фюрера касаются *серьезных* случаев сопротивления, при которых необходимы самые жесткие меры.

Менее опасные наказуемые действия должны караться в зависимости от боевой обстановки, по непосредственному распоряжению офицера (по возможности — местного коменданта), путем принятия ограниченных мер (например, временная изоляция при скудном питании, связывание, привлечение к работам).

Предлагаю командующим группами армий, прежде чем вводить на усмирённых территориях военную подсудность, испрашивать мое согласие. Командующие армиями должны своевременно внести свои предложения по этому вопросу.

Об обращении с руководящими политическими работниками будет издано специальное распоряжение.

Дополнение к разделу II:

При любых обстоятельствах *задачей всех начальников* по-прежнему остается предотвращение самовольных действий отдельных военнослужащих и своевременное принятие мер против разложения войск. Отдельный солдат не должен думать, что он может поступать с местным населением так, как ему заблагорассудится, а обязан в любом случае *руководствоваться приказами своих офицеров.* Я придаю особенно большое значение тому, чтобы это поняли и в самых мелких подразделениях. *Своевременное вмешательство каждого офицера,* и особенно каждого командира роты и т. д., должно содействовать поддержанию дисциплины — основы наших успехов.

О серьезных инцидентах, которых касаются разде-

лы I и II, войсковые части должны докладывать как о чрезвычайных происшествиях главному командованию сухопутных сил.

Фон Браухич».

Имеется 340 экземпляров этого приказа, к которому, как в нем помечено, прилагалась копия приказа фюрера. Приказ, по-видимому, был доведен до многочисленных инстанций, в то время как с первоначальным приказом фюрера был ознакомлен лишь узкий круг высших офицеров.

Утверждают, что приказ «О поддержании дисциплины» был разработан Браухичем для того, чтобы таким образом саботировать приказ Гитлера. Однако из записи в дневнике Гальдера явствует, что Гитлер по этому поводу якобы сказал: «Это не должно означать, что мы теряем власть над армией».

Все, по-видимому, согласны (если в таком согласии вообще есть необходимость), что «приказ о комиссарах» носил преступный характер. Не нашлось никого, кто попытался бы оправдывать этот приказ или извинить его преступный характер. Вместо того чтобы открыто и мужественно оказать сопротивление преступному приказу, некоторые из подсудимых пытались тайком его саботировать или обойти. Несмотря на такое отрицательное отношение или оппозицию со стороны высших командных инстанций, в имеющихся у трибунала документах есть много сообщений, которые подтверждают, что части, находившиеся под командованием некоторых из подсудимых, фактически производили казни комиссаров, как это будет показано при рассмотрении дел отдельных подсудимых. Этого можно было бы избежать, если бы у некоторых из этих командиров хватило мужества добиться соответствующего решения. Этого, однако, не произошло. Приказ выполнялся по всей армии.

Утверждают, что по крайней мере в некоторых случаях приводятся раздутые, преувеличенные или даже вымышленные статистические данные о числе убитых политических работников. Однако очевидным, установленным и неопровержимым фактом остается то, что множество людей было истреблено таким образом в нарушение законов ведения войны и принципов гуманности.

Могут ли подсудимые уйти от уголовной ответственности только потому, что этот преступный приказ исходил от вышестоящей командной инстанции? Они знали, что он адресован частям, находившимся у них в подчинении. Донесения, поступавшие время от времени из этих подчиненных частей, ясно указывали им, что упомянутых в приказе политработников действительно расстреливали. Правда, подсудимые во многих случаях заявляли, что они ничего не знали об этих донесениях. Однако они должны были об этом знать. Ведь если они говорят, что не скрывали своего отрицательного отношения к «приказу о комиссарах», то из этого неизбежно вытекает, что их подчиненные показывали им донесения о проведении приказа в жизнь. Преступлением вообще была уже сама передача приказа нижестоящим инстанциям. Если подчиненные выполняли приказ, то их начальник не может оправдываться тем, будто характер этого приказа был так широко известен, что подчиненные должны были бы иметь мужество не повиноваться ему — мужество, которого не проявил он сам, ибо в противном случае он не стал бы передавать приказ дальше. Такой довод вызывает лишь чувство презрения и не может быть использован для защиты.

Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Так называемый приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» относится к совершенно иной области, нежели приказы о комиссарах и о командос, и подробное рассмотрение его представляет некоторые трудности. Этот приказ был издан 13 мая 1941 года Кейтелем под названием «Распоряжение фюрера о военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». Он гласил:

«Военная подсудность служит прежде всего поддержанию дисциплины.

Дальнейшее расширение районов операций на Востоке, диктуемая этим форма ведения борьбы и особенности противника ставят перед военными судами задачи, которые они, имея малочисленный состав, в период военных действий и до умиротворения завоеванных

территорий смогут разрешить только при том условии, если их компетенция будет ограничена главными задачами.

Это возможно только в том случае, если армия будет сама защищать себя от любой угрозы со стороны гражданского населения противника, действуя в отношении него беспощадно.

В связи с этим для района «Барбаросса» (район военных действий, тыловые районы армий и районы, в которых действует политическая администрация) постановляется следующее:

1. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ ПРОТИВНИКА

1. Дела о преступлениях, совершенных гражданскими лицами противника, впредь до дальнейших распоряжений изымаются из компетенции военных и военно-полевых судов.

2. Войска должны беспощадно уничтожать партизан как в бою, так и в случае бегства.

3. Все другие нападения со стороны гражданских лиц противника на германские вооруженные силы, их военнослужащих и обслуживающий персонал также должны подавляться войсками на месте при помощи самых жестких мер до полного уничтожения нападающих.

4. Там, где подобные меры не были предприняты или предпринять их вначале было невозможно, подозреваемые в совершении преступления элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны.

Против населенных пунктов, из которых было произведено вероломное или предательское нападение на части германской армии, по распоряжению офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, немедленно предпринимаются массовые карательные меры, если обстоятельства не позволяют быстро обнаружить отдельных злоумышленников.

5. Категорически запрещается содержать подозреваемых преступников под стражей с целью предания их суду после того как на гражданское население будет распространена военная подсудность.

6. Главнокомандующие группами армий могут по согласованию с компетентными начальниками военно-воздушных сил и военно-морского флота распространять *военную подсудность на гражданское население* районов, которые уже в достаточной мере умиротворены.

Для района, в котором действует политическая администрация, такие указания даются начальником главного штаба вооруженных сил.

II. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ И ОБСЛУЖИВАЮЩИМ ПЕРСОНАЛОМ В ОТНОШЕНИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

1. *Возбуждение преследования за действия, совершенные военными и обслуживающим персоналом в отношении гражданских лиц противника*, не является обязательным даже и в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или воинский проступок.

2. При оценке подобных действий необходимо в каждой стадии рассмотрения учитывать, что поражение Германии в 1918 году, последовавший за ним период страданий германского народа и борьба против национал-социализма, которая повлекла бесчисленные кровавые жертвы в рядах участников национал-социалистского движения, явились исключительно результатом большевистского влияния и что ни один немец не забыл этого.

3. Поэтому судебный начальник¹ должен разобраться, следует ли в таких случаях налагать *дисциплинарное взыскание* или необходимо возбудить *судебное преследование*; судебный начальник предписывает рассмотрение дел о преступлениях против местного населения *в военном суде лишь в тех случаях, когда этого требуют интересы поддержания дисциплины или обеспечения безопасности войск*. Это относится, в частности, к серьезным преступлениям, которые связаны с половой неводержанностью, порождаются преступными склонно-

¹ Командир соединения или части, который имел право возбуждать уголовные дела в отношении военнослужащих, обычно командир дивизии.— *Прим. ред.*

стями или служат признаком угрожающего разложения войск. Не менее строго должны караться преступления, повлекшие за собой бессмысленное уничтожение помещений и запасов, а также других трофеев во вред собственным войскам.

Предложение о привлечении к уголовной ответственности в каждом отдельном случае должно исходить за подписью судебного начальника.

4. При оценке достоверности показаний гражданских лиц противника следует проявлять *величайшую осторожность*.

III. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ КОМАНДИРОВ

Общевойсковые командиры в пределах своей компетенции несут личную ответственность за то:

1. Чтобы все офицеры подчиненных им частей были своевременно и тщательно проинструктированы относительно принципов, изложенных в разделе I.

2. Чтобы судебные советники своевременно были поставлены в известность как о настоящем распоряжении, так и об *устных указаниях, которыми главнокомандующим были разъяснены политические намерения руководства*.

3. Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства.

IV. СОХРАНЕНИЕ СЕКРЕТНОСТИ

Настоящее распоряжение помечается грифом «Совершенно секретно» и не подлежит рассекречиванию.

Распоряжение распадается на две части. В первой отменяется распространение военной подсудности на гражданское население и устанавливается, что решения офицера достаточно для того, чтобы произвольно применять уголовные наказания в отношении гражданских лиц в оккупированных областях. Во второй части устанавливается, что против военнослужащих и обслуживающего персонала вермахта, совершивших преступления в отношении гражданских лиц противника, не обяза-

тельно возбуждается уголовное преследование, кроме тех случаев, когда речь идет о совершенно определенных нарушениях дисциплины.

Что касается первого раздела, то с точки зрения международного права распространение военной подсудности на гражданских лиц не рассматривается как осуществление естественного права гражданского населения, и точно так же применение военной юрисдикции в отношении гражданских лиц не является естественным преимущественным правом военачальника. Его долг по отношению к гражданскому населению состоит в справедливом обращении. Право военачальника осуществлять военное правосудие и рамки этого права определяются вышестоящими инстанциями.

На данном процессе утверждалось, что в международном праве нет такой нормы, которая предписывала бы предание партизан суду, а поэтому-де распоряжение, в соответствии с которым достаточно произвольного решения офицера, чтобы решить судьбу партизана, якобы не является противоправным. Действительно, можно сомневаться в том, требует ли международное право в таком случае судебного разбирательства.

Однако мы должны помнить о том, что это распоряжение могло применяться не только к партизанам и что оккупационные власти обязаны обеспечить справедливое обращение с гражданскими лицами, проживающими в оккупированной зоне. Что бы ни говорилось об упрощенной судебной процедуре по отношению к партизанам, в любом случае незаконно предоставлять младшему офицеру право произвольно выносить решение относительно многих совершенно различных проступков. Кроме того, п. 4 раздела I даже и при благоприятном для подсудимых толковании в лучшем случае звучит двусмысленно, а по мнению трибунала, логически он связан с п. 2 и позволяет сделать вывод, что расстрелы могли иметь место даже и в случае простого подозрения в партизанских действиях, что также противозаконно.

Во втором абзаце п. 4 устанавливается, что достаточно приказа офицера, «занимающего должность не ниже командира батальона», чтобы осуществить массовые карательные меры, и этот абзац также следует считать незаконным, так как в нем не предусматривает-

ся никаких ограничений подобных массовых карательных мер.

Исходя из этих соображений, трибунал констатирует, что первую часть распоряжения следует считать противозаконной.

Что же касается второй части этого распоряжения, в которой рассматривается вопрос об обязанности возбуждать уголовное преследование в отношении солдат, совершивших преступления против местного населения, то такая обязанность с точки зрения международного права сомнительна. Военачальник обязан позаботиться о защите гражданского населения. Будет ли эта защита обеспечена путем судебного преследования солдат, совершивших преступления против гражданского населения, или при помощи дисциплинарных мер, или каким-нибудь иным путем, — это с точки зрения международного права значения не имеет. Здесь важно толкование данного распоряжения. Оно, конечно, открывает широкие возможности для грубейших нарушений дисциплины. Германская армия высоко ценила дисциплину своих войск. Эту дисциплину невозможно было поддерживать без наказаний. Произвольные действия солдата против гражданского лица были нарушением дисциплины. Фактически каждый проступок, направленный против гражданского населения, можно было рассматривать как нарушение дисциплины. Это признано отчасти даже и в положениях указанного распоряжения. Содержащееся в распоряжении признание этого факта было еще раз подтверждено так называемым дисциплинарным приказом Браухича. Этот приказ был издан 24 мая 1941 года, почти в то же самое время, когда появилось распоряжение «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»; этот приказ цитировался выше в связи с «приказом о комиссарах».

Совершенно очевидно, что этот приказ был доведен до большого числа инстанций, и он говорит в пользу военного руководства. Издавая этот приказ, оно в значительной степени ограничило действие раздела II распоряжения «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», отменявшего уголовное преследование. Однако тем не менее каждый проступок солдата против гражданского населения можно было истолковать как простое нарушение дисциплины.

Но практически изданный Браухичем приказ о дисциплине был лишен всякой действительности благодаря приказам, изданным позднее Кейтелем. О них речь будет идти ниже.

В первой части распоряжения «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» только указывается, что командующие лишаются судебных функций. В этой части не содержится никаких позитивных указаний предпринимать какие-либо действия. Это всего лишь приказ, на основании которого командующие утратили часть своей командной власти. Непонятно, как при таких обстоятельствах можно было использовать военные суды для разбирательства дел гражданских лиц; проведенное в этих судах судебное разбирательство было бы противозаконным и бессмысленным. Вторую часть распоряжения, как уже упоминалось, следовало понимать в том смысле, что произвольные действия против гражданских лиц являлись одновременно и дисциплинарными проступками. Осуществлялась ли эта часть распоряжения **противозаконными методами** — это в значительной степени зависело от войсковых командиров.

В этой связи следует рассмотреть еще одно положение этого распоряжения. В п. 6 раздела I устанавливается, что «главнокомандующие группами армий могут по согласованию с компетентными начальниками военно-воздушных сил и военно-морского флота распространять военную подсудность на гражданское население районов, которые уже в достаточной мере умиротворены». Хотя этот пункт и ограничивал введение военной подсудности тем, что данный район следовало прежде в достаточной мере умиротворить, он все же открывал перед главнокомандующими группами армий, не одобрявшими произвол, санкционированный распоряжением, возможность сорвать применение этого распоряжения в своих районах. Документы показывают, что ни один из главнокомандующих не предпринял никаких шагов, чтобы воспользоваться этой возможностью.

По мнению трибунала, командующие полевыми войсками не должны нести наказание за то, что они не разобрались в тонкостях международного права, или за то, что они не применяли, игнорируя запрет, военную подсудность в своих районах. Трибунал считает, однако, что они несут уголовную ответственность в тех слу-

чаях, когда они передавали дальше распоряжение, которое могло быть применено в нарушение закона и на основании его формулировки наверняка было бы применено именно таким образом, и не принимали необходимых мер, чтобы его применяли в соответствии с законами. В результате этого упущения они несут уголовную ответственность за случаи злоупотребления распоряжением со стороны подчиненных им частей, которым они передали это распоряжение. Что касается применения этого распоряжения против партизан, то трибунал считает, что на основании распоряжения «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» командиры не имели возможности создавать военные суды для осуждения партизан, однако они несут ответственность за происходившие в районах, на которые распространялась их командная власть, казни без суда тех лиц, которые были только заподозрены или по роду своих действий вообще не могли причисляться к партизанам. Трибунал имеет в виду, например, казнь девятнадцатилетней девушки, написавшей сатирические стихи, в которых высмеивались немецкие захватчики, вторгшиеся в ее страну.

«Приказ о командос»

После нападения на Дьепп Гитлер издал 18 октября 1942 года приказ, проект которого и дополнения разрабатывали главным образом Варлимонт и Леман. Приказ гласил:

«Совершенно секретно:

1. В течение некоторого времени наши противники применяют способы ведения войны, противоречащие международным Женевским конвенциям. Особенно жестоким и вероломным является поведение так называемых командос, которые, как установлено, частично вербуются даже из числа освобожденных уголовных преступников в странах противника.

Из захваченных приказов видно, что им поручается не только захватывать военнопленных, но и убивать беззащитных военнопленных на месте, когда они считают, что эти военнопленные представляют для них бремя при исполнении последующих заданий или же могут иным образом мешать им.

Наконец, были обнаружены приказы, в которых в принципе предписывалось убивать военнопленных.

2. С этой целью уже было объявлено в приложении к коммюнике германских вооруженных сил от 7 октября 1942 года, что в будущем Германия, учитывая действия этих диверсионных частей Англии и ее соучастников, будет применять те же методы. Это означает, что, где бы они ни появились, они будут безжалостно истребляться германскими войсками в бою.

3. Поэтому приказываю, чтобы начиная с настоящего времени все неприятельские агенты, выполняющие так называемые миссии командос в Европе или Африке и обнаруживаемые германскими войсками, истреблялись до последнего человека, даже если они с внешней стороны выглядят как солдаты и одеты в форму или состоят в подрывных частях, независимо от того, вооружены они или нет, сражаются они или спасаются бегством. Нет никакой разницы, высаживаются они с морских судов или с самолетов для выполнения своей миссии или сбрасываются на парашютах. Даже если эти личности, когда они обнаружены, по всей видимости, намереваются сдаться в плен, то, как правило, им не следует давать пощады. О каждом отдельном случае следует посылать подробный отчет в ОКВ для опубликования этого отчета в коммюнике вооруженных сил.

4. Если отдельные члены таких команд — агенты, диверсанты и прочие — попадают в руки военных властей иными путями, например через полицию на оккупированных территориях, их следует немедленно передавать службе безопасности — СД. Строго запрещается содержать их под военной охраной, например в лагерях для военнопленных, даже если это предполагается только на короткое время.

5. Этот приказ не относится ко всем тем солдатам противника, которые во время обычных военных действий, как-то: крупные наступательные операции, высадка морского десанта, высадка воздушного десанта — захватываются в открытом бою или же сдаются в плен.

Этот приказ также не относится к тем солдатам противника, которые попадают к нам в плен после сражений на море, или же к тем солдатам противника, ко-

торые пытаются спасти свою жизнь тем, что выбрасываются на парашютах после воздушного боя.

6. Я буду привлекать к ответственности по законам военного времени всех командующих и офицеров, которые будут халатно относиться к своей задаче по инструкторированию войск относительного этого приказа или будут действовать вопреки этому приказу в случаях, когда он должен применяться».

Преступный характер этого приказа был совершенно очевиден. В нем попросту предписывалось убивать членов этих «диверсионных» частей.

Вопрос о том, какое участие принимали отдельные подсудимые в разработке и осуществлении этого приказа, будет рассмотрен при изложении обвинения против каждого из них в отдельности.

Приказ «Мрак и туман»

Это был еще один преступный приказ, зародившийся в мозгу Гитлера. Кейтель подписал его 7 декабря 1941 года после совещаний с Леманом и Варлимонт. Приказ гласит:

«После начала русской кампании коммунистические элементы и другие враждебные Германии круги на оккупированных территориях усилили свои выступления против империи и оккупационных властей. Масштаб и опасность этих подрывных действий вынуждают принимать против виновных лиц в качестве устрашения строжайшие меры. В ближайшее время надлежит руководствоваться следующими директивами:

I. На оккупированных территориях за совершенные гражданскими лицами немемецкой национальности преступления, направленные против империи или оккупационных властей и подрывающие их безопасность или боеспособность, смертная казнь принципиально целесообразна.

II. За преступления, предусмотренные в разделе I, следует, как правило, судить на оккупированных территориях только в том случае, если есть уверенность, что преступникам, по крайней мере главным, будут вынесены смертные приговоры и если судебный процесс

и исполнение смертных приговоров могут быть осуществлены в кратчайший срок. В противном случае преступников, по крайней мере главных, следует отправлять в Германию.

III. Преступники, доставленные в Германию, предаются там военному суду только в том случае, если этого требуют особые военные интересы. Немецким и иностранным официальным органам на запросы о таких лицах следует отвечать, что они арестованы и состояние расследования не позволяет сообщать какие-либо дополнительные сведения.

IV. Командующие на оккупированных территориях и судебные начальники в рамках своей компетенции несут личную ответственность за осуществление этого приказа.

V. Начальник главного штаба вооруженных сил определяет, на каких оккупированных территориях должен применяться этот приказ. Он уполномочен давать разъяснения, предписания по проведению этого приказа и дополнять его. Имперский министр юстиции издает распоряжения о проведении в жизнь этого приказа в сфере своей компетенции».

Выше уже цитировались места из приговора Международного военного трибунала, касающиеся этого приказа; нет необходимости их повторять. Осуществление этого жестокого, бесчеловечного приказа стоило жизни многим ни в чем не повинным людям и принесло неслыханные страдания и бедствия их близким.

Трибунал рассмотрит вопрос об участии подсудимых в издании и осуществлении этого приказа при изложении обвинения против каждого из них в отдельности.

Кроме приказов, которые упомянуты особо, на данном процессе должны быть рассмотрены и другие преступные приказы; их трибунал коснется при изложении обвинения против тех подсудимых, которые участвовали в издании и осуществлении этих приказов.

ВЗЯТИЕ ЗАЛОЖНИКОВ И КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ

На процессе № 7 по делу о казнях заложников суд имел возможность подробно изучить правовые принципы, относящиеся к вопросу о заложниках и о карательных мерах. По мнению трибунала, вынесшего приговор на процессе № 7, заложников можно брать при известных, очень ограниченных условиях и при определенных, далеко идущих гарантиях, принимая меры против злоупотреблений; если суд установил, что все предварительные условия точно выполнены, то допускается даже осуждение заложников к смертной казни как последняя, крайняя мера. Кроме того, трибунал сделал вывод, что эти же самые решительные ограничения и меры, а также возможность судебного разбирательства необходимы также и при решении вопроса о так называемых «арестованных в порядке репрессий». И если меру, бесчеловечную даже и в том случае, когда соблюдены все необходимые гарантии и ограничения, а именно умерщвление невинных людей в отместку за преступление, совершенное другими, считают вообще допустимой в соответствии с каким-нибудь принципом международного права, то умерщвление без точного соблюдения всех необходимых условий, во всяком случае, означает убийство. И если умерщвление недопустимо ни при каких обстоятельствах, то оно является убийством даже и в том случае, когда полностью соблюдены все предварительные условия.

В данном случае трибунал считает, что нет необходимости высказывать свое мнение по поводу юридических выводов, сделанных в приговоре, вынесенном на процессе № 7. Когда производились так называемые аресты заложников и убийства их, а также при так называемых казнях в порядке репрессий, которые разбираются на данном процессе, не делалось даже попыток

выполнить гарантии или соблюсти предварительные условия, упоминаемые в приговоре по делу о казнях заложников; о их необходимости даже ни разу не упоминалось. Убийство без соблюдения всех этих предварительных условий — это не что иное, как убийство в порядке террора. И если справедливо, что убийство заложников и убийства в порядке репрессий вообще недопустимы, то убийства заложников и убийства в порядке репрессий, с которыми суд имеет дело в данном случае, также являются не чем иным, как террористическими убийствами.

Ответственность подсудимых за такие действия будет рассмотрена при разборе их индивидуальных дел.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Казни партизан в качестве франтиреров связаны с выполнением приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», так как эти мероприятия являются частью проблемы обращения представителей армии с гражданским населением во время продвижения войск и оккупации.

Материалы данного процесса содержат много доказательств, относящихся к так называемой партизанской войне, и среди документов имеется много бумаг, в которых рассматривается этот вопрос. Трибунал считает целесообразным рассмотреть правовые принципы, применимые в данном случае, прежде чем перейти к разбору дел отдельных подсудимых.

Статьи I и II Приложения к Гаагской конвенции 1907 года гласят:

Статья I

Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
- 3) открыто носят оружие;
- 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в ее состав, понимаются под наименованием армии.

Статья II

Население незанятой территории, которое при приближении неприятеля добровольно возьмется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками и которое не имело времени устроиться согласно статье I, **будет** признаваться в качестве воюющего, если будет **открыто** носить оружие и **будет** соблюдать законы и обычаи войны¹.

Тот, кто не выполняет этих требований, не может претендовать на то, чтобы после захвата в плен с ним обращались, как с военнопленным.

Результаты изучения доказательств вызывают у трибунала серьезные подозрения, что немцы использовали борьбу против партизан в качестве предлога для истребления тысяч ни в чем не повинных людей. Гитлер сделал одно замечание, которое, по-видимому, было воспринято вермахтом как директива. Он заявил:

«Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас».

Все без исключения подсудимые утверждали, что они якобы казнили в качестве партизан только таких лиц, которые выступали как франтиреры или бандиты или же действовали не в соответствии с условиями, установленными для законных участников войны (комбатантов) правилами ее ведения. Они утверждают, что обвинение не представило ни одного доказательства виновности подсудимых в казнях каких-либо лиц как партизан, выполнявших условия, установленные для законных участников войны, то есть в казнях людей, которые действительно не были франтирерами. Однако у суда нет необходимости проверять доказательства с этой точки зрения, ибо они совершенно неопровержимо подтвердили, что политика вермахта состояла в том, чтобы объявлять вне закона, расстреливать и вешать людей, которые как по определениям, данным в приказах или директивах вермахта, так и по их толкованию

¹ «Международное право в избранных документах», т III, М, 1957, стр. 42—43.— *Прим. ред.*

относились к партизанам, а не к франтирерам. Они относились к многочисленным другим группам населения, для включения которых в число партизан невозможно найти другого основания, кроме заявления Гитлера о том, что цель немцев заключалась «в истреблении всех, кто выступает против нас». На совещании, созванном в Варшаве генералом для особых поручений Мюллером накануне похода против русских, имевшем целью инструктировать военных юристов и офицеров контрразведки армий по вопросу о значении и сфере применения приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», были даны следующие разъяснения и указания:

«Один из противников должен быть уничтожен. Носителей враждебной идеологии не сохранять, а ликвидировать. Под понятие «партизан» подпадает каждый, кто, будучи гражданским лицом, затрудняет сам или подстрекает других затруднять действия германских вооруженных сил (например, подстрекатели, распространители листовок, лица, не выполняющие распоряжений немецких властей, поджигатели, лица, уничтожающие дорожные знаки, запасы и пр.).

Право населения добровольно братья за оружие не признается. Такого права не имеют и военно-спортивные объединения (Комсомол, Осоавиахим)».

Это явно растяжимая классификация, применение которой можно расширять по своему усмотрению. *«Каждый, кто, будучи гражданским лицом, затрудняет сам или подстрекает других затруднять действия германских вооруженных сил»* — такой критерий при определении понятия «партизан» открывает широкие возможности для произвольных и кровавых мер. Лица, принадлежавшие к различным группам населения, предавались казни по законам военного времени как партизаны и фигурировали, как таковые, в сводках. Ни в законах и обычаях ведения войны, ни в международном праве не имеется правовых принципов, которые позволяли бы обращаться с такими лицами, как с франтирерами, партизанами или бандитами. Солдат Красной Армии, одетых в форму, иногда расстреливали как так называемых партизан. Для подобных действий в международном праве нет никаких правовых оснований.

Наиболее преступным в этом предписании было выделение лиц, «подозреваемых» в принадлежности к партизанам. Казни таких «подозреваемых» были обычным явлением, и сообщения о них передавались вместе с сообщениями о казнях так называемых партизан.

Подозрение отражает умонастроения обвинителя, но не умонастроения или действия обвиняемого. Это чудовищное предположение, допускающее возможность чистейшего произвола, когда умонастроение обвинителя при отсутствии доказательств виновности может стать определяющим фактором при решении вопроса, будет ли обвиняемый расстрелян на месте или нет. Указывалось, что обвиняемые подвергались допросу при задержании и что некоторые из них не были казнены: их освобождали или отправляли в лагеря для военнопленных. Однако это не может служить оправданием, потому что это не обязательно означает, что вина казненных «подозреваемых» была доказана хотя бы на основании допроса, произведенного офицером без соблюдения всяких формальностей. Это означает лишь, что допрашивающий не рассеял своих подозрений. Таким образом, в соответствии с приказом эти лица были расстреляны, как «все еще подозрительные». Это нарушает даже и минимальные требования о правовой защите, прежде чем будет решен вопрос о казни.

Естественно, что имена жертв, расстрелянных в качестве «подозреваемых» в принадлежности к партизанам, включались в многочисленные сообщения о казнях. Это соответствовало приказу о казнях на основании одного лишь подозрения. Если, как утверждали подсудимые, «заподозренных» не казнили, пока не была установлена их вина в соответствии с правом и законом, то не было причин для того, чтобы делать различия в списках. Доказательства, представленные суду, свидетельствуют о том, что в районах, на которые распространялась командная власть некоторых подсудимых, были казнены многие люди, которых даже и при самой пылкой фантазии невозможно причислить к партизанам. Многих постигла такая же судьба лишь на основании простого подозрения, без всяких доказательств, без юридического установления виновности «заподозренного». Приказы о том, чтобы такие лица осуждались на смерть на основании одних подозрений,

без убедительных доказательств их вины, были явно преступными приказами. Казни, произведенные во исполнение этих приказов, были преступлением. Те, кто издавал такие приказы или передавал их нижестоящим инстанциям, должны нести уголовную ответственность как за передачу, так и за выполнение этих приказов подчиненными им частями.

Трибунал имеет серьезные основания полагать, что казни лиц, названных в документах партизанами, во многих случаях не были репрессиями, допускаемыми законами ведения войны, и что название «партизан» служило лишь прикрытием для истребления ни в чем не повинных людей.

Несмотря на это, трибунал истолковывает каждый сомнительный случай в пользу подсудимых и решает вопрос об их наказуемости только на основании тех случаев, в которых ни с точки зрения факта, ни с точки зрения права нет ни малейших сомнений в их виновности.

Трибунал будет судить о виновности или невиновности каждого подсудимого в преступлениях, которые им инкриминируются, на основании представленных доказательств.

ГААГСКАЯ И ЖЕНЕВСКАЯ КОНВЕНЦИИ

Другой вопрос, который вызывает на данном процессе общий интерес, касается возможности применения Гаагской и Женевской конвенций к войне между Германией и Россией. Решая вопрос о применимости Гаагской конвенции, нужно прежде всего учитывать, что Россия ратифицировала это соглашение, а Италия и Болгария не присоединились к нему. В какой мере Гаагская конвенция была обязательна для Германии — эту проблему рассмотрел Международный военный трибунал в ходе процесса над главными немецкими военными преступниками.

В приговоре Международного военного трибунала говорится:

«Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия конвенции в статье I Гаагской конвенции 1907 года. Этот пункт предусматривал:

«Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье I, так же как и правила настоящей конвенции, распространяются только на подписавшие стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой конвенции.

По мнению трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в

1939 году эти правила, изложенные в конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава»¹.

Как вытекает из приведенной цитаты, Международный военный трибунал придерживался той точки зрения, что Гагская конвенция была выражением существовавшего тогда международного права и потому являлась обязательной и для Германии.

В этой связи следует также указать, что в данном случае защита, особенно там, где дело касалось борьбы с партизанами, в основном опиралась на тот факт, что расстрелы и казни через повешение в отношении партизан были допустимы, поскольку с точки зрения Гагской конвенции партизаны не должны были рассматриваться как законные участники войны. Однако защита не может утверждать, что Германия имела право по своему усмотрению выбирать из конвенций те положения, которые ей были выгодны, и только эти положения признавать обязательными для себя. Точно так же как Международный военный трибунал, данный суд не считает необходимым решать на данном процессе вопрос, была ли Гагская конвенция, как межгосударственное соглашение, обязательна для Германии. Данный трибунал присоединяется к принципу, провозглашенному Международным военным трибуналом, согласно которому положения этой конвенции были обязательны, поскольку они выражали уже существующие нормы международного права.

Нельзя забывать о том, что Россия не подписала Женевскую конвенцию. Представленный на данном процессе в качестве доказательства приказ командира одной немецкой дивизии показал, что Россия выражала намерение признать эту конвенцию как обязательную, однако среди имеющихся у суда материалов нет ни одного документа какой-нибудь правительственной инстанции, который позволил бы сделать такой вывод².

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 403—404.

² 11 июня 1918 года СНК РСФСР принял декрет «О признании всех международных конвенций о Красном Кресте», обязавшись соблюдать эти международные соглашения.

1 июля 1941 года СНК СССР принял постановление об обра-

В цитированном выше приговоре Международного военного трибунала, вынесенном на процессе по делу главных немецких военных преступников, содержатся следующие положения:

«Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской конвенции, совершенно неоснователен. 15 сентября 1941 года адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 года. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни местью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему распоряжения об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Статья 6 (b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях... убийство заложников... бесцельное разрушение городов, селений и деревень будут рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит:

щении с военнопленными, обеспечивавшее самое гуманное обращение с немецкими военными служащими, взятыми в плен советскими войсками — *Прим. ред.*

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы»¹.

Из этой цитаты вытекает, что Международный военный трибунал согласился с мнением адмирала Канариса относительно существующего правового положения, соответствующего международному праву, а именно с тем, что Женевская конвенция не была обязывающим соглашением между Германией и Россией, однако общие принципы международного права, которые нашли выражение в этой конвенции, имели силу в германо-русских отношениях. Другими словами: в указанном выше случае Международный военный трибунал явно развил в отношении Женевской конвенции те же самые идеи, что и в отношении Гаагской конвенции, а именно что она носила обязательный характер, потому что по своему содержанию была выражением принципов международного права, признанных всеми цивилизованными нациями мира. Настоящий трибунал разделяет эту точку зрения.

Одно из обвинений, выдвигаемых против войсковых командиров на данном процессе, заключается в том, что они отправляли на территорию рейха военнопленных для использования их в военной промышленности. Выражение «для использования в военной промышленности» встречается в многочисленных документах. Имеется, правда, некоторое сомнение в том, что означает это выражение, однако, по-видимому, речь идет об изготовлении оружия и боеприпасов. Тем не менее командиры войск, отправлявшие военнопленных в Германию, не совершали противозаконных действий; после отправки военнопленные уже не подлежали их контролю. Донесения и приказы, в которых говорилось, что желательно использовать пленных в военной промышленности или что они отправляются для использования в военной промышленности, еще не означают, что вопрос об их использовании был решен окончательно. Использование военнопленных, после того как они были отправлены,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, стр. 378—379.

уже не поддавалось никакому контролю со стороны войсковых командиров. Фактически русские военнопленные использовались на разных работах, не связанных с военной промышленностью. Нельзя сказать, что донесения такого рода только доказывают не в пользу подсудимых, что военнопленные использовались на запрещенных работах. Во всяком случае, для того чтобы инкриминировать подсудимому отправку пленных на работу в военной промышленности, судебное следствие должно установить, что военнопленные, отправленные из района, на который распространялась его командная власть, действительно были использованы в этих целях.

Поэтому трибунал считает, что доказательств, предъявленных на данном процессе, недостаточно, для того чтобы привлечь подсудимых командиров войск к ответственности за использование труда военнопленных в военной промышленности¹. Говоря о том, что Гагская и Женевская конвенции являются выражением признанных законов и обычаев ведения войны, нельзя забывать, что это вряд ли относится к определенным отдельным положениям о снабжении военнопленных и об обращении с ними. Такие детали, по мнению суда, могут быть установлены только путем межгосударственных соглашений.

Но, так как нарушение этих предписаний не является предметом рассмотрения на настоящем процессе, трибунал ограничивается только констатацией того факта, что данный приговор отнюдь не основывается на нарушениях этих предписаний в той части, которая касается русских военнопленных.

С точки зрения материального права большинство запретов, налагаемых как Гагской, так и Женевской конвенциями, представляют собой ясное выражение общепризнанных взглядов цивилизованных наций; в войне с Россией они были обязательными как для Германии, так и для обвиняемых по данному делу. Они касаются следующих вопросов: 1) обращение с военнопленными;

¹ Такая точка зрения американского трибунала явно оправдывает германских промышленников вооружений и фашистских генералов. Ответственные командиры войск, конечно, знали, что военнопленные, и в первую очередь советские, были обречены на принудительный труд в нечеловеческих условиях на предприятиях германских военных концернов.

2) обращение с гражданским населением на оккупированных территориях; разграбление и разрушение собственности на этих территориях; 3) обращение с солдатами Красной Армии, которые в соответствии с положениями Гаагской конвенции являлись законными участниками войны.

Здесь мы приведем следующие положения Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года:

Статья IV гласит:

«Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен.

С ними надлежит обращаться человеколюбиво».

Статья VI, в частности, предписывает:

«...Работы эти не должны быть слишком обременительными».

Статья VIII, в частности, предписывает:

«Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем покинут территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежат дисциплинарным взысканиям.

Военнопленные, удачно совершившие побег, вновь взятые в плен, не подлежат никакому наказанию за свой прежний побег».

Из Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 года:

Статья 2, в частности, гласит:

«...с военнопленными следует всегда обращаться гуманно и особенно ограждать их от насилий, оскорблений и любопытства толпы...»

Статья 3 гласит:

«Военнопленные имеют право на уважение их личности и чести. К женщинам следует относиться со всем уважением, подобающим их полу».

Статья 4 гласит:

«Государство, взявшее военнопленных, обязано заботиться об их содержании.

Различия в содержании военнопленных допускаются только в тех случаях, если они основаны на различии их

воинских званий, состояния физического и психического здоровья, профессиональных способностей, а также на различии пола».

В статье 7, в частности, говорится:

«Военнопленные должны быть в возможно короткий срок после пленения доставлены на сборные пункты, расположенные достаточно далеко от зоны военных действий, чтобы они находились в безопасности...»

Статья 9 гласит:

«...Военнопленные, взятые в плен в районах с нездоровым климатом или в местностях, климат которых вреден для лиц, происходящих из умеренного пояса, должны быть как можно скорее эвакуированы в местности с более благоприятным климатом...»

«...Ни один военнопленный ни в какое время не может быть послан в такое место, где он подвергался бы действию огня с поля боя, а также не может быть использован для защиты своим присутствием каких-либо пунктов или районов от неприятельского обстрела».

Статья 10, в частности, гласит:

«Военнопленные должны размещаться в строениях или бараках, обеспечивающих всевозможные гарантии в отношении гигиены и здоровья...»

В статье 11, в частности, указывается:

«Рационы питания военнопленных должны быть по количеству и качеству равны рационам питания запасных частей войск...»

«...Военнопленным должно доставляться достаточное количество питьевой воды...»

В статье 12 говорится:

«Одежду, белье и обувь военнопленным предоставляет пленившее государство...»

В статье 13, в частности, говорится:

«Воюющие стороны обязаны принимать все необходимые гигиенические меры, чтобы обеспечить чистоту и здоровье в лагерях и предупредить возникновение эпидемий...»

Статья 25 гласит:

«Если только ход военных операций этого не требует, большие и раненые военнопленные не перемещаются, поскольку переезд может повредить их выздоровлению».

Статья 29 гласит:

«Ни один военнопленный не может быть использован на работах, к которым он физически непригоден».

В статье 32, в частности, предписывается:

«Запрещается использовать военнопленных на работах, угрожающих их здоровью, или опасных...»

Статья 46, в частности, гласит:

«...запрещаются все виды телесных наказаний, заключение в помещения, лишённые дневного света, и вообще жестокость в какой бы то ни было форме».

Статья 50, в частности, устанавливает:

«Бежавшие военнопленные, вновь взятые в плен до того, как им удалось добраться до своей армии, или до того, как они покинули территорию, занятую войсками, взявшими их в плен, подлежат только дисциплинарным взысканиям.

Военнопленные, вновь взятые в плен после того, как они добрались до своей армии или покинули территорию, занятую войсками, взявшими их в плен, не подлежат наказанию за прежний побег».

Статья 56, в частности, предписывает:

«Ни в коем случае не разрешается помещать военнопленных для отбывания дисциплинарных взысканий в места заключения (тюрем, исправительные заведения и т. д.)...»

Эти положения отчетливо выражают известные общепризнанные принципы международного права. Для данного процесса имеют значение статьи о надлежащем обращении с военнопленными и о запрещении использовать их в опасных зонах. В этой связи следует указать на то, что трибунал рассматривает использование военнопленных боевыми частями в зоне боев для строительства полевых укреплений и т. п. в условиях современной войны как опасную меру. Точно так же согласно этим положениям ясно, что казни военнопленных за попытки к побегу были противозаконными и преступными действиями.

Далее трибунал полагает, что преступлением является любой приказ, на основании которого военнопленных передавали СД — гражданской инстанции, откуда, как это доказано, никто уже больше не получал никаких

сведений о их судьбе; тем более что сопутствующие этому обстоятельства и опубликованные ныне приказы позволяют предполагать или полностью подтверждают, что в конечном счете эти военнопленные были уничтожены этой организацией убийц.

Материалы, представленные в качестве доказательств по данному делу, показывают, что сотни тысяч русских военнопленных умерли от голода, замерзли или погибли из-за недостатка врачебной помощи и в результате жестокого обращения. Верно, что в дальнейшем ходе войны Германия поняла, что тем самым она лишила себя колоссального количества рабочей силы, которая позже стала для германского рейха главной проблемой. После этого обращение с военнопленными в известном смысле было поставлено на более разумную экономическую основу. Было решено, что лучше заставлять их работать до смерти, чем позволять умирать просто так. Гибель большинства русских военнопленных не была следствием их состояния в момент взятия в плен. Утверждение, что зима 1941/42 года была в этих районах самой холодной за много лет, вряд ли может быть оправданием для тех, кто повинен в гибели военнопленных от холода. В районах Европы, где содержались военнопленные, холодные зимы наверняка не являются чем-то необычным. Более того, в этих районах зимы бывают холодными как правило, а не как исключение. Нельзя также утверждать, будто у германской армии не было продовольствия для этих людей. Продвигаясь по России, немцы забирали запасы продовольствия у населения, и нет никаких доказательств того, что немецкие солдаты тогда умирали от голода. Имеются документы, подтверждающие, что в германской армии время от времени вспыхивали эпидемии тифа, однако их никак нельзя сравнивать с различными эпидемиями, свирепствовавшими в лагерях для русских военнопленных. Несомненно также, что в отдельных случаях солдаты германской армии умирали из-за недостатка лекарств и медицинского обслуживания, однако материалы, представленные в качестве доказательств по данному делу, показывают, что от недостатка ухода погибли тысячи русских военнопленных, в то время как германская армия, взявшая их в плен, не терпела в этом никаких особенных лишений.

Что касается обращения, достойного человека, то представленные трибуналу документы показывают, что немецкие солдаты не только не получили общих указаний о достойном обращении с русскими военнопленными, но по приказам свыше они вынуждены были применять совершенно противоположные методы. Обращение, которому подвергались русские военнопленные со стороны военнослужащих германского вермахта, было, как это неопровержимо констатирует данный трибунал, международным преступлением.

Касаясь вопроса о принудительном труде гражданского населения, а также грабежей и опустошений на оккупированных территориях, приведем следующие положения Гаагской конвенции, которые имеют отношение к настоящему делу.

Статья 43:

«После того как власть фактически перешла из рук законного правительства к занявшему территорию неприятелю, последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы, если к тому не встретится неодолимого препятствия».

Статья 46:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Статья 47:

«Грабеж безусловно запрещается».

Статья 49:

«Взимание неприятелем в занятой им области других денежных сборов сверх упомянутых в предыдущей статье допускается только на нужды армии или управления этой областью».

Статья 50:

«Никакое общее взыскание — денежное или иное — не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения».

Статья 52:

«От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить население принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Статья 53:

«Армия, занимающая область, может завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей движимой собственностью государства, могущей служить для военных действий».

Совершенно ясно, что использование принудительного труда гражданского населения в связи с военными действиями против его родины, как показывают эти положения, было противозаконным. Согласно тем же самым положениям насильственный угон населения оккупированных территорий на работу в Германию был противозаконным мероприятием.

Верно, что основной план принудительной отправки рабочих для рабского труда на территорию рейха был разработан не вермахтом. Однако вермахт явно стремился использовать эту массу рабочих для своих целей.

Методы и размеры программы принудительного набора рабочих для рабского труда подтверждает документ № 490, представленный обвинением. Этот документ касается вербовки людей, родившихся в 1926 и 1927 годах, для работы на территории рейха; он распространялся как на мужчин, так и на женщин. Другими словами, рейх привлекал к рабскому труду в чужой стране юношей и девушек, в ряде случаев не достигших 17 лет. Разработанный Заукелем¹ план

¹ С 1942 года до краха гитлеровской Германии — «генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы». Заукель — исполнитель планов германского фашизма по применению рабского труда.— *Прим. ред.*

мобилизации иностранных рабочих основан на принудительном наборе части населения оккупированных областей. Фактом является то, что экономика рейха в значительной мере зависела от этого источника рабочей силы. Без сотрудничества военных властей на оккупированных территориях было бы невозможно успешно осуществить это гигантское мероприятие. В ходе осуществления программы принудительного набора рабочей силы сотни тысяч беззащитных жителей оккупированных областей были отправлены в Германию.

Те же самые принципы международного права в значительной степени относятся и к вопросу о расхищении собственности и разграблениях. Основное различие состоит в том, что в одном случае Германия использовала в принудительном порядке в интересах собственной экономики и ведения войны людей, а в другом — собственность.

Обвинение не утверждает, что отдельные военнослужащие германского вермахта совершали такие действия в масштабах, превышающих масштабы, неизбежно известные любой армии. Как уже упоминалось, германская армия в общем и целом была дисциплинированной армией. Хищения и грабежи, как показывают документы, не были делом рук отдельных лиц; это были мероприятия германского правительства и германского вермахта, имевшие целью удовлетворение их потребностей. Эти мероприятия проводились в более широких масштабах, чем это могли бы сделать отдельные лица, а строгость, с которой налагались запреты на действия отдельных военнослужащих, как показало судебное следствие, объяснялась в некоторых случаях, по-видимому, тем соображением, что индивидуальный грабитель наносил ущерб не подлинной жертве — собственнику, а империи и вермахту.

Здесь настойчиво выдвигался тезис о военной необходимости. Эта проблема рассматривается в различных трудах по вопросам международного права.

Многие германские авторы полагают — и эта мысль в известной мере выдвигалась и на данном процессе, — что военная необходимость включает право делать все, что помогает одержать победу. По этому поводу трибунал отмечает, что такая точка зрения покончила бы со всякой гуманностью, порядочностью и правосудием

во время войны. Трибунал отклоняет эту точку зрения, так как она противоречит обычаям, признанным всеми культурными народами. Точно так же военная необходимость не оправдывает принудительную вербовку рабочей силы на оккупированных территориях для использования ее во время военных операций или для отправки в Германию. Она не может служить оправданием также и для реквизиции собственности и ценностей сверх того, что необходимо для непосредственных нужд оккупационных властей. Мародерство и грабеж не становятся менее преступными действиями от того, что их совершают не отдельные лица, а войска или государство.

Ни в коей мере не могут быть оправданы военной необходимостью разрушения, запрещенные Гаагскими конвенциями и общими обычаями войны. Это принципиальное положение достаточно ясно. Однако затруднения создает вопрос о том, что такое, в сущности, военная необходимость. При отступлении подсудимые во многих случаях оказывались в затруднительном положении, а их войскам грозила опасность быть отрезанными. При таких обстоятельствах командир неизбежно должен быстро принимать решения. В таких условиях приходится признать за ним право на широкие полномочия. Вопрос о том, какие разрушения в таком положении выходили за рамки военной необходимости, можно разрешить только путем подробного исследования доказательств оперативного и тактического характера. Трибунал считает, что материалы, представленные на настоящем процессе в качестве доказательств, недостаточны для того, чтобы подтвердить вину кого-нибудь из подсудимых по этому пункту обвинения.

Что касается вопроса об обращении с солдатами Красной Армии, то его решают следующие предписания Гаагской конвенции:

«Статья I

Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также и к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;

- 2) имеют определенный и явственно видимый изда-
ли отличительный знак;
- 3) открыто носят оружие и
- 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи
войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех стра-
нах, где они включаются в понятие «армия», состав-
ляют армию или входят в ее состав, понимаются под
наименованием армии».

Эта статья определяет понятие «участник войны». С точки зрения права приказы, которые сводятся к то-
му, что с солдатами Красной Армии, не сдавшимися
немцам, следует обращаться в наказание как с парти-
занами, а также все подобные распоряжения и после-
довавшие за ними казни таких солдат Красной Армии
являются нарушением прав законных участников войны
и противоречат нормам международного права.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ В ОКУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ

Подсудимые по данному делу войсковые командиры выдвигали в свою защиту, в частности, то обстоятельство, что преступления, которые, возможно, были совершены в районах, где они командовали, были делом государственных органов, за деятельность которых эти командиры не отвечают. Они не командовали этими органами и не контролировали их мероприятия. Защита допускает, что многие подсудимые обладали командной властью, однако утверждает, что командная власть военачальников не распространялась на деятельность определенных хозяйственных инстанций и полицейских органов, действовавших в их районе. Деятельность этих служебных инстанций, утверждает защита, развевалась вне сферы командной власти войсковых командиров.

Следует признать, что ответственность командующего на оккупированной территории имеет свои границы. Она определяется обычаями ведения войны, межгосударственными соглашениями, принципами человечности и объемом компетенции, предоставленной командиру его собственным правительством. Как уже говорилось, чтобы нести ответственность, он должен сам совершить преступное действие. Его действие или его преступное упущение должно быть добровольным и противозаконным. Выражение «добровольным» не исключает того, что имел место нажим или принуждение и даже приказ сверху. То обстоятельство, что было трудно сделать выбор и занять правильную позицию, не меняет добровольного характера действия или его противозаконности. С точки зрения международного права наказуемость бывает налицо, если действие было запрещено межгосударственными договорами или если оно по своему характеру противозаконно или противоречит прин-

ципам человечности, признанным цивилизованными народами в качестве обязательных.

В случае нарушения межгосударственных соглашений наказуемость проистекает из этого нарушения, в других случаях она связана с самой природой данного действия.

Война — самое сильное выражение человеческих насильственных действий. Под влиянием ее грандиозных событий в армиях всех народов происходят эксцессы, допускаемые отдельными лицами. Масштабы таких отдельных эксцессов являются мерилем при оценке людей, из которых состоит армия, и дисциплины армии, в которую эти люди входят.

Германская армия в общем была дисциплинированной армией. Преступления, которые инкриминируются подсудимым, они совершали главным образом по приказам высшего военного руководства и лидеров третьего рейха.

Солдатское повиновение является важным, но не решающим фактором при оценке размеров уголовной ответственности. Административная и военная власть командира и его уголовная ответственность находятся между собой в известном соотношении, однако полностью не совпадают. Современная война — такая, какой была последняя война, — требует широкой децентрализации. Командир, занимающий высокий пост, не может знать о всех деталях военных операций своих подчиненных. Совершенно ясно, что ему не может быть известно о каждом административном мероприятии. Он имеет право предполагать, что детали, осуществление которых он поручает своим ответственным подчиненным, выполняются в рамках допустимого законом. Президент Соединенных Штатов является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны. Ему нельзя просто инкриминировать преступления, совершаемые этими вооруженными силами, ссылаясь на принципы, определяющие отношения подчиненности. То же самое относится и к другим командирам, занимающим высокие посты на служебной лестнице. Один тот факт, что человек стоит на этой лестнице, еще не делает его преступником. Для этого нужно, чтобы он лично нарушил свой долг. Нужно доказать, что он либо сам совершил преступление, либо по своей халатности

не обеспечил необходимый контроль над своими подчиненными.

В последнем случае должно иметь место личное нарушение долга, равное произвольной, недопустимой с моральной точки зрения халатности при контроле за действиями подчиненных. С точки зрения права это должно рассматриваться как молчаливое согласие. Тот, кто захотел бы разграничить наказуемость иначе, нежели это предусматривает международное право, должен был бы выйти далеко за рамки признанных цивилизованными народами принципов уголовного права.

Что касается вопроса об ответственности войскового командира на фронте за преступления, совершенные в районе, подчиненном его командованию, особенно за преступления в отношении гражданского населения, то обвинение пришло к следующим выводам: в соответствии с Гаагской конвенцией военачальник в оккупированном районе, подчиненном его командной власти, несет личную ответственность за эти преступления независимо от приказов, распоряжений и законов его вышестоящих начальников, ограничивающих его командную власть, и независимо от того, что совершенные в этом районе преступления были следствием мероприятий государства или вышестоящих военных инстанций и что сам командующий не предписывал и не осуществлял эти преступные действия. Однако при этом нельзя игнорировать тот факт, что командир — безразлично, стоит ли он во главе командования в данном районе или нет, — в своей компетенции и деятельности подчинен как приказам своего военного начальника, так и самому государству. Он является их исполнительным органом и представителем, служащим для определенных целей, и его начальники или его правительство могут в любой момент отстранить его от занимаемого поста.

В этой связи ссылались на дело Ямаситы¹. Приговор по этому делу, правда, не обязателен для настоящего трибунала, однако он заслуживает внимания, потому

¹ *Томоцуки Ямасита* — главнокомандующий японскими войсками на Филиппинах во время второй мировой войны. За зверства в отношении американских военнопленных он был приговорен американским судом к смертной казни и в феврале 1946 года повешен.

что вынесен высоким судом. Приговор этого суда не совсем соответствует обстоятельствам дела, рассматриваемого данным трибуналом, поскольку командная власть Ямаситы в его оперативном районе явно никак не ограничивалась ни его вышестоящими начальниками, ни правительством. Преступления были совершены войсками, находившимися под его командованием, в то время как преступления, инкриминируемые командирам в оккупированных районах, дело которых здесь рассматривается, совершались в большинстве случаев по распоряжениям более высоких военных инстанций или имперских властей. По мнению данного трибунала, каждое правительство в соответствии с нормами международного права может ограничивать в определенных вопросах самостоятельную командную власть военачальника в оккупированной области.

Однако, с другой стороны, трибунал полагает, что международное право и общепризнанное обычное право цивилизованных народов налагают на войскового командира определенные обязательства, которые он не может с себя снять или игнорировать, ссылаясь на то, что его собственное правительство действует в этом районе самостоятельно. Он олицетворяет оккупацию. Его армия держит район в состоянии подчинения. Средства насилия, находящиеся в его руках, охраняют оккупированную территорию от занятия ее армиями страны, которой она прежде принадлежала. В руках военачальника находится власть, подчиняющая гражданское население оккупационной армии, которой он командует. И он не может оправдываться тем, что правительство, которое он представляет, одновременно послало в оккупированный им район своих людей и совершило там преступления в отношении мирных жителей, убивая граждан и предпринимая другие бесчеловечные действия. Правовое положение в данном случае до некоторой степени сходно с общепризнанным принципом международного права, согласно которому армия, взявшая в плен солдат противника, несет известные твердо установленные обязательства, которые заключаются в том, чтобы заботиться об этих солдатах и достойно с ними обращаться.

Но, как уже указывалось при рассмотрении других вопросов, возникших при разборе этого дела, трибунал

считает, что наказуемость имеет место лишь в том случае, если командующий оккупационной армией сознательно терпит преступления, или участвует в них, или проявляет преступную халатность, не предупреждая их, и если совершенные деяния носят явно преступный характер.

Однако решающее значение имеет не то, что командующий должен выполнять свои обязанности в соответствии с нормами международного права, ибо ответственность командующих в данном случае, как показывают обстоятельства дела, вытекала из других соображений. По этому поводу цитируем некоторые предписания из справочника для генерального штаба на время войны, касающиеся исполнительной власти:

«5. Осуществление исполнительной власти командующим регулируется пунктами 20—24 армейского устава 90 (снабжение действующей армии).

6. Когда оперативный район определен, то при объявлении состояния обороны или состояния войны главнокомандующий сухопутными силами и командующие армиями без дополнительного приказа получают полномочия для осуществления исполнительной власти в этом районе (§ 2 и 9 Закона об обороне империи).

В других случаях фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами может возлагать полномочия для осуществления исполнительной власти на главнокомандующего сухопутными силами и на командующих армиями¹.

7. Исполнительная власть охватывает всю государственную власть, включая право на издание законов без ущерба для независимости правосудия. Носители исполнительной власти в районе, где полномочия на осуществление этой власти перешли к ним или возложены на них, имеют право издавать правовые акты, создавать специальные суды и давать указания имеющим отношение к данному району учреждениям и инстанциям, за исключением высших имперских органов, верховных органов земли Пруссии и имперского руководства НСДАП.

¹ К командующим армиями приравниваются командиры, на которых возлагается осуществление исполнительной власти на территории одной из частей оперативного района армии,

8. Высшие имперские органы, верховные органы Пруссии и имперское руководство НСДАП могут издавать распоряжения для района, исполнительная власть в котором передана командующему, лишь с согласия носителя исполнительной власти. Неприкосновенным остается их право давать указания подчиненным им учреждениям и служебным инстанциям. Однако носитель исполнительной власти имеет преимущественное право давать указания.

9. Право на осуществление исполнительной власти принадлежит только тому, на кого оно возложено, оно может быть передано, полностью или частично, другому лицу только при наличии соответствующего разрешения.

В то же время носители исполнительной власти имеют право поручать выполнение отдельных задач подчиненным инстанциям.

10. Законы, распоряжения и т. п., действующие при переходе исполнительной власти, сохраняют свою силу, если носитель исполнительной власти не сделал противоположных распоряжений.

11. Главнокомандующий сухопутными силами регулирует вопросы осуществления исполнительной власти командующими армиями.

Разрешение вопросов, возникающих в связи с осуществлением исполнительной власти, не входит в сферу деятельности военных юристов. Для этого у главнокомандующего сухопутными силами имеется гражданский уполномоченный, состоящий при верховном командовании сухопутных сил, а при командующих армиями состоят начальники гражданского управления. Однако носители исполнительной власти имеют право привлекать прикомандированных к ним военных юристов в качестве советников, особенно при издании правовых актов по вопросам уголовного права».

Таким образом, исполнительная власть в соответствии с германским правом явно представляет собой осуществление военачальником возложенной на него правительством государственной власти в оккупированном районе. Защита пыталась представить эту широкую командную власть в виде значительно более узких полномочий, однако приведенный выше документ доказывает, что эта командная власть отнюдь не была, как

утверждает защита, призрачной. В действительности приведенные выше положения предоставляли командующему оккупирующей державы определенные полномочия для поддержания порядка и соблюдения правовых норм в его районе.

Утверждение некоторых подсудимых, что хозяйственные инстанции им якобы не подчинялись, опровергается различными документами, которые будут рассмотрены позднее при решении вопроса о виновности или невиновности отдельных подсудимых.

Помимо этого, материалы, представленные в качестве доказательств на данном процессе, показывают, что некоторые подсудимые добровольно сотрудничали с хозяйственными инстанциями и помогали им осуществлять их противозаконные действия.

Защита утверждает, будто деятельность оперативных групп полиции безопасности и СД протекала вне сферы командной власти подсудимых, которой они обладали как командиры оккупационных войск, ибо государство отдало приказ о преступной деятельности этих полицейских частей и таким образом ограничило исполнительную власть командиров оккупационных войск. Однако командиры оккупационных войск были в данном случае носителями исполнительной власти. Все они на суде дружно отрицали, что получали какие-либо приказы, из которых было бы видно, что государство давало распоряжения о планомерном развертывании преступной деятельности оперативных групп; они якобы не получали сведений о таких распоряжениях и из других источников.

Одна из обязанностей командира оккупационных войск, обладающего исполнительной властью, состояла в том, чтобы поддерживать порядок и защищать гражданское население от преступных действий. Поскольку никакие официальные директивы не ограничивали его исполнительную власть в отношении таких преступных действий в его районе, он имел право и был обязан принять меры для их пресечения. Он никак не может утверждать, что распоряжением вышестоящих инстанций эти действия были изъяты из сферы его исполнительной власти, если он заявляет, что ему ничего не известно о таких распоряжениях вышестоящих инстанций.

Остается только выяснить вопрос, знали ли данные подсудимые о преступной деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД; возможно, что они только не принимали мер, для того чтобы воспрепятствовать ей.

Выдвигалось утверждение, что подсудимые должны были знать о преступных действиях оперативных групп. Обвинение заявляет, что командиры должны были знать о программе убийств, которую выполняли оперативные группы, хотя бы по масштабам осуществления этой программы в оккупированных районах, а также благодаря связям, имеющимся в распоряжении главнокомандующих, и на основании того факта, что эти районы были подчинены их командной власти. Документы, представленные на данном процессе, показывают, что оперативная группа «Д» ликвидировала примерно 90 000 так называемых «нежелательных элементов» главным образом в районе, занятом 11-й армией. Они подтверждают также, что около 40 000 еврейских женщин и детей были ликвидированы в Риге, входившей тогда в «имперский комиссариат Остланд», территория которого находилась непосредственно в тылу группы армий «Север». Оперативные группы СД и подчиненные им части были созданы с целью осуществить эту программу в районе операций армии.

Совершенно ясно, что об истреблении такого огромного числа людей, безусловно, знали многие лица; доказано также, что в некоторых районах немецкие солдаты принимали участие в проведении этих казней.

До командира, занимавшего высокий пост в германской армии, часто не доходили факты, известные подчиненным ему войскам. Во-первых, эти войска часто располагались далеко от его штаб-квартиры. Кроме того, рядовые солдаты и офицеры низших рангов редко имели контакт с высокопоставленными командирами и офицерами штаба.

Рассматривая вопрос о деятельности оперативных групп, нужно учитывать еще одно обстоятельство, а именно двойственный характер их задач. С одной стороны, их задача состояла в том, чтобы преступным образом ликвидировать определенные элементы; с другой стороны, однако, им приходилось разрешать совершенно легальные полицейские задачи по обеспечению без-

опасности тыловых коммуникаций армии, и, таким образом, они действовали прежде всего против партизан.

Другим источником информации были донесения, которые направлялись оперативными группами армейским штаб-квартирам; однако доказано, что эти донесения касались главным образом легальной деятельности, то есть борьбы с партизанами, поддержания порядка и безопасности. Тем не менее и в этих донесениях упоминалось о казнях евреев, цыган и представителей других групп населения, которые особо отмечались в списках ликвидированных лиц. Однако отчеты о массовых убийствах, проведенных полицейскими частями, передавались Главному имперскому управлению безопасности в Берлине по собственным служебным каналам; они не представлялись командным инстанциям армии и не пересылались через них.

Командующий армией имел два надежных и исчерпывающих официальных источника информации: 1) приказы сверху и 2) донесения нижестоящих инстанций.

Правильно, что в качестве доказательств не представлено ни одного приказа, отданного вышестоящими инстанциями обвиняемым на данном процессе военачальникам, который подтвердил бы существование программы массовых убийств, разработанной третьим рейхом, за исключением «приказа о комиссарах», выполнение которого было возложено не на СД, а на армию.

Официальные отчеты подчиненных частей обычно содержат массу информации, однако донесения об отдельных преступных действиях обычно вышестоящим инстанциям не передаются — хотя бы потому, что пресечение таких действий возлагается на подчиненного, а тот факт, что они все-таки имели место, может навлечь на него взыскание. Далее, еще более невероятно, что штаб крупной стратегической командной инстанции, ведущей важные боевые действия, доведет до сведения командира такие факты; в штабе более мелкой командной инстанции дело обстояло бы иначе. Прочими обстоятельствами, которые следует принимать во внимание, решая вопрос о том, знали ли подсудимые о преступных действиях полиции безопасности и СД, являются сведения о времени, месте, боевой обстановке, размерах этой деятельности и уровне командной инстанции.

Таковы вкратце главные факторы и источники информации, которые должны быть приняты во внимание при определении размеров уголовной ответственности подсудимых в связи с деятельностью оперативных групп полиции безопасности и СД. Изложенные выше соображения показывают, что трибунал не может установить факт их осведомленности в этом вопросе вообще и неизбежно должен будет привлечь для решения его материалы, доказывающие виновность отдельных подсудимых.

Следует далее сказать, что молчаливое согласие на действия полиции безопасности и СД, достаточное для возбуждения уголовного преследования, может быть констатировано лишь в том случае, если будет доказан не только факт осведомленности подсудимых, но и установлен момент, когда они получили сведения об этих преступлениях.

При рассмотрении доказательств, представленных против отдельных подсудимых, трибунал разберет более подробно документы, относящиеся к деятельности оперативных групп СД в районах, на которые распространялась командная власть подсудимых, и обсудит вопрос о том, были ли они осведомлены относительно этой деятельности и в каком объеме, а также в какой мере они молчаливо терпели или поощряли ее.

ГИТЛЕР И ВЕРМАХТ

Защита утверждает, что планы и приказы Гитлера якобы наталкивались на серьезное сопротивление со стороны высших военных руководителей. Генерал Франц Гальдер, бывший с 1938 по 1942 год начальником германского генерального штаба, показал, что намерение Гитлера ввести войска в Судетскую область имело следствием возникновение заговора, участники которого ставили целью свержение Гитлера, но что от этого плана отказались в связи с подписанием Мюнхенского соглашения. Как бы то ни было, успех Гитлера в Мюнхене поднял его престиж во всех кругах населения, в том числе и в кругах высших военных руководителей.

В 1939 году Гитлер сообщил некоторым из своих высших военных руководителей, что он намерен напасть на Францию, нарушив нейтралитет Бельгии и Голландии. 11 октября 1939 года фельдмаршал фон Лееб обратился к главнокомандующему сухопутными силами фон Браухичу с письмом, к которому был приложен меморандум, составленный фон Леебом, где он советовал отказаться от этого намерения. В меморандуме он доказывает, что вторжение поведет к длительной позиционной войне.

Далее он рассматривает возможные политические последствия этого акта:

«Нарушение бельгийского нейтралитета бросит Бельгию в объятия Франции. Тогда у Франции и Бельгии будет общий враг — Германия, которая на протяжении четверти века второй раз нападает на нейтральную Бельгию! Германия, правительство которой несколько недель назад торжественно заверяло, что уважает этот нейтралитет! Как уже говорилось в разделе I, в данном случае вполне возможно, что Франция немедленно

окажет помощь бельгийцам крупными силами, то есть уже на бельгийской территории начнутся тяжелые бои.

Если Германия недолго думая нарушит торжественно признанный ее правительством нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга, то это оттолкнет от рейха также и те нейтральные государства, которые сейчас, возможно, еще симпатизируют делу Германии...

Северная Америка, население которой особенно восприимчиво к таким лозунгам, будет все больше подпадать под влияние Англии и Франции».

31 октября 1939 года фон Лееб направил фон Браухичу письмо, в котором говорится:

«Я считаю, что в настоящее время еще невозможно достигнуть цели, которая заключается в том, чтобы сокрушить англичан, французов и бельгийцев с помощью военной силы. Ведь только при этом условии можно надеяться, что в случае нападения они будут готовы заключить мир.

Попытки связать успехи на Востоке и желания на Западе были бы роковым уходом от реальной действительности.

Ведь в политической области у нас в руках Польша как залог. Если это не нравится нашим противникам, так пусть они сами нападают.

Весь народ исполнен горячего стремления к миру; он не хочет войны и относится к ней без всякого внутреннего сочувствия. Если партийные инстанции сообщают нечто иное, то они не говорят правды. Народ ждет сейчас от политики своего фюрера мира, потому что он инстинктивно чувствует, что уничтожение Франции и Англии невозможно и что поэтому следует отложить далеко идущие планы. Как солдат, я должен сказать то же самое.

Если бы фюрер положил сейчас конец существующему положению, основываясь на более или менее приемлемых условиях, то ни один человек не счел бы это проявлением слабости или отступлением, а, наоборот, рассматривал бы это как признание реального соотношения сил. Предоставление автономии Чехии и сохранение остаточного государства — Польши — наверняка встретило бы полное понимание всего немецкого народа.

Тогда не только весь немецкий народ, но наверняка также и широкие международные круги прославляли бы фюрера как миротворца.

Я готов в дальнейшем целиком поддержать вас и сделать все выводы, которые могут оказаться желательными и необходимыми».

Несмотря на все это, разработка планов вторжения продолжалась, хотя позже оно было отложено на май. Фон Лееб показал, что эта отсрочка была достигнута благодаря усилиям фон Бока, Гальдера и его самого и что они надеялись на то, что тем временем можно будет уладить дело дипломатическим путем. Мотивы, которыми объяснялась отсрочка, носили чисто военный характер: например, то обстоятельство, что непроходимы дороги, что недостаточно оружия и т. д. Этические соображения никого не интересовали.

Следовательно, ясно, что военные руководители оказывали некоторое сопротивление планам Гитлера, однако эти люди, несмотря на свои противоположные взгляды, предоставили Гитлеру возможность пользоваться их услугами.

В своем последнем слове генерал фон Лееб от имени всех подсудимых неоднократно указывал на трудности, с которыми им приходилось встречаться. Он заявил:

«В третьей империи при диктатуре Гитлера мы оказались перед лицом событий, которые противоречили нашим принципам и нашим характерам. Изменились не мы, офицеры, — изменились требования, которые перед нами ставились.

Мы противились такому ходу событий в третьей империи. Но средства, которые могли бы быть эффективными, в условиях диктатуры были ограниченными».

Далее он заявил:

«Что касается распоряжений Гитлера, оскорблявших наши чувства как людей и солдат, то здесь мы не были его безвольными орудиями. Насколько это было возможно и целесообразно, мы боролись против этих распоряжений, смягчали их содержание, ослабляли их действие или уменьшали их эффект».

Фон Лееб считал Гитлера «демоном, дьяволом», а по мнению Гальдера, этому человеку «свойственно абсолютное отсутствие всяких этических или моральных обязательств». Возможно, что требования, которые он ставил перед подсудимыми, «противоречили их принципам и их характерам» и что они «оскорбляли их чувства как людей и солдат», однако неопровержимым фактом остается то, что по крайней мере иногда, — а может быть, и всегда — они подчиняли свою совесть и свои мнения его воле, и как раз этот факт покрыл германскую армию чудовищным, несмываемым позором.

Суд понимает, что такие чувства, как профессиональная гордость, честолюбивое желание сделать успешную военную карьеру, страх за свою личную безопасность и боязнь возмездия по отношению к членам своей семьи, патриотизм, понятие о солдатском повиновении и особенно врожденное уважение к начальникам, присущее немцам, — что все эти чувства оказывали влияние на их решения.

Хотя эти доводы не могут служить оправданием, однако трибунал считает целесообразным при рассмотрении и оценке преступлений, инкриминируемых подсудимым, в каждом отдельном случае принимать во внимание исторические и психологические факторы.

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ЛЕЕБ

Фельдмаршал Вильгельм фон Лееб родился в 1876 году, с 1895 года начал службу в армии; в 1940 году, после ряда повышений, был произведен в фельдмаршалы. Во время кампании против России был командующим группой армий «Север»; 16 января 1942 года подал прошение об отставке, главным образом ввиду того, что Гитлер вмешивался в технические вопросы. Выйдя в отставку, фон Лееб был зачислен в резерв командного состава.

До того как были введены группы армий, германская армия состояла из сухопутных сил, делившихся на армии и менее крупные соединения. На армии возлагались задачи как административного, так и чисто военного характера. Когда были созданы группы армий, предназначенные для них штабы были значительно меньше, нежели штабы подчиненных им армий; Кюхлер сообщил, что по своему составу они равнялись лишь трети или половине штаба армии. Главнокомандующий группой армий не обладал правом судебной власти. При его штабе не было представителя генерал-квартирмейстера, который непосредственно ведал всеми вопросами снабжения. Деятельность генерал-квартирмейстера не касалась командной инстанции группы армий, она проходила лишь в армиях и в штабах начальников тыловых районов армий, где были представители отдела генерал-квартирмейстера.

Сначала командующий группой армий не имел специальных референтов по делам военнопленных; разрешение этих вопросов было возложено непосредственно на генерал-квартирмейстера и его штаб. Деятельность хозяйственных инстанций рейха также мало касалась руководства группы армий. Армии и начальники тыловых районов имели в своих штабах экспертов по этим вопросам.

В то время когда подсудимый фон Лееб командовал группой армий «Север», его задачи ограничивались почти целиком областью операций, а верховное командование и его штаб разрешали чисто военные задачи.

В начале русской кампании исполнительная власть принадлежала непосредственно командующим армиями и начальникам тыловых районов. Однако предусматривалась возможность отдачи приказов главнокомандующим группой армий нижестоящим инстанциям по вопросам исполнительной власти. Другими словами, его полномочия в этой области были скорее правом на вмешательство, нежели правом на самостоятельные действия. Это право вмешательства было ограничено в той же мере, что и его общая командная власть над нижестоящими соединениями.

Однако, с другой стороны, подчиненные Лееба располагали собственной командной властью и сами несли ответственность за разрешение многочисленных административных вопросов. Обычно главное командование сухопутных сил и офицеры генерального штаба ОКХ отдавали приказы непосредственно этим подчиненным, не доводя их содержание в каждом случае до группы армий. Но были случаи, когда приказы, предназначенные для нижестоящих подразделений, официально проходили через группу армий. В таких случаях эта последняя действовала только в качестве передающей инстанции и выполнение приказов не вытекало из действий подсудимого, а было лишь результатом передачи приказов по обычным служебным каналам.

Группа армий, которой командовал подсудимый, продвинулась из Восточной Пруссии до Ленинграда. Под его командованием находилось от 500 до 600 тысяч человек. Его операции имели очень широкие масштабы. Они начались 22 июня 1941 года, когда была начата русская кампания; деятельность Лееба закончилась официально 16 января 1942 года.

В течение этого сравнительно короткого времени Лееб вел вперед огромную армию по гигантской территории в тяжелейших боевых условиях. Как уже было сказано, его задача состояла в руководстве войсками. Многие административные задачи были переданы подчиненным ему армиям и его тыловому району.

При таких обстоятельствах следует исходить из того, что некоторые детали мероприятий, проводившихся в сфере компетенции подчиненных подсудимого Лееба, не доводились до его сведения.

Судебное следствие установило, что части, подчиненные подсудимому, выполняли преступные приказы и что инстанции, входившие в сферу его командной власти, совершали наказуемые действия. Однако трибунал считает, что, принимая во внимание описанные выше условия, Леебу нельзя предъявить обвинение в совершении уголовных преступлений только на том основании, что он был высшим командиром, а исполнители преступлений были ему подчинены. Нужно доказать, что он знал о преступлениях и либо сам участвовал в их совершении, либо молча одобрял их.

Кроме обвинения в преступлениях против мира, о котором уже говорилось в обосновании настоящего приговора, обвинения, выдвинутые против Лееба, относятся к тому периоду, когда он был главнокомандующим группой армий «Север». Эти обвинения, по мнению трибунала, можно подразделить на следующие основные группы:

1. «Приказ о комиссарах». 2. Преступления в отношении военнопленных. 3. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». 4. Преступления в отношении гражданских лиц. 5. Разграбление общественной и частной собственности.

Эти пункты следует рассмотреть по порядку.

1. «Приказ о комиссарах»

Преступный характер «приказа о комиссарах» уже обсуждался. Лееб присутствовал на совещании у фюрера в марте 1941 года, когда было оглашено предложение об истреблении комиссаров. Лееб считал его нарушением международного права и глупостью, которая окажет действие, обратное тому эффекту, на который надеялись. Он обсудил этот вопрос с Браухичем и выразил ему свой протест. Браухич заверил, что сделает все, что в его силах, чтобы помешать изданию такого приказа, однако, несмотря на это, приказ был позже издан главным командованием сухопутных сил. Лееб, командовавший группой армий «Север», фон Бок, воз-

главлявший группу армий «Центр», и фон Рундшедт (группа армий «Юг») были против приказа. Лееб вновь заявил протест Браухичу, когда тот посетил его армию в июле и сентябре 1941 года, а затем дважды апеллировал к Кейтелю, который ответил, что приложит все силы для того, чтобы добиться отмены приказа. Позже, 23 сентября 1941 года, генерал Мюллер — генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными войсками Браухиче — на основании представлений, сделанных командующими группами армий, писал Верховному главнокомандованию вооруженных сил следующее:

«Высказывается пожелание, чтобы вопрос о выполнении «приказа о комиссарах» в его нынешней форме в связи с изменением положения был пересмотрен. Главнокомандующие, командиры и части сообщают, что понижение боевого духа на стороне русских можно было бы обеспечить, если бы для комиссаров, которые, несомненно, являются главными организаторами ожесточенного и упорного сопротивления, был облегчен путь к прекращению борьбы, сдаче в плен или к переходу на нашу сторону.

В настоящее время дело обстоит так, что комиссар в любом случае предвидит свою верную гибель. Поэтому многие сражаются до последнего. Именно в нынешней боевой обстановке, когда при больших потерях, с уменьшением притока людских и материальных сил, при смешении частей, при неуверенности командования кое-где начинают проявляться признаки слабости, подрыв общего боевого духа путем уменьшения силы сопротивления комиссаров принес бы немаловажные успехи и при данных условиях позволил бы сберечь много крови.

Достижение этой цели следовало бы обеспечить в подходящей форме с помощью самых разнообразных пропагандистских средств.

Главнокомандующий сухопутными силами также полагает, что изложенные выше взгляды, которые были доведены до его сведения всеми группами армии, с военной точки зрения полностью заслуживают внимания и делают целесообразным пересмотр существовавших доныне методов обращения с комиссарами».

Следует обратить внимание на то, что это предложение имеет в своей основе исключительно военные соображения. Этическую сторону дела оно вовсе не затрагивает, потому что она не заинтересовала бы Гитлера. Предложение было представлено Гитлеру, и на полях этого документа имеется пометка, сделанная рукой Иодля, которая гласит:

«Фюрер не согласился на внесение какого-либо изменения в приказ, касающийся обращения с русскими комиссарами».

Послание Мюллера недвусмысленно подтверждает показания Лееба о том, что главнокомандующие указанных групп армий возражали против приказа.

Главное командование сухопутных сил направило приказ армиям, входившим в эти три группы армий. Однако сами группы армий получили для сведения его копии. Другими словами, участие групп армий в передаче приказа нижестоящим соединениям состояло только в пересылке его по обычным административным каналам.

Но Лееб протестовал против приказа не только перед своим начальником. Он говорил также и с подчиненными командирами, которым и сообщил, что не согласен с приказом. Он упомянул также о приказе «О поддержании дисциплины», изданном Браухичем для того, чтобы по возможности затруднить выполнение «приказа о комиссарах». Какие еще практические шаги мог предпринять Лееб? Он не мог отменить приказ, исходивший от его начальника и даже от главы государства. Если бы он попытался это сделать, открытое неповиновение было бы налицо. Вспоминая обстоятельства, связанные с его отставкой, Лееб заявил:

«Кроме того, я знал, что все главнокомандующие и командиры, с которыми я разговаривал, были против приказа. Таким образом, можно было надеяться, что по крайней мере он не будет выполняться в широких масштабах. И, если бы я тогда вышел в отставку, себя я, во всяком случае, оградил бы от всяких подозрений, однако тем самым я отказался бы от борьбы против Гитлера, и вообще такая просьба об отставке, вероятно,

не произвела бы на Гитлера никакого впечатления. И, кроме того, вероятно, стало бы известно, почему я вышел в отставку; ведь я не мог так вдруг сказать: «Я болен, я больше не могу».

После этого Леебу был задан вопрос, как он относится к этой проблеме сейчас. Он ответил:

«У меня ведь было достаточно возможностей и времени, для того чтобы поразмыслить об этом приказе и о том, что пришлось тогда сделать из чувства ответственности, и я должен признаться, что и сейчас я не знаю лучшего пути. Тогда мы втихомолку, насколько это было возможно, саботировали выполнение приказа, и приходилось заботиться о том, чтобы это происходило тайно. Я и сейчас не знаю, как можно было сделать это лучше».

«Приказ о комиссарах» был передан подчиненным подсудимому Леебу соединениям, а именно 18-й армии Кюхлера, 16-й армии Буша и 4-й танковой группе Гёпнера. И, несмотря на личное мнение Лееба, донесения из частей этих армий, подчиненных ему, показывают, что многие политработники были убиты. Возможно, что в некоторых случаях цифры были преувеличены, однако трибунал должен констатировать, что в многочисленных случаях эти зверства имели место. Несмотря на это, трибунал не может считать Лееба виновным по этому пункту. Он не рассылал приказа, протестовал против него всеми способами и выступал против него, не прибегнув только к открытому и вызывающему отказу в повиновении. И если подчиненные Леебу командиры распространяли приказ и требовали его выполнения, то не он, а они несут за это ответственность.

2. Преступления в отношении военнопленных

В то время когда Лееб командовал группой армий «Север», военнопленные, находившиеся в районе, на который распространялась его командная власть, были в ведении генерал-квартирмейстера. Этот последний в свою очередь подчинялся тогдашнему начальнику ОКХ Браухичу, а Браухич через ОКВ — верховному главно-

командующему Гитлеру. Генерал-квартирмейстер действовал через нижестоящие инстанции в армиях и в их тыловых районах. При этих инстанциях находились офицеры, частично подчиненные генерал-квартирмейстеру, но в первую очередь — командующим армиями и начальникам тыловых районов, в штабы которых они входили.

Поэтому делами военнопленных ведали непосредственно командующие армиями и начальники тыловых районов. Линия компетенции по этим вопросам обходила главнокомандующего группой армий. Правда, ему предоставлялось право отдавать приказы по этому вопросу подчиненным ему частям, однако он имел также основания предполагать, что командиры этих частей будут выполнять возложенные на них задачи по удовлетворительному снабжению и законному использованию военнопленных надлежащим образом.

Выше утверждалось, что использование военнопленных на опасных работах или в опасных зонах было с точки зрения международного права явно противозаконным, однако нет никаких существенных материалов, доказывающих, что сведения о подобном использовании военнопленных когда-нибудь доходили до подсудимого.

Единственное доказательство того, что Леебу было известно об использовании русских военнопленных на работах по разминированию, содержится в доказательстве № 3 (документ НОКВ-3337, том I, стр. 4). В этом документе говорится:

«Сегодня утром главнокомандующий группой армий «Север» посетил танковую группу.

Существенная часть беседы заключалась примерно в следующем:

...Так как дома сильно заминированы, в них пока не входят (было несколько несчастных случаев); для очистки от мин используются пленные».

Этот документ подписан майором генерального штаба Голлингом, офицером связи ОКХ при 4-й танковой группе.

Трибунал считает этот документ весьма неопределенным и допускающим много толкований. Поэтому он не может служить доказательством того, что подсу-

димый Лееб знал о таком использовании военнопленных и дал на него свое согласие.

В качестве доказательства того, что Лееб знал о пренебрежительном отношении к судьбе военнопленных, было приведено сообщение о том, что его начальник штаба Бреннеке 13 ноября 1941 года присутствовал на совещании в Орше, на котором начальник штаба группы армий «Центр» поставил вопрос о питании военнопленных. Примечательно, что запись, которая была сделана во время этого совещания, находится среди документов 18-й армии — одного из подчиненных генералу Леебу соединений, которые несли непосредственную ответственность за судьбу военнопленных. Однако в отчете о совещании только говорится, что группа армий «Центр» «хотела бы особенно указать на то, что военнопленные представляют собой необходимый резерв рабочей силы, но в их нынешнем состоянии они работать не могут. Более того, многие из них гибнут от истощения».

В документе ничего не говорится о положении военнопленных, находящихся в районе группы армий «Север», и он не позволяет сделать вывод, что фон Леебу было в какой-нибудь форме доложено об этих обстоятельствах.

Основательное изучение всех доказательств, представленных по этому пункту, не подтвердило, что подсудимый Лееб был виновен в пренебрежении судьбой военнопленных или несет ответственность за их незаконное использование в районе, на который распространялась его командная власть.

Среди документов имеются доказательства того факта, что в районе, где командовал подсудимый, производились незаконные казни красноармейцев. Внимание трибунала было обращено на известные документы, которые якобы доказывали, что он имел отношение к этим казням и несет за них ответственность.

Первый документ — приказ от 13 ноября 1941 года. Проверка этого документа показала, что генерал для особых поручений при верховном главнокомандующем сухопутными силами издал приказ по 6-й армии, которая не была подчинена Леебу. Этот приказ был передан группам армий для ознакомления. Эти факты не подтверждают ни того, что подсудимый Лееб получил

приказ, ни того, что он передал его или распорядился о его выполнении.

Точно так же внимание трибунала было обращено на приказ ОКХ от 25 октября 1941 года, подписанный Браухичем; утверждалось, что этот приказ явно рассылался группой армий «Север». Такое утверждение обосновывали ссылкой на приказ командира 12-й пехотной дивизии 16-й армии, входившей в группу армий «Север», и на аналогичный приказ 281-й охранной дивизии, входившей в тыловой район этой группы армий. Однако при проверке этих доказательств трибунал не нашел ни самого приказа, который якобы рассылался подсудимым фон Леебом, ни доказательств того, что подобный приказ когда-нибудь передавался им по обычным служебным каналам. К тому же приказ сам по себе не дает возможности судить, как он рассылался и вообще был ли он когда-нибудь разослан. Судебное следствие не позволяет сделать вывод, что подсудимый фон Лееб совершил преступные действия, то есть что он имел отношение к противозаконным казням красноармейцев в районе, где он командовал, знал о них или принимал в них участие.

3. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Это был приказ Гитлера, полученный группой армий, которой командовал фон Лееб. Нет никаких доказательств того, что он когда-нибудь был отдан соединениям, подчиненным Леебу. Утверждалось, что этот приказ касался вопросов судопроизводства и, следовательно, не имел никакого отношения к группе армий, а был передан непосредственно тем командирам, при которых был юридический отдел.

Однако изучение самого приказа приводит к выводу, что он лишь частично относился к вопросу о подсудности как таковой. В основном он касался вопроса о поведении и дисциплине войск и, следовательно, имел большое значение для всех войсковых командиров, вплоть до главнокомандующих группами армий. Приказ возлагает на войсковых командиров обязанность инструктировать подчиненных им офицеров.

Одна запись в журнале боевых действий группы ар-

мий «Север» показывает, что приказ был передан нижестоящим инстанциям вместе с приказом ОКХ от 1 июня 1941 года. Документы не содержат никаких доказательств того, что подсудимый фон Лееб предпринял какие-нибудь шаги, кроме выражения своего неодобрения по поводу приказа, и даже это неодобрение было вызвано только тем фактом, что приказ якобы наносил ущерб дисциплине армии. На основании данных судебного следствия трибунал приходит к выводу, что этот приказ был передан фон Леебом по обычным служебным каналам.

Приказ был противозаконным, по крайней мере частично.

Кроме того, он вызывал сомнения относительно права младших офицеров отдавать приказы о расстреле лиц, только заподозренных в совершении определенных действий. Не приведено никаких доказательств того, что при передаче этого приказа были сделаны какие-либо разъяснения или указания, предназначенные для того, чтобы помешать его незаконному применению. Судебное следствие показало, что фон Лееб участвовал в выполнении этого приказа, поскольку он передал его по обычным служебным каналам. Так как приказ проходил непосредственно через его руки, высокий авторитет Лееба дополнил в данном случае авторитет его начальников. Представленные трибуналу документы подтверждают, что приказ осуществлялся противозаконным образом в соединениях, подчиненных фон Леебу. Так как Лееб дал толчок этим мероприятиям, он должен нести известную долю ответственности за их противозаконное осуществление.

4. Преступления в отношении гражданских лиц

Это обвинение связано с деятельностью оперативной группы «А», которая была придана группе армий «Север» и действовала в районе ее операций.

При оценке ответственности фельдмаршала фон Лееба за преступления, совершенные оперативными группами СД в районе, на который распространялась его командная власть, как уже говорилось, не имеет значения, знал ли он о том, что его правительство выдвинуло программу массовых убийств, и участвовал ли он

в осуществлении этой программы или он не знал о том, что правительство поручило осуществление этой программы органам полиции, но допускал организацию массовых убийств.

Утверждалось, что фон Лееб знал о программе истребления людей, проведение которой германское правительство возложило на оперативные группы СД. Внимание суда было обращено на три документа, которые должны доказать этот факт. Первый документ — приказ ОКХ от 28 апреля 1941 года, второй — приказ ОКХ от 9 августа 1941 года.

Доказано, что группа армий «Север» получила оба эти приказа, и можно предполагать, что сообщения, исходившие от высокой командной инстанции, дошли до сведения главнокомандующего группой армий. Однако оба документа не свидетельствуют о наличии программы истребления людей, разработанной третьим рейхом. Еще одним документом, который должен подтвердить тот факт, что подсудимый знал о такой программе, является доказательство № 367, представленное обвинением. Значительная часть этого документа помещена на стр. 214 тома документов бг¹. Это было приложение к оперативному приказу полиции безопасности и СД об использовании оперативных групп. На это приложение от 7 октября 1941 года имеется ссылка на стр. 209; там говорится, что директивы разработаны по согласованию с главным командованием сухопутных сил. Однако нет доказательств того, что это приложение когда-нибудь было получено группой армий «Север» или что оно не было в действительности лишь проектом намечавшегося приказа. Существует твердое правило толкования, согласно которому документ сомнительного содержания следует понимать в наиболее благоприятном для подсудимого смысле. Указанный документ подтверждает, правда, преступную деятельность полиции безопасности, однако не доказано, что он когда-нибудь был в руках подсудимого фон Лееба.

Доказательства, на которые опирается обвинение, утверждая, что Лееб знал о преступных деяниях оперативных групп СД в отношении гражданского населе-

¹ Один из 22 томов документов, представленных обвинением и послуживших доказательствами на данном процессе.

ния в районе, находившемся под его командованием, содержатся частично в донесениях, которые отдельные офицеры оперативной группы «А» посылали своим начальникам в Берлин. Эти донесения не направлялись Леебу и не проходили через его штаб. Они доказывают, что оперативная группа «А» провела известные мероприятия по истреблению людей, однако донесения носят такой характер, что нуждаются в самой тщательной проверке. В них не указывается точно ни места, ни времени. В одном донесении говорится, что уничтожено 135 тысяч человек, но где имело место это истребление, совершенно неясно. Другие документы показывают, что в Риге было уничтожено 40 тысяч евреев, по-видимому оперативной группой «А». Но эта акция уничтожения имела место на территории «имперского комиссариата Остланд», а не в районе, где командовал подсудимый.

Кроме массовых убийств в Каунасе, не установлено никаких случаев массовых казней, которые происходили бы в районе, где командовал подсудимый, и о которых бы ему было сообщено. Когда Лееб узнал об этой акции, он принял меры, для того чтобы не допустить повторения подобных акций в районе, занятом 16-й армией, куда входил Каунас.

Отчеты, которые содержали упоминания о противозаконных казнях, предпринятых органами полиции безопасности во время операций по обеспечению безопасности, направлялись соединениями, находившимися под командованием Лееба, тыловым районам, армиям и армейским корпусам. Не доказано, однако, что эти отчеты посылались группе армий «Север» или доводились до сведения Лееба офицерами его штаба.

Поэтому трибунал не может на основании имеющегося материала, представленного в качестве доказательств, сделать вывод, что подсудимый фон Лееб знал об убийствах гражданских лиц оперативными группами СД, действовавшими в районе, на который распространялась его командная власть, или что он молчаливо соглашался с такими действиями.

Точно так же представленные материалы не подтверждают, что подсудимый принимал участие в вербовке людей, которых отправляли на территорию рейха для рабского труда. Документ, на который опирается в данном случае обвинение, — это отчет об отправке

группой армий «Север» в течение определенного отрезка времени некоторого числа гражданских лиц на работу в Германию. Фон Лееб был главнокомандующим только в течение части указанного в документе времени. В документе не указывается также, что речь шла о принудительном наборе. Согласно правилам, подобные документы должны толковаться в смысле, наиболее благоприятном для подсудимого.

5. Разграбление общественной и частной собственности

Обвинение по данному пункту опирается на два приказа. Первый приказ, изданный 12-й танковой дивизией 11 ноября 1941 года, предписывает операцию против нескольких деревень, которые «были использованы партизанами в качестве оперативной базы». Он содержит указания о реквизиции крупного рогатого скота, лошадей и птицы, а также большей части продовольствия; однако в приказе говорилось, что в соответствии с указаниями офицера, командующего операцией, жителям должно быть оставлено небольшое количество продовольствия.

Трибунал не считает этот приказ противозаконным.

Подобным же образом приказ, изданный XXXIX армейским корпусом 7 декабря 1941 года, касающийся вынужденного отступления, предписывает ликвидацию запасов продовольствия и фуража, которые нельзя вывезти. Уничтожение этих запасов было средством задержать наступающего противника; поэтому, учитывая существовавшую крайнюю необходимость, трибунал не может признать, что приказ был противозаконным. Соответственно суд приходит к заключению, что по этому разделу обвинения действия подсудимого нельзя признать наказуемыми.

По основаниям, перечисленным выше, трибунал считает подсудимого виновным по разделу III обвинительного заключения, поскольку речь идет о передаче и применении приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». В соответствии с законом Контрольного совета № 10 приказ сверху не освобождает от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством.

По мнению трибунала, в отношении подсудимого фон Лееба имеется много смягчающих обстоятельств. Он не был другом или сторонником нацистской партии и ее мировоззрения. Он был солдатом. Он участвовал в гигантской кампании и нес ответственность за сотни тысяч солдат и за многочисленное местное население на огромной территории. Немаловажное значение имеет тот факт, что не предъявлено в качестве доказательства ни одного преступного приказа, на котором имелась бы его подпись или какой-нибудь знак его одобрения.

В соответствии с результатами судебного следствия и по основаниям, приведенным выше, трибунал признает Лееба виновным по разделу III и невиновным по разделу II обвинительного заключения.

ГУГО ШПЕРЛЕ

Шперле родился 7 февраля 1885 года, с 1903 года начал службу в армии. После захвата власти Гитлером Шперле был переведен в авиацию и дослужился до высокого чина. В 1936—1937 годы он командовал легионом «Кондор», который был направлен Гитлером для участия в гражданской войне в Испании. Эта война была использована в качестве учебных маневров для германских военно-воздушных сил.

В 1940 году Шперле был произведен в фельдмаршалы, в 1941 году стал командующим 3-м военно-воздушным флотом; в 1942 году, участвуя в войне против Англии, потерял свой командный пост. В 1943—1944 годы во время неоднократных отлучек фельдмаршала фон Рундштедта Шперле несколько раз в течение небольших промежутков времени исполнял обязанности заместителя главнокомандующего группой армий «Запад». В эти периоды он должен был также исполнять обязанности командующего 3-м военно-воздушным флотом. Деятельность Шперле как заместителя Рундштедта заключалась в том, что он подписывал письма и приказы, которые представляли ему Блюментритт, — начальник штаба Рундштедта, и эксперты этого штаба.

Шперле обвиняется в том, что он участвовал в преступлениях против мира. Этот пункт обвинения уже рассмотрен. Кроме того, он обвиняется в том, что: 1. В отсутствие Рундштедта, будучи заместителем главнокомандующего группой армий «Запад», осуществил «акцию Заукеля». 2. Использовал русских военнопленных во Франции в строительных батальонах германских военно-воздушных сил.

Первое обвинение основывается на приказе Шперле от 6 июня 1943 года. В нем говорится:

«13. Набор рабочей силы в районе, подчиненном главнокомандующему группой армий «Запад».

Согласно донесению командующего войсками в Бельгии и Северной Франции, несмотря на противоположные приказы, вновь были случаи, когда не уполномоченные на то германские инстанции набирали в районе, подчиненном командующему войсками в Бельгии и Северной Франции, рабочих для других районов, не пользуясь предписываемым посредничеством служебных инстанций командующего войсками в Бельгии и Франции и местных служебных инстанций. Тем самым эта рабочая сила в большинстве случаев не вошла в набор, который производится в счет акции Заукеля для Германии. Если в этой запрещенной вербовке участвовали военные инстанции, я проверю это».

1 марта 1944 года Заукель в беседе с Мильхом заявил: «...Фельдмаршал Рундштедт и фельдмаршал Шперле очень энергично поддержали меня в этом деле». (Здесь подразумевается помощь, которую оказал ему вермахт в принудительном наборе французских рабочих.)

Основной смысл показаний Блюментритта заключается в том, что в тот период, о котором идет речь, Шперле не имел прямого отношения к этому делу и что вышеупомянутый приказ имел целью только разграничить компетенцию различных служебных инстанций. Как показывают документы, Шперле в принципе был против акции Заукеля и пытался смягчить ее действие. Поэтому трибунал сомневается в его виновности по этому пункту обвинения.

Второе обвинение основывается на записях в журнале боевых действий № 1 двенадцатой строительной бригады 3-го военно-воздушного флота, которым командовал Шперле, и на связанных с ними приказах нижестоящих инстанций, из которых видно, что было намерение включить русских военнопленных в строительные батальоны.

Не доказано, удалось ли осуществить это мероприятие. Наоборот, судебное следствие показало, что ни один военнопленный не был использован таким образом.

Трибунал признает Шперле невиновным по разделам II и III обвинительного заключения. Он будет освобожден судом, после того как закончится разбирательство по данному делу.

ГЕОРГ КАРЛ ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН КЮХЛЕР

Генерал-фельдмаршал фон Кюхлер родился в 1881 году, с 1900 года начал службу в армии; в январе 1942 года был произведен в чин генерал-фельдмаршала и стал преемником фон Лееба на посту главнокомандующего группой армий «Север». Занимал этот пост до 1944 года, затем был переведен в резерв командного состава.

Кюхлер проделал весь польский поход в качестве командующего 3-й армией. С 30 сентября 1939 года по 5 ноября 1939 года был командующим в пограничной зоне Восточной Пруссии, 5 ноября 1939 года был назначен командующим 18-й армией на Западе. В 1940 году 18-я армия вступила в Голландию, прошла через Бельгию, продвинулась до Дюнкерка, заняла Париж, и Кюхлер оставался командующим этой армией, до тех пор пока войска не дошли до испанской границы.

В начале июля 1940 года он был послан на Восток и там стал, так сказать, главнокомандующим Восточным фронтом, однако лишь на короткий срок, пока не прибыл генерал-фельдмаршал Лист. В то же время Кюхлер продолжал командовать 18-й армией. Сначала на Восток был переведен только штаб 18-й армии, в то время как войска оставались на Западе. Однако постепенно большинство частей 18-й армии переводилось на Восток, так что к весне 1941 года вся 18-я армия уже была на Востоке.

В 1941 году началась русская кампания. В то время Кюхлер командовал 18-й армией на северном фланге, сначала в Прибалтике, затем на всем пути продвижения до Ленинграда. Сохранил этот пост до 1942 года; затем был произведен в чин генерал-фельдмаршала и принял командование группой армий «Север» в качестве преемника генерал-фельдмаршала фон Лееба. Занимал этот пост, до того как был смещен в 1944 году.

Документы показали, что генерал-фельдмаршал фон Лееб считал Кюхлера «человеком уважаемым, обладающим бесстрашием и хладнокровием», человеком, который «был превосходным солдатом, очень подходящим для занятия поста командующего группой армий». Документы подтвердили, что он был хладнокровен и беспощаден.

Против Кюхлера выдвигаются обвинения по всем четырем разделам обвинительного заключения. Обвинения по разделам I и IV решением данного трибунала сняты. Обвинения по разделам II и III можно объединить в следующие группы: 1. «Приказ о комиссарах». 2. «Приказ о командос». 3. Пренебрежение судьбой военнопленных и использование их на запрещенных работах. 4. Противозаконные казни красноармейцев, а также убийства и жестокое обращение с военнопленными. 5. Угон и обращение в рабство гражданского населения. 6. Разграбление общественной и частной собственности. 7. Убийства, жестокое обращение и преследования гражданских лиц. 8. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса».

Трибунал рассмотрит эти обвинения по порядку.

1. «Приказ о комиссарах»

Будучи командующим 18-й армией, Кюхлер получил «приказ о комиссарах» непосредственно от главного командования сухопутных сил одновременно с «приказом о поддержании дисциплины», изданным фон Браухичем. Он передал «приказ о комиссарах» командирам, которые были ему подчинены. Он заявил, что не мог этот приказ ни задержать, ни игнорировать. В марте¹ Кюхлер присутствовал на совещании у фюрера в Берлине и знал, что предстоит война идеологий, которая должна будет продолжаться до окончательного уничтожения противника. Кюхлер был против приказа, потому что он претил ему и противоречил его взглядам на методы ведения войны.

«Находясь между Сциллой и Харибдой,— заявил Кюхлер,— я должен был искать выхода. С одной сто-

¹ Имеется в виду совещание, которое провел Гитлер 30 марта 1941 года в Берлине с руководителями вермахта.

роны, я не хотел, чтобы на меня смотрели как на недисциплинированного командира, ибо совершенно ясно, что пошли бы разговоры, что командующий не выполнил приказа. С другой же стороны, я все-таки хотел выразить собственное мнение по поводу этого приказа, которое сводилось к тому, что приказ выполнять не следует. В таком положении я находился».

Кюхлер показал далее, что он заявил протест фон Леебу, однако в интересах ОКХ он сделал под присягой заявление для передачи Международному военному трибуналу, в котором утверждал:

«Я никогда не держал этого приказа в руках; поступал ли он когда-нибудь в мой штаб — я не знаю; были ли мои командиры войск информированы о нем и каким путем — этого я не могу сказать... с моим тогдашним начальником — главнокомандующим генерал-фельдмаршалом фон Леебом я встречался несколько раз на поле битвы. Мы никогда не говорили с ним о приказе, касавшемся специальных мероприятий против политических комиссаров».

Нет никакой возможности совместить эти два высказывания. Кюхлер объясняет противоречие тем, что в то время, когда он давал показания под присягой, он якобы еще не знал, что речь идет о «приказе о комиссарах» и что только документы восстановили в его памяти все обстоятельства. Трибунал уверен, что Кюхлер точно знал, о каком приказе он говорил, давая показания под присягой. Этот факт, естественно, уменьшает достоверность его показаний.

Но, даже если и считать правдивым его заявление о том, что он не одобрял этот приказ, остается фактом — беспристрастным, суровым и неопровержимым — то, что он передал приказ и что приказ выполнялся подчиненными ему частями 18-й армии, которые много раз докладывали о произведенных ими казнях комиссаров. Кюхлер должен был знать об этих донесениях, хотя он и утверждает, что ничего не знал. Трибунал не может поверить, что члены его штаба не обратили внимание Кюхлера на эти донесения, если он действительно высказывался против приказа. Это был приказ, преступ-

ность которого была совершенно очевидна с первого взгляда, и тот факт, что Кюхлер «находился между Сциллой и Харибдой» или что он не хотел, чтобы на него смотрели как на недисциплинированного командира, если бы он не стал выполнять приказ, не может служить оправданием инкриминируемых ему преступлений, однако может рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

2. «Приказ о командос»

Этот приказ был разослан ОКХ непосредственно по армиям, а также передан группе армий «Север», которая находилась в то время под командованием подсудимого. В данном случае судебное следствие не установило, что Кюхлер передал этот приказ подчиненным ему частям по обычным служебным каналам. На Востоке «приказ о командос» не имел большого значения, не доказано также, что он проводился в жизнь в районе, на который распространялась командная власть Кюхлера. В связи с этим трибунал приходит к заключению, что судебное следствие не подтвердило виновности подсудимого в той части, которая касается этого приказа.

3. Пренебрежение судьбой военнопленных и использование их на запрещенных работах

Подсудимого обвиняют в том, что он использовал военнопленных на опасных работах, например на разминировании. Судебное следствие в данном случае установило, что приказы о таком использовании военнопленных издавались инстанциями, подчиненными Кюхлеру. Доказано также, что один приказ ОКХ был передан I корпусом 18-й армии командующему 269-й дивизии. В приказе говорилось, что «за пределами опасной зоны или зоны боев очистка местности от мин должна производиться силами русских военнопленных, для того чтобы беречь немецкую кровь». Давая показания в качестве свидетеля, подсудимый признал, что этот приказ должен был проходить через штаб-квартиру 18-й армии. Приказ был помечен 3 ноября 1941 года. На приказе XXX корпуса, предписывающем использо-

вание военнопленных на очистке местности от мин, стоит дата 1 сентября 1942 года. Приказ охранной дивизии в тыловом районе группы армий «Север», разосланный 16 июля 1943 года, предписывал производство работ по разминированию силами гражданских лиц. Кюхлер оспаривает, что в то время XXX армейский корпус подчинялся ему, однако данные о составе войск военного времени подтверждают этот факт. Как бы то ни было, другие документы, представленные трибуналу по данному пункту, охватывают большой промежуток времени и на основании свидетельских показаний, и в первую очередь показаний самого подсудимого, трибунал приходит к выводу, что Кюхлер знал о методе использования военнопленных и гражданских лиц на запрещенных и опасных работах и одобрял этот метод.

4. Противозаконные казни красноармейцев, убийства и жестокое обращение с военнопленными

Трибуналу представлен ряд документов, для того чтобы доказать ответственность подсудимого Кюхлера за противозаконные казни красноармейцев и военнопленных. В большинстве случаев это приказы ОКХ, на основании которых производились противозаконные казни, однако даже и после самого подробного изучения этих приказов трибунал не смог полностью убедиться в том, что подсудимый передавал их дальше. Но одно это обстоятельство еще не освобождает его от уголовной ответственности за эти чудовищные преступления.

Как показывают документы, в течение продолжительного времени командование группы армий «Север» получало многочисленные донесения о таких противозаконных казнях, после того как подсудимый уже принял командование этой группой. Следует предположить, что содержание упомянутых донесений доводилось до его сведения. Фактически его собственные показания подтверждают это. Подсудимый не привел никаких доказательств того, что он принял меры для прекращения подобных злодеяний. Следовательно, представленные доказательства позволяют заключить, что он не только терпел выполнение упомянутых приказов, но и одобрял их.

Поэтому подсудимый Кюхлер должен нести уголовную ответственность за действия своих подчиненных, производивших противозаконные казни красноармейцев и совершавших побег военнопленных.

Преступное пренебрежение судьбой военнопленных инкриминируется подсудимому в связи с событиями, которые имели место в то время, когда он командовал 18-й армией и (с января 1942 года) был главнокомандующим группой армий «Север».

Будучи командующим 18-й армией, Кюхлер нес непосредственную ответственность за военнопленных. Это вытекает из различных доказательств, и в первую очередь из показаний Гальдера, который подтвердил, что командующий армией нес ответственность за судьбу военнопленных, размещенных в районе, занятом армией, и что оберквартирмейстер при командовании армии занимался этими вопросами. Кюхлер сам заявил, что посетил все лагеря военнопленных в своем районе.

То, что военнопленные умирали в результате жестокого обращения и отсутствия заботы о них в районе, на который распространялась командная власть подсудимого, подтверждается многочисленными документами, например записями в журнале боевых действий начальника разведывательного отдела штаба 18-й армии, где, в частности, 4 ноября 1941 года отмечено: «Каждую ночь умирает от истощения 10 пленных».

9 ноября во время совещания с начальником штаба 18-й армии оберквартирмейстер сообщил, что «в настоящее время ежедневно умирают 100 человек». На другом совещании в главной ставке 18-й армии, происходившем 28 ноября 1941 года, было сказано, что все пленные лагеря «Ост» погибнут самое позднее через 6 месяцев, потому что во время работы с пленными плохо обращаются, а также потому, что при теперешних нормах питания невозможно сохранить им жизнь. Далее говорилось, что «в лагере «Вест», где военнопленных не используют на работах, смертность незначительна и связана с другими причинами». Этот документ показывает, что в лагере в Пскове из 20 000 пленных в течение самого короткого времени умерли от истощения примерно 1000 человек. Запись от 28 ноября

1941 года гласит, что «охрана считает необходимым проявлять твердость», и далее: «Так как число имеющих пленных очень ограничено, нужно использовать на работе даже самых слабых».

Принимая во внимание весь доказательный материал, представленный по данному делу, трибунал приходит к выводу, что подсудимый фон Кюхлер, будучи командующим 18-й армией, совершил преступление, которое заключается в пренебрежительном отношении к судьбе военнопленных в районе, на который распространялась его командная власть.

Что касается ответственности подсудимого, как главнокомандующего группой армий «Север», то доказано, что 22 июня 1942 года начальник тылового района группы армий «Север» отдал известные распоряжения относительно военнопленных. Этот приказ содержал копию распоряжений для командира, ведавшего военнопленными в оперативном районе. В параграфе 1 этих распоряжений говорится:

«Начальник по делам военнопленных подчиняется главному командованию группы армий».

Далее следуют подробные указания относительно круга его обязанностей.

Кроме того, судебное следствие установило, что после реорганизации штабов групп армий в 1942 году делами военнопленных ведали две инстанции штаба группы армий — второй квартирмейстерский отдел и управление начальника по делам военнопленных. Из этого следует, что с 22 июня 1942 года подсудимый нес непосредственную ответственность за судьбу военнопленных в районе, занятом группой армий «Север». Однако судебное следствие не подтвердило, что после вступления Кюхлера в должность в этом районе были установлены факты преступного пренебрежения судьбой военнопленных.

Поэтому трибунал считает, что в то время, когда Кюхлер был главнокомандующим группой армий «Север», он не совершил преступления, которое заключается в пренебрежительном отношении к судьбе военнопленных.

5. Угон и обращение в рабство гражданского населения

Вопрос об ответственности подсудимого фон Кюхлера за действия находившихся в районе его командования хозяйственных органов третьего рейха касается как рабского труда на пользу рейха, так и экономического разграбления. Одним из этих хозяйственных органов был экономический штаб «Ост», подчинявшийся Герингу. Его деятельность и задачи подробно описаны в так называемой «Зеленой папке»¹. На странице 6 этого документа в разделе I говорится:

«Хозяйственные учреждения экономического штаба «Ост», поскольку их деятельность протекает в оперативном районе, входят в состав армейских штабов и находятся под их военным командованием...»

Раздел А содержит предписания для экономических штабов в тылу групп армий. Раздел Б — предписания хозяйственным организациям в районах, занятых армиями.

Приказ ОКВ от 19 мая, адресованный ОКХ, ОКЛ и ОКМ, дает указания по этому вопросу. Согласно этому приказу к армиям и к начальникам тыловых районов, а также к нижестоящим инстанциям были прикомандированы офицеры по вопросам экономики. Позже при группах армий были созданы хозяйственные инспекции и контроль над экономикой был возложен на группы армий. Это подтверждается документом № 436, который озаглавлен:

«Командующим в районе группы армий «Север».

Приложения к журналу боевых действий отдела квартирмейстера.

Ежемесячные доклады.

Хозяйственная инспекция «Север».

от 1.3.42 — 31.8.42

¹ Так называемая «Зеленая папка» Геринга — план организованного экономического ограбления гитлеровской Германией временно оккупированных областей Советского Союза. — *Прим. ред.*

Хозяйственная инспекция «Север»
Gr. Fue/MI/In
Br. Nr. 637/42 секр.
461/42 секр.
14/6

Вернуть начальнику штаба
Плескау¹, 6 июня 1942 года».

23 апреля 1942 года был издан приказ, подписанный Кюхлером. Его разделы, имеющие значение для данного процесса, гласят:

«1. Хозяйственные инстанции — это не гражданские учреждения, а органы ОКВ. Директивы по руководству экономикой в оккупированных восточных областях («Зеленая папка»).

2. Хозяйство работает для армии. Если армия не будет уделять внимания восстановительным работам в области экономики или мешать им, она нанесет вред своим собственным интересам.

3. В рамках идеологической работы хозяйственным органам необходимо предоставлять возможность разъяснять войскам цель, структуру и успехи своей деятельности.

4. Предпосылкой для наивысшей производительности людей и земли на оккупированной территории является единство в установках и деятельности немецких органов. Я придаю величайшее значение тесному и исполненному доверия сотрудничеству между местным командующим и офицерами по вопросам экономики.

5. Только хозяйственные органы несут ответственность за выполнение указаний по хозяйственным вопросам, даваемых руководящим экономическим штабом «Ост».

6. Принудительные мероприятия в области экономики, проводимые хозяйственными органами, должны осуществляться только по получении подписи носителя исполнительной власти, то есть соответствующего местного командующего.

7. Принудительные мероприятия для удовлетворения нужд армии, такие, как набор рабочей силы, лошадей,

¹ Псков.

а также сдача продукции, должны проводиться военными органами только по согласованию с соответствующими хозяйственными инстанциями. Если договоренность не достигнута, следует до проведения мероприятий запросить вышестоящие военные и хозяйственные инстанции, которые и решат вопрос».

Характер отношений между армией и хозяйственными органами подтверждается также приказом начальника тыла группы армий «Север», отданным 3 июня 1943 года подчиненным ему органам безопасности. В нем говорится:

«В целях разграничения полномочий между военными командными инстанциями и хозяйственными органами командование группы армий «Север» сообщило хозяйственной инспекции «Север» следующее:

а) *Законодательная деятельность*

Издание распоряжений по правовым вопросам возлагается исключительно на носителей исполнительной власти. Распоряжения, касающиеся хозяйственной области, при условии если этого требуют важные военные соображения, издаются по договоренности с хозяйственными органами. Ответственность за специальное содержание распоряжений по правовым вопросам, которые издаются по предложению хозяйственных органов или в сотрудничестве с ними, несут хозяйственные органы.

Выполнение распоряжений по правовым вопросам, изданных военными командными инстанциями и касающихся хозяйственной области, возлагается на хозяйственные органы.

б) *Управление*

Если не имеется специальных распоряжений по отдельным областям деятельности, управление оккупированными территориями осуществляют носители исполнительной власти. К числу специальных административных задач относится хозяйственное управление оперативным районом. Эту задачу выполняет экономическая организация «Ост». Указания по экономическим вопросам, которые даются военным командным инстанциям, войскам, местной администрации или гражданскому населению, если не требуется издания правовых актов, должны исходить от хозяйственных органов при воен-

ных командных инстанциях. Приказы об их осуществлении отдают военные инстанции, направляя их обычным порядком прохождения военных приказов. Прочие указания по специальным экономическим вопросам хозяйственные органы направляют для исполнения по своим служебным каналам. Они должны постоянно информировать военные командные инстанции обо всех полученных и отданных распоряжениях, имеющих важное значение.

Непосредственная переписка между хозяйственными органами и местной администрацией не должна иметь места, за исключением тех отдельных случаев, когда носители исполнительной власти недвусмысленно распорядились действовать иначе. Просьба соответствующим образом информировать нижестоящие инстанции хозяйственного управления.

Охранные дивизии получают указание соответствующим образом информировать подчиненные им инстанции и части, включая местные комендатуры и батальоны».

Приведенные здесь указания совершенно ясно показывают характер отношений между подсудимым, как главнокомандующим группой армий «Север», и хозяйственными органами в районе, на который распространялась его командная власть.

8 июня 1942 года 285-я охранный дивизия направила начальнику тылового района группы армий «Север» следующее донесение:

«Настроение населения заметно упало в связи с отправкой на работу в Германию, потому что набор в большинстве случаев приходилось проводить методом принудительной разверстки по отдельным общинам».

В докладе, представленном 15 марта 1942 года начальнику тылового района группы армий «Север», указывалось:

«Особое значение приобретает поставка беженцев для покрытия потребности в рабочей силе для рейха, для действующей армии и для предприятий военной промышленности в тыловом районе и в Эстонии.

За период с 28.1 по 19.2 в сборный лагерь в Восточной Пруссии были направлены в общей сложности 16 эшелонов, в которых находились 9786 человек. Из районов Себежа и Идрицы 18.2.42 вышли 3 эшелона, насчитывавшие 1357 человек. В настоящее время готовы к отправке еще 1500 человек, собранных в Красногвардейске».

В донесении, направленном начальником тылового района 584 командованию 16-й армии 27 июня 1943 года, говорится:

«Пропаганда противника использует ситуацию и развешивает энергичную деятельность. Населению постоянно внушают, что немцы пошлют людей на фронт и уморят голодом, не предоставляя им достаточного снабжения. В результате в объявленные для призыва сроки являются только немногие и мобилизуемых приходится доставлять с помощью войск. Неизбежные при этом жестокости значительно ухудшают настроение населения».

14 февраля 1943 года Кюхлер разослал приказ Гитлера, касавшийся эвакуации территории.

В приказе говорилось:

«3. При эвакуации войска уводят с собой всех мужчин в возрасте от 15 до 65 лет. Таким образом, войска будут всегда иметь при себе рабочую силу для рытья окопов, а также можно будет высвободить военнопленных для использования в другом месте (передача военно-воздушным силам для замены взятых у них рядовых). Таким образом, враг не будет иметь возможности призывать в армию все мужское население, как он это делает в массовых масштабах сейчас.

4. При планомерной эвакуации крупных территорий следует по возможности забирать с собой массу гражданского населения и использовать его позже в качестве рабочей силы. Деревни должны быть после этого уничтожены».

19 сентября 1943 года оберквартирмейстер при штабе группы армий «Север» передал приказ штабу корпуса Тимана.

Раздел этого приказа, имеющий значение для данного процесса, содержит следующее предписание:

«Набор рабочей силы и ее распределение среди организаций, которые в ней нуждаются, производится через оберквартирмейстера группы армий «Север» вместе с хозяйственной инспекцией «Север»...

Отделам труда указано, что необходимо учитывать мужчин 1925, 1926 и 1927 годов рождения, прибывающих в сборные лагеря, для отправки в рейх...»

Этот приказ включал также подписанное Вагнером специальное предписание о поставках рабочей силы во исполнение приказа фюрера № 10 и предписание командования группы армий «Север» от 3 сентября 1943 года штабу корпуса Тимана.

Разделы, имеющие значение для данного процесса, гласят:

Выдержка из раздела I:

«Хозяйственным органам, на которые возлагается поставка гражданской рабочей силы, военные инстанции должны оказывать всяческую помощь».

Раздел II содержит и другие положения относительно мобилизации рабочей силы, которую предполагалось использовать исключительно на строительстве линии «Пантера». В пункте 5 раздела II говорится:

«Во всех воинских частях и инстанциях армейского и прифронтового района хозяйственные органы должны пересмотреть вопрос о необходимости использования женской рабочей силы. При этом следует подходить к делу самым серьезным образом. Всю рабочую силу, без которой можно обойтись, нужно высвобождать и направлять на строительство линии «Пантера».

В разделе IV данного приказа устанавливается:

«Ответственность за размещение рабочей силы возлагается на начальника инженерной службы 3. Начальник тылового района «Север» должен оказывать ему в этом самую широкую поддержку. В помещениях должны

разместиться войска и войсковые управления. Население следует стеснить в максимальной степени, а людей, непригодных для работы, нужно беспощадно эвакуировать в тыл. Запрещение раздельно размещать войска и население в помещениях в особых случаях может быть смягчено под ответственность командиров».

21 сентября 1943 года командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армии «Север» издал приказ, существенные разделы которого гласили:

«По вопросу: Об эвакуации гражданского населения из района между нынешней передовой линией и позициями линии «Пантера».

Со ссылкой: Приказ главнокомандующего группой армий «Север», оперативный отдел, № 101/43, совершенно секретно, для высшего командования, 17.9.43 (не рассылать).

I. Задача

Во исполнение вышеуказанного приказа главнокомандующий группой армий «Север» приказал эвакуировать гражданское население из района между нынешней передовой линией и позициями линии «Пантера». Эвакуация должна быть проведена немедленно и с использованием всех средств и возможностей.

II. Руководство

В соответствии с указанным приказом руководство и ответственность за эвакуацию населения возлагается на начальника тылового района группы армий «Север». Он имеет право давать соответствующие указания армиям.

III. Основные принципы проведения эвакуации

1. Врагу не следует оставлять людей, которых он может использовать.

2. Эвакуированные направляются в основном колоннами примерно по 1000 человек в каждой, пешком, средняя скорость передвижения — 12—15 км в день...

4. Семьи должны двигаться, объединившись по деревенским общинам, под руководством старост и в сопровождении конвоя службы охраны порядка.

5. Семьи во время марша должны обеспечивать себя продовольствием сами. В дороге выдавать только хлеб...

12. Перед выходом колонн в сборных пунктах или пересыльных лагерях проводится осмотр людей с целью последующего использования на работе. Для этого гаулейтер Заукель направит в хозяйственную инспекцию «Север» значительное число уполномоченных. Следует вместе с работоспособными передавать уполномоченным гаулейтера Заукеля также и членов их семей. В случае если они не смогут принять целые семьи, передачу работоспособных следует производить самое раннее в сборных лагерях, а по возможности — только в местах окончательного размещения.

Эвакуированные используются частично на работах для предприятия «Пантера», частично — в оккупированной области и на территории рейха. Считается, что 50 процентов людей в каждой колонне работоспособны. Дети в возрасте от 10 лет считаются рабочими.

7 октября 1943 года офицер контрразведки при разведывательном отделе командования 18-й армии передал офицеру контрразведки при разведывательном отделе командования армейской группы «Север» сообщение, существенные разделы которого мы здесь приводим:

«Стали известны многочисленные высказывания населения в том смысле, что «лучше пусть нас убьют, чем эвакуируют». Даже и те, кто настроен дружелюбно по отношению к немцам, справедливо предполагают, что эвакуация пешком будет означать невообразимые страдания и многим людям будет стоить здоровья или жизни...

3. Хотя в районе расположения армии благодаря сравнительно большому количеству немецких войск обслуживание и размещение колонн эвакуированных до некоторой степени удалось подготовить, тем не менее следует совершенно отчетливо себе представить, что, несмотря на это, колонны эвакуированных будут являть жалкое зрелище. Имеющихся у населения лошадей и повозок ни в коей мере не хватит, для того чтобы везти людей, которые не могут или не смогут позже идти пешком, а также необходимые количества продовольствия, одежды и домашних вещей. Даже до сборных лагерей

Луга и Ямбург¹ колонны должны пройти около 150 км, то есть они будут в пути около 2 недель. При том состоянии, в котором находится одежда и прежде всего обувь населения, и при ожидаемых погодных условиях участники этих маршей скоро окажутся в таком положении, которое невозможно описать, особенно женщины и дети. Что касается наличия собственных лошадей и повозок, то следует указать на прилагаемое донесение коменданта местечка Лампово, причем нужно решительно подчеркнуть, что это самый богатый и до сих пор наиболее сохранившийся населенный пункт во всем районе расположения армии».

Несмотря на то что это сообщение поступило в штаб подсудимого, он подписал 30 ноября 1943 года следующий приказ по 16-й армии:

«1. Население оккупированной русской территории к востоку от линии «Пантера», кроме рабочей силы, которая нужна вермахту, должно быть в *ускоренном порядке* эвакуировано. В первую очередь должно быть собрано работоспособное население, в случае необходимости — вне зависимости от семейных связей, и вместе с лошадьми и скотом отправлено к западу от линии «Пантера». Для ненадежного населения, подозреваемого в поддержке банд, следует ждать создания сборных лагерей на Востоке...

7. Всем военным комендатурам и служебным инстанциям я вменяю в обязанность проведение вышеуказанных мероприятий и постоянное наблюдение за их ходом. Они должны помнить, что упущения налагают на них тяжелую ответственность, затрудняют ведение войны и стоят немцам крови».

Кроме упомянутых здесь документов, имеется еще много других, подтверждающих беспощадную политику третьего рейха в вопросе о наборе рабочих, и многие предъявленные трибуналу документы говорят о страданиях, которые явились результатом этой политики.

Цитируемые выше документы, многие из которых скреплены подписью подсудимого фон Кюхлера, с пол-

¹ Город Кингисепп

ной несомненностью доказывают, с какой жестокостью он принимал участие в осуществлении этой программы и как беспощадно, вопреки требованиям гуманности и законам войны он угонял сотни тысяч беспомощных людей от их очагов. Кроме того, в нарушение принципов международного права он противозаконно использовал гражданское население на работах, которые были непосредственно связаны с ведением войны.

Различные мотивы, которые приводил подсудимый в оправдание указанных действий, совершенно неубедительны и не могут быть приняты во внимание трибуналом.

6. Разграбление общественной и частной собственности

Результаты судебного следствия не смогли полностью убедить трибунал в том, что подсудимый виновен в разграблении общественной и частной собственности.

7. Убийства, жестокое обращение и преследования гражданских лиц

8. Выполнение приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Эти два пункта трибунал рассмотрит вместе.

Суд уже рассмотрел вопрос о противозаконных целях приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Подсудимый получил этот приказ и передал его, не предприняв никаких шагов, для того чтобы помешать его противозаконному выполнению. Части, находившиеся в подчинении у подсудимого, проводили в жизнь этот приказ, применяя методы, противоречащие праву.

Подчиненные Кюхлеру части казнили гражданских лиц без суда за то, что они были коммунистами или цыганами, были настроены враждебно к немцам или «подозревались» в том, что оказывают поддержку партизанам; людей казнили и за то, что они распространяли антинемецкую пропаганду, слушали Московское радио, передавали сообщения о немецких зверствах, казнили за отказ от работы и по другим мотивам.

В июле 1942 года на одном заседании, где присутствовали Гитлер, Кейтель, Геринг и другие, Гитлер заявил: «Теперь русские отдали приказ о развертывании партизанской деятельности за нашей линией фронта. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас».

Приказ «Об особой посудности в районе «Барбаросса» и явился средством осуществления этой цели. Казни без суда производились после того, как офицер, имевший зачастую лишь чин лейтенанта, производил допрос на месте. 5 марта 1942 года штаб I армейского корпуса группы армий «Север» издал приказ, в котором предписывалось, что «в особых условиях этой войны серьезного подозрения в большинстве случаев будет достаточно», чтобы оправдать казнь заподозренных лиц. Юридическую процедуру заменили жестокостью, а место доказательства вины заняло простое подозрение.

В дневнике Гальдера 26 сентября 1941 года имеется следующая запись:

«Психиатрические лечебницы в районе группы армий «Север». Русские считают слабоумие признаком святости. Тем не менее умерщвление необходимо».

В районе, занятом 18-й армией, находившейся под командованием подсудимого, имелась лечебница, в которой были помещены 230 психически больных и страдавших другими болезнями женщин. После обсуждения, в ходе которого было высказано мнение, что «по немецким понятиям» этим несчастным «не стоило больше жить», было внесено предложение ликвидировать их. Запись в журнале боевых действий XXVIII армейского корпуса за 25—26 декабря 1941 года показывает, что «командующий согласился с таким решением» и распорядился о его проведении в жизнь силами СД. Несмотря на то что Кюхлер все отрицает, трибунал убежден, что эта мера была проведена с его ведома, одобрения и согласия. Трибунал не верит подсудимому, что эта страшная запись была сделана, как он утверждает, каким-нибудь молодым переутомившимся офицером. Эта акция служит доказательством сознательного проведения государственной политики, которая была хорошо известна подсудимому, а также всему миру.

Трибунал считает, что, за исключением уже рассмотренных выше случаев, представленных доказательств недостаточно, для того чтобы установить уголовную ответственность фон Кюхлера за операции по истреблению людей, проводившиеся оперативной группой «А» в районе, на который распространилась его командная власть, — в основном по тем же самым мотивам, по которым настоящим приговором освобожден от ответственности по этому пункту фон Лееб.

Для действий частей, подчинявшихся подсудимому, характерны обычные методы преследования евреев. Трибунал убежден, что подсудимый знал об этих действиях и одобрял их. Еще в июле 1940 года он издал приказ, в котором говорится:

«2. Я прошу далее действовать в том смысле, чтобы каждый солдат армии и особенно каждый офицер воздерживались от критики проводимой в генерал-губернаторстве¹ национальной борьбы, например обращения с польскими меньшинствами, с евреями, а также политики в делах церкви. Для того чтобы окончательно и в национальном духе разрешить национальную борьбу, кипевшую на восточной границе в течение столетий, необходимы крутые, решительные меры.

Определенные органы партии и государства уполномочены вести эту национальную борьбу на Востоке.

Поэтому солдат должен стоять в стороне от этих задач, выполняемых другими частями. Он не должен вмешиваться в их выполнение также и путем критики этих задач.

Особенно необходимо начать сейчас же разъяснение этих вопросов солдатам, которые в данное время прибывают на Восток с Запада, поскольку до них могут дойти слухи и неправильные представления относительно целей и смысла этой национальной борьбы».

Здесь отношение к еврейскому вопросу выступает совершенно отчетливо.

10 октября 1941 года 18-я армия передала дальше пресловутый приказ Рейхенау. Он настолько бесчеловечен, что здесь следует привести его. Приказ гласит:

¹ Так гитлеровцы именовали временно оккупированную ими территорию Польши.

«Содержание: О поведении войск на Востоке.

По вопросу отношения войск к большевистской системе имеются еще во многих случаях неясные представления. Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру. В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина.

К борьбе с врагом за линией фронта все еще относятся недостаточно серьезно. Коварных, жестоких партизан и выродков женщин все еще берут в плен; к одетым лишь наполовину в военную форму или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще, как к настоящим солдатам, и отправляют их в лагеря для военнопленных. Более того, пленные русские офицеры с язвительной усмешкой рассказывают, что агенты Советов свободно ходят по дорогам и часто питаются из походных немецких кухонь. Такое поведение войск можно объяснить только полнейшим легкомыслием. Руководству сейчас своевременно разъяснить смысл происходящей борьбы. Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и что руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если речь идет о трофеях. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Для сохранения важного в военно-хозяйственном отношении сырья и промышленных объектов руководство даст специальные указания.

Необходимо полное разоружение населения в тылу сражающейся части, принимая во внимание протяженность и уязвимость путей подвоза. Где возможно, прятать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если же условия боя не позволяют этого, то оружие и бое-

припасы выводить из строя. В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан применять в отношении их решительные и драконовские меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений. Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуются на то, что с ними обращаются как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженных сил.

2. Беспощадное искоренение вражеской хитрости и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни военнослужащих германской армии в России.

Только таким путем мы сможем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности».

Следует ли удивляться тому, что начались преследования, если командующие армиями издавали такие подстрекательские приказы?

Командование 18-й армии и подчиненных ему частей издали несколько аналогичных приказов. В них предписывалось, чтобы евреи носили отличительные знаки в форме повязок и жили в закрытых гетто. Трибунал убежден, что подсудимый знал обо всех этих мероприятиях и одобрял их.

На основании результатов судебного следствия трибунал признает Кюхлера виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

ГЕРМАН ГОТ

Герман Гот родился в 1885 году, участвовал в первой мировой войне, занимая различные должности, после войны остался в рейхсвере. В 1938 году генерал-лейтенант Гот командовал 18-й дивизией, вступившей в Судетскую область, вскоре после этого он был назначен командиром вновь сформированного XV танкового корпуса, состоявшего из трех дивизий сокращенного состава. Будучи командиром этого корпуса, в сентябре 1939 года вступил в Польшу. После завершения польской кампании Гот командовал танковой группой во время нападения на Францию и захватил Брест и Бордо, в январе 1940 года был произведен в генерал-полковники, а XV танковый корпус был преобразован в 3-ю танковую группу. При планировании русской кампании 3-ю танковую группу включили в группу армий «Центр»: сначала она была подчинена 9-й, а потом — 4-й армии. Гот командовал 3-й танковой группой до 9 октября 1941 года; 10 октября 1941 года был назначен командующим 17-й армией, входившей в группу армий «Юг»; 15 мая 1942 года — командующим 4-й танковой армией и занимал этот пост до своего перевода в резерв командного состава 12 октября 1943 года.

Готу предъявлены обвинения по всем четырем разделам обвинительного заключения. Разделы I и IV уже обсуждались в другом месте настоящего приговора.

По разделу II обвинительного заключения Готу инкриминируются военные преступления и преступления против человечности, а именно преступления в отношении военнопленных вражеских армий и военнопленных.

1. «Приказ о комиссарах»

31 марта 1941 года на совещании в имперской канцелярии, где присутствовал и Гот, Гитлер выступил с заявлением по вопросу о характере ведения войны против России и о плане истребления комиссаров. Следовательно, Гот заранее знал о преступных замыслах Гитлера в случае войны с Россией.

«Приказ о комиссарах» был получен танковой группой, которой командовал Гот, перед началом русской кампании. По поводу этого приказа он показывает следующее:

«При всем желании я не могу сейчас вспомнить, при каких обстоятельствах и когда я передал приказ генералам, командовавшим обоими танковыми корпусами. Я много об этом думал; нет, не знаю. То, что он был мною передан, не подлежит никакому сомнению».

Далее Гот показывает, что он-де ожидал со стороны комиссаров нарушений норм международного права, но не был согласен с тем, что их следует расстреливать только за то, что они были комиссарами. На данном процессе никто не утверждал, что комиссары, которых иногда называли также политруками, не принадлежали к армии и не были солдатами. Точно так же не утверждалось, что они якобы не отвечали всем требованиям, которые предъявляют Гаагская конвенция и международное право к законным участникам войны. По своему содержанию «приказ о комиссарах» был недвусмысленным указанием о расстрелах взятых в плен солдат противника, с которыми с точки зрения международного права следовало обращаться, как с военнопленными. Поэтому «приказ о комиссарах» является приказом об убийствах. Его преступный характер можно было распознать сразу. Гот передал этот приказ подчиненным частям, следовательно, он совершил международное преступление. Поскольку эти части совершили предписанные им данным приказом преступные действия, вышестоящий начальник несет за них уголовную ответственность, так как он отдал распоряжение об этих действиях.

В свою защиту Гот выдвигает то обстоятельство, что он получил приказ от своего начальника Браухича и только передал его дальше и что он не пытался ни подчеркивать важность этого приказа, ни смягчить его действие. Кроме того, он заявил, что не предполагал, будто Гитлер может потребовать от своих командиров совершить что-либо противозаконное. Гитлер, заявил он, был главой государства, и потому приказ, исходивший от Гитлера, лишал силы статью 47 германского военно-уголовного кодекса, которая гласит, что ни один офицер не должен выполнять явно преступный приказ и что он подлежит наказанию, если все-таки его выполнит. Дальнейшие показания Гота сводятся к тому, что он-де был уверен в том, будто в головах его подчиненных имелись некие электронные брауновы трубки и потому они якобы могли уловить волны неодобрения [приказа.—Ред.], исходившие от его особы, известной своим благородством. Он полагал, что у этих подчиненных хватит мужества не подчиниться приказу — мужества, которым он сам не обладал. Как уже указывалось в другом разделе обоснования данного приговора, приказ сверху не является оправданием, однако при определенных обстоятельствах он может послужить основанием для смягчения наказания. Однако простая невысказанная надежда на то, что отданный подчиненному преступный приказ не будет выполнен, не может служить ни оправданием, ни основанием для смягчения наказания. Документы подтверждают, что либо «излучение» характера подсудимого было слишком слабым, либо головы его подчиненных — недостаточно чувствительными, чтобы его воспринять.

22 июня 1941 года, в первый день русской кампании, 20-я пехотная дивизия сообщила о расстреле одного комиссара. На следующий день та же дивизия доносила о расстреле еще одного комиссара. Было бы в высшей степени странно видеть сведения о таких расстрелах в донесениях, если бы комиссары были убиты в бою. Объяснить это можно только тем, что ранее изданный приказ предписывал подавать такого рода донесения. Существование «приказа о комиссарах» естественно и логично объясняет факт представления таких сообщений. Ведь в нем не говорится ни одного слова о том, что следует сообщать о людях, убитых в бою.

30 июня 1941 года в районе действий 12-й танковой дивизии, которая была подчинена Готу, был взят в плен и расстрелян комиссар в чине полковника.

6 июля 1941 года командование 20-й танковой дивизии, подчиненной Готу, в своем отчете о действиях упоминает о допросе и расстреле еще одного комиссара. 19 июля, отвечая на запрос XXXI армейского корпуса, бывшего в подчинении у Гота, эта дивизия сообщает, что начиная с 5 июля 1941 года в ее районе было расстреляно около 20 комиссаров. 26 июля 1941 года был расстрелян один политический комиссар.

17 июля 1941 года 3-я танковая группа сообщила о расстреле двух комиссаров. В сообщении от 18 июля говорится:

«Донесение о числе ликвидированных комиссаров еще не получено. Пока число захваченных и *ликвидированных комиссаров*, по-видимому, очень незначительно (примерно 50)».

Это сообщение было сделано начальником штаба танковой группы.

Отчет начальника разведки 3-й танковой группы за июнь — июль 1941 года содержит следующий абзац:

«В первые недели войны политические комиссары и офицеры попадали в плен редко. До начала августа во всем районе действий группы было взято в плен около 170 политических комиссаров (в составе войск). Армейские корпуса сообщили об их эвакуации особым порядком. Осуществление ее не составило для войск никаких трудностей».

Этот отчет о действиях был представлен Готу. Другая выдержка из отчета показывает, что 25 сентября 1941 года Гот видел его и сделал на нем свои пометки. Из следующего абзаца этого отчета становится ясно, что произошло со 170 комиссарами, которые были взяты в плен и о которых говорилось, что «армейские корпуса сообщили об их эвакуации особым порядком»:

«Особое обращение с политическими комиссарами со стороны армии привело к тому, что сведения об этом

скоро проникли к русским и их воля к сопротивлению усилилась. Для того чтобы избежать огласки, следовало бы осуществлять особое обращение только в лагерях, расположенных в глубоком тылу. Большинство пленных красноармейцев и офицеров также верят в существование такого особого обращения, так как им сообщают об этом в служебных приказах. Кроме того, это становится известно от бежавших политических комиссаров».

Этот абзац имеет значение, потому что он показывает, как практически выполнялся «приказ о комиссарах». Было бы бессмысленно упоминать о желательности проведения мер по особому обращению в глубоком тылу с целью помешать разглашению сведений об этом методе, если бы фактически не существовало никакого особого обращения, о котором могли бы узнать русские.

В инструкции от 8 августа 1941 года, разосланной начальником штаба 3-й танковой группы, которой командовал Гот, говорится:

«В соответствии с новыми советскими правилами все полки и дивизии, а также крупные штабы имеют *военных комиссаров* (прежде — политические комиссары), а роты, батареи и эскадроны — *политических руководителей* (политруков), которые также подходят под определение «военные комиссары». Отдельные запросы из частей вызывают необходимость указать, что в обращении с этими людьми *ничего не изменилось*».

Этот документ показывает, что «телепатическое отклонение» Готом «приказа о комиссарах» не проникло даже в сознание его начальника штаба. В свете этой инструкции становится чрезвычайно сомнительным предположение о том, что подчиненные инстанции догадались о несогласии Гота с «приказом о комиссарах». Ведь в ней говорится, что разъяснение дается в ответ на запросы частей.

25 ноября 1941 года Гот, командовавший тогда 17-й армией, отдал через своего начальника штаба распоряжение об организации концентрационного лагеря. К этому распоряжению были приложены директивы об обращении с заключенными лагеря. В них говорится:

«Комиссары должны передаваться для особого обращения».

Гот передал дальше «приказ о комиссарах», и с его ведома и одобрения этот приказ беспощадно проводился в жизнь подчиненными ему частями.

2. Обращение с военнопленными в районе, на который распространялась командная власть Гота

Сведения об общем положении военнопленных в районе действий 17-й армии, которой командовал Гот, содержатся в докладе оберквартирмейстера его армии от 25 ноября 1941 года. Гот принял командование 17-й армией 10 октября 1941 года. Поскольку доклад охватывает время с начала войны по 25 ноября 1941 года, подсудимому Готу нельзя инкриминировать все перечисленные в нем преступления. В докладе не упомянуто, когда был произведен расстрел 400 пленных — до или после назначения Гота командующим. Следующие абзацы доклада характеризуют общее положение и потому имеют важное значение:

«Военнопленных, находящихся в настоящее время в районе расположения армии, нельзя эвакуировать, так как они нужны для формирования рот из военнопленных, которые будут обслуживать железные дороги, а также строительных батальонов.

С момента начала операций до 15.11.41 частями армии расстреляно около 400 военнопленных. Данных относительно умерших и бежавших не имеется.

Нормы продовольственного снабжения, предписанные распоряжением ОКХ от 21 октября 1941 года, само собой разумеется, военнопленным ни разу не были выданы. Питание военнопленных можно было обеспечить только за счет обнаруженных местных запасов. Приготовление пищи связано с дополнительными трудностями, так как военнопленные только в редчайших случаях привозили с собой полевые кухни. Даже собственные войска вынуждены были из-за транспортных затруднений жить за счет местных ресурсов. Полагающиеся им нормы приходилось в течение продолжительного времени сокращать наполовину.

Состояние одежды военнопленных неудовлетворительное, в первую очередь обуви; нижнее белье у части военнопленных отсутствует совершенно. Это особенно заметно во время работы в зимних условиях. Улучшение состояния одежды можно обеспечить только в том случае, если у военнопленных, подлежащих эвакуации в тыловой район армии, будут отбираться все лишние предметы одежды и передаваться армиям по их требованию.

При пересыльных лагерях созданы почилочные мастерские. Не хватает принадлежностей и инструментов. Умерших и расстрелянных хоронят голыми, а их одежда используется вновь.

При теперешних контингентах военнопленных размещение их под крышей совершенно исключено. Военнопленные сами складывают печи из кирпичей.

При использовании на работах положение улучшается, так как эти военнопленные получают дополнительное количество продовольствия. При существующем недостатке жиров и белков смертность в зимние месяцы возрастает. Отмечено много случаев воспаления легких и серьезных кишечных заболеваний. После того как было захвачено в плен большое количество людей во время битвы в районе восточнее Киева, где при очень плохой погоде удалось разместить в сараях только часть военнопленных, ежедневная смертность достигала одного процента».

Правда, нельзя с полной уверенностью ставить в вину Готу все эти факты, поскольку часть замечаний, сделанных в докладе, относится к обстоятельствам, имевшим место до его вступления в должность, однако доказано, что Гот несет ответственность за отдельные факты. Из первого абзаца цитированного выше доклада видно, что военнопленных не эвакуировали, ввиду того что они нужны были армии в качестве рабочих. Даже если предположить, что пленных использовали только на работах, разрешаемых военным правом, то все-таки было незаконно задерживать их в армейском тылу, даже если исходить из толкования ответственности, данного самим Готом, который заявил, что вынужден был кормить военнопленных хотя бы потому, что он использовал их как рабочую силу.

Как видно из доклада, нормы продовольственного снабжения для военнопленных, предписанные распоряжением ОКХ от 21 октября 1941 года, то есть спустя одиннадцать дней, после того как Гот принял командование 17-й армией, «само собой разумеется, военнопленным ни разу не были выданы». Распоряжение действительно подтверждает, что армия также ощущала недостаток в продовольствии. Как солдат, так и военнопленных задерживали для производства работ, причем они не получали достаточного количества продовольствия, необходимого для поддержания их сил. Это было 25 ноября: русская зима, о суровых условиях которой так часто говорят, стояла на пороге. Пленные были плохо одеты. В докладе сделан естественный вывод, что недостаток одежды особенно дает себя знать при работах в зимних условиях. Одежды было так мало, что расстрелянных и умерших перед захоронением раздевали догола.

«При теперешних контингентах военнопленных размещение их под крышей совершенно исключено», — гласит другой абзац доклада. «Приготовление пищи связано с дополнительными трудностями, так как военнопленные только в редчайших случаях привозили с собой полевые кухни». С точки зрения международного права было недопустимо задерживать военнопленных для использования на работах в таких нечеловеческих условиях. Гот был обязан позаботиться о том, чтобы их отправили туда, где они получали бы полагающееся им снабжение. Хотя Гот частично принял дела в таком положении от своего предшественника, однако доказано, что пренебрежительное отношение к судьбе военнопленных продолжалось и после того, как он принял на себя ответственность. Именно он задерживал пленных в районе, на который распространялась его командная власть, чтобы по-прежнему заставлять их работать в описанных выше условиях.

Выступая в качестве свидетеля по собственному делу, Гот заявил, что плохое состояние военнопленных в момент их пленения объясняется якобы их «упрямством» и «недостатком способности к правильным суждениям», ибо они не сдавались, хотя их положение было безнадежно. Если учесть обращение, которому они подвергались после сдачи в плен, то становится ясно, что разница

была невелика: продолжать безнадежную борьбу и погибать с голоду или сдаться в плен и потом оказаться в лагере 17-й армии, где ежедневная смертность достигала одного процента.

В своих показаниях Гот признал, что на нем лежала ответственность за снабжение военнопленных в своем районе. В этих показаниях говорится:

«...так как я использовал этих военнопленных на работах, я должен был их и кормить».

Документы, предъявленные на данном процессе, показывают, что части, подчиненные 17-й армии, которой командовал Гот, а позже части, подчиненные 4-й танковой армии, также находившейся под его командованием, использовали военнопленных на ремонте дорог и железнодорожных линий, на работах, которые производили строительные батальоны, и на рытье противотанковых рвов. Документы подтверждают также, что 1 августа 1943 года 2071 военнопленный был занят на работах по доставке снабжения войскам, 4 октября 1943 года 24 военнопленных работали на погрузке боеприпасов. 3 августа 1943 года 11-я танковая дивизия сообщала, что вырыты противотанковые рвы длиной 696 метров и что предстоит вырыть еще 600 метров, для чего предполагается использовать 586 военнопленных.

Использование военнопленных на погрузке боеприпасов является преступным нарушением норм международного права. В другом месте приговора был рассмотрен вопрос о том, какие работы могут производить военнопленные и какие виды работ им запрещены. Кроме одного случая, когда военнопленных использовали при погрузке боеприпасов, материалы, представленные по делу Гота, не доказывают, по мнению трибунала, что военнопленных использовали противозаконно. По-видимому, они не использовались ни на фронте, ни в опасной зоне.

Донесение, направленное 15 июля 1941 года 20-й танковой дивизии, содержит следующие абзацы:

«При планомерном прочесывании города 15.7.41 батальон захватил двух солдат ГПУ. 15.7 рано утром деревообделочная фабрика в северной части города загорелась вновь, после того как пожар в городе был полно-

стью потушен. Весьма вероятно, что новый поджог был совершен сотрудниками ГПУ. Для устрашения населения оба солдата ГПУ были расстреляны».

Тот факт, что сотрудники ГПУ были солдатами и с ними полагалось соответственно обращаться, подтверждается и сообщением в информационном бюллетене находившейся в подчинении у Гота 3-й танковой группы от 8 августа 1941 года, где об этом говорится совершенно определенно.

9 сентября 1941 года «четверо чрезвычайно подозрительных красноармейцев, захваченных в Дьяково, расположенном ближе всего от места нападения», были расстреляны. Происшествием, на которое здесь ссылаются, был огневой налет на две автомашины 3-го полка танковой разведки 10 или 20 партизан, из которых ни один не был задержан. Трудно расценить это иначе, нежели как простое убийство военнопленных в качестве меры устрашения.

Упомянутые здесь донесения показывают, что убийства военнопленных по приведенным в них мотивам были не простыми эксцессами, а производились в соответствии с данными директивами. В противном случае было бы трудно поверить, что нижестоящие командиры, направляющие эти донесения, стали бы докладывать о расстрелах или упоминать о них в документах, не отмечая одновременно мер, принятых против виновников расправы.

29 октября 1941 года в журнале боевых действий оберквартирмейстера 17-й армии, которой командовал Гот, появилась следующая запись:

«Самой целесообразной мерой против бомб замедленного действия, заложенных врагом, оказалось размещение в занятых нашими войсками зданиях групп военнопленных, захваченных в данном районе, а также местных жителей. Опыт показал, что в результате этой меры пленные или местные жители в самое короткое время отыскивают и обезвреживают бомбы замедленного действия».

Использование военнопленных в качестве заслона для войск является преступным нарушением норм международного права.

Гот утверждает, что он никогда не отдавал такого приказа и не может поверить, чтобы нечто подобное когда-либо происходило в его армии. Однако он признает, что имел сведения о таких случаях в районе, где действовала другая армия, но полагал, будто его оберквартирмейстер, докладывая о них, имел в виду эту другую армию.

3. Военные преступления и преступления против человечности в отношении гражданского населения

На данном процессе часто упоминался пресловутый приказ Рейхенау. Этот приказ с приложенным к нему письмом от 12 октября 1941 года был передан командованием группы армий «Юг» через фон Рундштедта для сведения 17-й армии Гота, и последний показал, что он этот приказ получил.

17 ноября 1941 года Гот издал аналогичный, подписанный им приказ, в котором он говорит на языке Гитлера и выражает свое одобрение беспощадной политике эксплуатации, направленной против страны и ее населения.

Документы отчетливо показывают, что в целом Гот действовал по отношению к населению беспощадно и жестоко. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», который трибунал в другом месте определил как противозаконный документ, был разослан Готом.

Было совершенно очевидно, что, если не принять самые серьезные меры против злоупотреблений, противозаконное применение этого приказа значительно облегчалось.

Гот показал:

«Я получил приказ и передал его подчиненным мне войскам».

Судебным следствием не было установлено, что при передаче предпринимались какие-либо шаги для предотвращения злоупотреблений. 25 сентября 1941 года 3-я танковая группа представила отчет о действиях за январь — июль 1941 года. В этом отчете говорится, что 11 июня 1941 года начальник разведки и военный прокурор 3-й танковой группы Гота были вызваны генерал-лейтенантом Мюллером (генерал для особых поручений)

в Варшаву на совещание по поводу приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». На отчете имеется написанная от руки пометка: «Просмотрено 25 сентября 1941 года» — и подпись: «Гот». В разделе, озаглавленном «Правовые вопросы», говорится следующее:

«11 июня начальник разведывательного отдела и военный прокурор группы были откомандированы в Варшаву на совещание у генерала для особых поручений Мюллера при главном командовании сухопутных сил. После того как был зачитан приказ фюрера, Мюллер заявил, что в ходе предстоящих операций при сложившихся обстоятельствах правосознание должно уступить место военной необходимости.

Один из противников должен быть уничтожен. Носителей враждебной идеологии нужно не сохранять, а ликвидировать.

Под понятие «партизан» подпадает каждый, кто, будучи гражданским лицом, затрудняет сам или подстрекает других затруднять действия германских вооруженных сил (например, подстрекатели, распространители листовок, лица, не выполняющие распоряжений немецких властей, поджигатели, лица, уничтожающие дорожные знаки, запасы и пр.).

Меры наказания. Принцип: немедленно, во всяком случае, процедуру не откладывать. В отношении отдельных лиц, не совершивших серьезных проступков, при известных обстоятельствах можно ограничиться поркой. Суровые условия этой войны требуют суровых наказаний.

В сомнительных случаях зачастую достаточно одного подозрения. Убедительные доказательства часто невозможно получить».

Гот показал, что военный прокурор, присутствовавший на совещании в Варшаве, по всей вероятности, по возвращении сделал ему установленное правилами сообщение. Он отрицал, что ему было что-либо известно о данных, содержащихся в вышеупомянутом отчете, и заявил, что не может припомнить, читал ли он этот отчет. Если бы Гот даже и не знал заранее, что проведение в жизнь этого приказа преследовало преступные цели, он должен был бы убедиться в этом, читая официальное

толкование приказа, а члены трибунала убеждены, что он его читал. И это толкование было воспринято, несмотря на так называемый дисциплинарный приказ Браухича, который, как утверждали, должен был смягчить действие приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Тот факт, что противозаконный характер применения этого приказа был совершенно ясен, подтверждается одним отчетом о действиях и указаниями начальника разведки 3-й танковой группы Гота от 3 июля 1941 года, в которых говорится:

«В случаях, когда относительно гражданских лиц есть доказательства или обоснованные подозрения, что это солдаты, направленные на выполнение шпионских и диверсионных задач, или когда речь идет о людях, которые, будучи одетыми в гражданскую одежду, поддерживают или сами предпринимают действия против германской армии, их следует после отделения от остальных задержанных расстреливать по приказу офицера».

В сопроводительном письме, посланном 7 декабря 1941 года командованием 257-й пехотной дивизии, входившей в 17-ю армию Гота, читаем следующее:

«К сему прилагается *составленная армией выдержка*, касающаяся методов и формы проведения допросов партизан. Брать ее с собой на операции не разрешается». (Выделено судом.)

Когда Гот давал свидетельские показания и ему был задан вопрос, не подразумевается ли в данном случае 17-я армия, он ответил: «Кажется, да». Какого рода была эта директива и какие эксцессы она предписывала, становится ясно из следующих выдержек:

«В. При допросах следует руководствоваться директивой:

Еще не было ни одного случая, чтобы допрашиваемый выдал хотя бы одного человека, пока к нему не применили суровых мер. Поэтому следует учитывать следующее:

Все допрашиваемые должны быть предупреждены самым суровым образом о необходимости говорить правду. Они... заранее знают, что их будут избивать. Следую-

щие категории людей следует сначала настойчиво допрашивать (25 ударов по седалищу: для женщин — резиновой трубкой, для мужчин — кнутом или резиновой дубинкой): (Последняя фраза в оригинале перечеркнута от руки крестом. Согласно более позднему приказу эти указания уничтожались, чтобы они не попали в руки противника.)

1. Командиров взводов и отделений истребительных батальонов.

2. Возвратившихся руководителей колхозов и местных органов власти.

3. Старых партизан.

4. Шоферов руководящих партийных работников.

После этого кто-либо из них даст показания относительно партизан, хотя допрашиваемый сначала делает вид, что ничего не знает. И, если теперь он начинает давать показания, его нужно подвергнуть более тщательному допросу (еще 25 ударов резиновой дубинкой или кнутом, причем во время порки непрерывно повторяется заданный вопрос и произносится: «Говори!»)

Например:

«Где находится командир партизанского отряда? Говори!» — и т. д. «Какие задания ты получил? Говори!» — и т. д. Допрашиваемый будет продолжать давать показания, и ему нужно нанести еще 25 ударов, предварительно потребовав от него, чтобы он рассказал все, что ему еще известно, а именно:

1. Где еще есть партизаны?

2. Кто ушел к партизанам?

3. Кто готовит пищу для партизан?

4. Где спрятаны склады боеприпасов и продовольствия?

5. Кто поддерживает связь с партизанами?

Во всех случаях самому строгому и подробному допросу следует подвергать с самого начала следующих лиц:

1. Всех партийных работников, особенно комиссаров и политруков.

2. Всех возвратившихся руководителей колхозов и местных органов власти.

Лиц, подвергнутых суровому и тщательному допросу, а также уже изобличенных (устроить очную ставку) в конце допроса следует ликвидировать».

То, что эта директива выполнялась, подтверждается фактом немедленной передачи ее штабом 257-й пехотной дивизии, и притом в форме приказа, почти целиком повторяющего ее текст.

Отчет о положении и действиях за период с 15 по 30 марта 1943 года, направленный XLIV корпусу, входившему тогда в 17-ю армию Гота, содержит следующие сообщения:

«Из общего числа лиц, переданных отряду по борьбе с партизанами (281 человек), были расстреляны: 12 — за запрещенное передвижение без удостоверений, 59 — как шпионы, 13 — за саботаж и уклонение от работы, 78 — как коммунисты и комсомольцы, 82 — как шпионы, 31 — за антинемецкую пропаганду, 1 — за кражу военного имущества и 5 евреев».

Отсюда вытекает, что отряды по борьбе с партизанами, одна из частей германской армии, расстреливали гражданских лиц за то, что они либо не имели официальных удостоверений, либо были коммунистами, либо были настроены против немцев, или были евреями, или отказывались работать.

3 декабря 1941 года 257-я пехотная дивизия, подчинявшаяся тогда 17-й армии Гота, издала следующую директиву относительно обращения с гражданским населением:

«с) Подавление и допросы следует проводить со всей строгостью, так как опыт показывает, что подозрительных элементов можно заставить давать показания только с помощью величайшей суровости. Расследование может быть вообще закончено лишь:

aa) освобождением;

bb) переводом в лагерь для военнопленных или в концентрационный лагерь;

cc) ликвидацией. Эта последняя предпринимается только в том случае, если невозможно ожидать дальнейших показаний. Особо важных партизан следует передавать разведывательному отделу дивизии. Ликвидациями, если они производятся не в бою и не при оказании сопротивления, руководят офицеры разведки».

7 декабря 1941 года штаб 257-й пехотной дивизии издал директиву о борьбе с партизанами, цитированную выше, в которой предписывалось, чтобы лиц, к которым это относилось, подвергали допросу «третьей степени» и немедленно приканчивали, если от них уже нельзя было больше получить никаких сведений. Тот факт, что эти жестокие директивы были предназначены для войск, вытекает из разъяснения, данного в сопроводительном письме, где говорится:

«...Что касается других вопросов и подробностей, то о них будут даны указания отрядам по борьбе с партизанами».

Как показал сам Гот, он покинул 17-ю армию примерно в середине апреля 1942 года. Из приведенного выше документа вытекает, что подобные методы продолжали применяться до середины мая, то есть в течение еще одного месяца после того как Гот сложил с себя командование 17-й армией.

Сообщение, которое содержится в упомянутом выше документе и относится к периоду до 15 апреля, показывает, что по различным мотивам, приведенным в нем, было расстреляно 114 человек.

9 сентября 1941 года начальник штаба Гота издал приказ о борьбе с партизанами, который гласил:

«Для того чтобы как можно скорее захватить безвредных попутчиков партизан, было бы целесообразно вначале в присутствии гражданского населения обращаться с ними подчеркнуто хорошо (снабжение, сигареты), чтобы слухи об этом разнеслись вокруг и пропал страх перед добровольной явкой. Таким образом, *расстрелы должны производиться далеко в стороне и незаметно, поскольку будет обоснованное подозрение в партизанской деятельности.* В других случаях эвакуация, как военнопленных. (Выделено судом.)

В случаях, когда у партизан будет найдено оружие или будут предприняты открытые выступления против германской армии, партизан следует расстреливать или вешать по приказу офицера, а гражданскому населению каким-нибудь подходящим образом сообщать о причине казни (например, партизану вешают на шею доску с

надписью: «Так будет с каждым, кто спилит телеграфный столб»). Точно так же следует поступать и с местными жителями, оказывающими поддержку партизанам».

Отсюда вытекает, что при проведении в жизнь приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» понятие «партизан» толковалось так широко, как это предписывал Мюллер в изложении приказа.

Доказано, что части, подчинявшиеся Готу в то время, когда он занимал различные командные посты, проводили расстрелы по простому подозрению или в качестве возмездия в следующих случаях:

«19.9 в районе Пашково были схвачены и расстреляны 2 очень подозрительных человека, по-видимому партизаны».

И далее:

«В сражении за Братскую Землю против нас выступало также и гражданское население. Было отдано и приведено в исполнение распоряжение о расстреле всех мужчин — гражданских лиц старше 15 лет».

Гот показал, что во время этой акции было расстреляно примерно 50 человек.

В утренней сводке, направленной 7 марта 1942 года начальником разведки IV корпусу, который подчинялся 17-й армии Гота, указывалось, что «...10 гражданских лиц были расстреляны публично в Новоалександровке в связи с тем, что 2 гражданских лица напали на офицера (офицер был легко ранен)».

Утренние сводки, адресованные подчиненному 17-й армии XXXIV корпусу, за период с 13 декабря 1941 года по 10 марта 1942 года содержат следующие сообщения:

«Гражданские лица стреляли в немецкого часового в Шабельковке. В качестве меры возмездия были расстреляны 5 заложников».

17 июля 1941 года штаб XIII корпуса докладывал штабу 17-й армии, которой командовал Гот:

«8 евреев и 2 поляка расстреляны в качестве меры возмездия за повреждение телефонной связи».

Поскольку Гот 28 ноября 1943 года на некоторое время был освобожден от должности, весьма возможно, что он не читал сообщения, которое приводится ниже. Речь идет о телеграмме, датированной 27 ноября и направленной II участком охранения штабу 4-й танковой армии. Гот заявлял, что он стал бы возражать против взятия заложников, так как на Украине это мероприятие было бы нецелесообразным. Сообщение гласит:

«Так как взрывы бомб в районе Чуднов — Мирополье происходят все чаще, следует применить против этого самые крутые меры. В населенных пунктах Чуднов и Мирополье в ближайшее время должны быть взяты в качестве заложников по 15 мужчин. С помощью объявлений, напечатанных на немецком и украинском языках, нужно довести до сведения населения этих местностей, что в случае новых покушений за каждого убитого немца будут расстреляны 3, а за каждого раненого немца — 1 заложник. Расстрелы не будут произведены, если виновники в течение 12 часов будут доставлены военным властям.

Приказываю в случае новых взрывов бомб расстреливать указанное число заложников.

Жители населенных пунктов Чуднов и Мирополье должны создать постоянные команды, которые будут непрерывно обследовать дорогу в поисках заложённых мин.

Донесения о взятии заложников, расстрелах и о минах, заложённых населением, следует ежедневно направлять вместе с ежедневным отчетом коменданту армейского тылового района 585. Через имеющихся в этом районе осведомителей необходимо всеми средствами стараться разведать местонахождение банды, закладывающей мины, чтобы можно было провести более крупную операцию для ее уничтожения».

Невозможно с полной уверенностью сказать, что это сообщение увеличивает вину Гота, поскольку он его, вероятно, не получил и, следовательно, не мог издать приказа в противовес ему. С другой стороны, однако, это сообщение по своему содержанию полностью соответствует общей тенденции, характерной для всего периода, когда Гот занимал командные должности.

Указания XLIV армейского корпуса, входившего тогда в танковую группу Гота, изданные 9 сентября 1941 года, содержат следующее:

«В случае если будут наблюдаться *диверсионные акты*, вызывающие повреждение телефонных линий, железных дорог и т. д., следует ставить охрану из числа гражданского населения. При повторных случаях тот, кто охранял участок, где был совершен диверсионный акт, должен быть расстрелян. В охрану можно брать только людей, имеющих семьи, с тем чтобы в случае бегства можно было принять меры против их семей.

1. Во всех случаях, *когда установлен факт нападения на германскую армию, а также на военные и гражданские учреждения по снабжению*, следует в соответствии с данными положениями действовать с беспощадной жестокостью».

Гот показывает, что это был приказ по корпусу. Сам он о нем не знал, однако «в целом приказ отвечает тогдашнему положению и тогдашним требованиям». Гот заявляет, что он бы не одобрил расстрелов членов охраны.

4. Сотрудничество с СД

Как показывают документы, 14 декабря 1941 года служба безопасности (СД) провела в Артемовске массовый расстрел, жертвами которого стали 1224 еврея, 63 «политических подстрекателя» и 30 диверсантов и партизан. Этот город входил тогда в район, на который распространялась командная власть Гота. Об этом случае ему немедленно сообщили. Гот показал, что тогда он якобы упрекал своего начальника штаба в том, что тот не сообщил ему о присутствии СД в его районе. Начальник штаба якобы ответил, что уладит это дело. Он издал приказ, в котором говорилось, что «акции против евреев в Артемовске откладываются, пока не станет ясным положение на фронте».

Как показывают документы, приблизительно шесть недель спустя СД провела в Краматорске крупную операцию по «очистке». В этом городе была тогда расположена штаб-квартира Гота. Из документов не видно, были ли проведены в ходе операции казни. Не может быть никаких сомнений в том, что после случая в Ар-

темовске Гот знал, что СД выполняла не только полицейские функции, но и действовала как организация убийц. После того как это стало известно Готу, его собственная военная полиция, подчинявшаяся его приказам, систематически, как это доказано документами, передавала СД заключенных и евреев. После того как был ликвидирован концентрационный лагерь Гота — дулаг 180¹, служивший, как он заявляет, лишь сборным лагерем, — СД были переданы 35 заключенных и 25 больных из лагерного лазарета. Нет никаких данных о том, что СД была санитарной частью или располагала своим лазаретом.

После событий в Артемовске такие случаи передачи СД гражданских заключенных происходили постоянно до того времени, когда в середине апреля 1942 года Гот сдал командование 17-й армией. В течение этого времени СД поддерживала постоянную связь с начальником разведывательного отдела при штабе Гота. Когда он перенес свой штаб в другой пункт, вслед за ним туда переселилась и СД. Ни документы, ни показания свидетелей не дают никаких оснований предполагать, что подсудимый занимался вопросами, связанными с деятельностью СД, после того как передал их разрешение своему начальнику штаба, издавшему и вышеупомянутый приказ об отсрочке акций против евреев. Однако Гот обладал исполнительной властью, он был обязан заботиться о гражданском населении, а также и об арестованных гражданских лицах в районе, на который распространялась его командная власть. Несмотря на то что он знал о характере и задачах СД и несмотря на то что он обладал властью и был обязан пресечь действия СД, он ни о чем не побеспокоился и предоставил этой преступной организации возможность орудовать в его районе по ее усмотрению.

На основании результатов судебного следствия трибунал пришел к выводу, что подсудимый Гот в связи с вышеописанными событиями виновен по разделам II и III обвинительного заключения.

¹ В немецко-фашистском вермахте военнопленных из пересыльных лагерей, так называемых дулагов (Durchgangslager), направляли в постоянно действующие лагеря для рядового и сержантского состава, так называемые шталагы (Stammlager), и для офицеров, так называемые офлагы (Offizierslager). — *Прим. ред.*

ГАНС РЕЙНГАРДТ

Подсудимый Рейнгардт родился в 1887 году, командовал ротой во время первой мировой войны и после ее окончания остался на службе в рейхсвере. В чине генерал-лейтенанта и командира 4-й танковой дивизии он принял участие в польском походе, командовал XLI танковым корпусом во время вторжения в Бельгию и Голландию, с этим же корпусом вступил в Югославию. Русскую кампанию он начал, также будучи командиром XLI танкового корпуса, входившего тогда в группу армий «Север». 5 октября 1941 года Рейнгардт был назначен командующим танковой группой «Север» и сохранил этот пост до 16 августа 1944 года, когда его назначили главнокомандующим группой армий «Центр». В результате разногласий с Гитлером по поводу военных мероприятий был освобожден от этой должности 26 января 1945 года.

В 1940 году он получил звание генерала бронетанковых войск, а в 1942 году — генерал-полковника.

Подсудимому Рейнгардту инкриминируются преступления по всем четырем разделам обвинительного заключения. Разделы I и IV обвинения уже обсуждались, поэтому остается рассмотреть вопрос о его виновности по разделам II и III, которые касаются военных преступлений и преступлений против человечности. В раздел «Военные преступления» здесь входят преступления в отношении военнослужащих противника и военнопленных. Понятие «военные преступления и преступления против человечности» объединяет преступления против гражданских лиц.

1. «Приказ о комиссарах»

«Приказ о комиссарах» был передан генералом Гёпнером, командующим 4-й танковой группой, Рейнгардту,

а этот последний передал его устно своим командирам дивизий. Рейнгардт утверждает, будто при передаче приказа дивизиям он устно сообщил им, что приказ выполнять не следует. Далее, он показывает, что генерал Гёпнер не был согласен с приказом и что он, Рейнгардт, высказал ему свои возражения против приказа. После этого генерал Гёпнер якобы заявил протест штабу группы армий, которой командовал Лееб, и существует предположение, что этот протест был передан группой армий главнокомандующему сухопутными силами. Несмотря на эти якобы имевшиеся возражения против приказа, из подчиненных дивизий, как подтверждают документы, очень скоро начали поступать сообщения о казнях комиссаров; штаб корпуса передавал их дальше.

Русская кампания началась 22 июня 1941 года. 9 июля 269-я пехотная дивизия докладывала XLI корпусу, что казнены 34 политрука; в тот же день XLI корпус сообщил штабу 4-й танковой группы, что до 8 июля в районе, занятом корпусом, казнено в общем 97 политруков. Следовательно, остальные 63 ликвидированных комиссара должны быть, несомненно, отнесены на счет трех других дивизий корпуса, а именно 1-й и 6-й танковых дивизий и 36-й пехотной дивизии. 10 июля 1941 года 4-я танковая группа сообщала группе армий «Север», что до 8 июля 1941 года был казнен 101 комиссар. Из числа этих казненных политруков 97 были уничтожены XLI корпусом, которым командовал Рейнгардт, а остальные четверо — LVI армейским корпусом, входившим в 4-ю танковую группу. В период, к которому относится это сообщение, 4-я танковая группа состояла только из XLI и LVI армейских корпусов. Позже, за время до 19 июля, в районе 4-й танковой группы был казнен еще 71 комиссар. Рейнгардт утверждал на суде, будто он устно распорядился не выполнять этот приказ. Он выдвигал в свою защиту также и то обстоятельство, что все эти сообщения о казнях якобы взяты с потолка, и опирался при этом на показания свидетеля Брунса, начальника разведывательного отдела 4-й танковой группы, которой командовал Гёпнер, и Мюллера, адъютанта Брунса. Их показания выглядели бы более правдоподобно, если бы их утверждение о том, что Гёпнер выразил свое неодобрение по поводу «приказа о комиссарах», не опиралось на совершенно фантастические домыслы.

Они заявили, что Гёпнер выразил свое неодобрение по поводу приказа тем, что велел Брунсу зачитать его перед командирами корпусов и потом сделал несколько неодобрительных жестов. Мюллер высказался относительно формы отклонения Гёпнером приказа несколько яснее, однако, учитывая имеющиеся донесения, трибунал не может поверить, что в районе, на который распространялась командная власть Рейнгардта, на основании приказа не был расстрелян ни один комиссар.

Приказ был совершенно явно преступным, и передача его Гёпнером или Рейнгардтом противоречила как германским военным законам, так и, несомненно, нормам международного права. Если не считать международное право простой теорией, то офицеры, занимающие высокие командные посты, должны обладать мужеством, для того чтобы ясными и недвусмысленными действиями выразить свое неодобрение по поводу приказа, который толкает их на нарушения принципов международного права и на убийства. Дивизия, от которой высшее военное руководство требует представления данных о числе убитых комиссаров, могла дать только один достойный ответ командованию армейской группы, а именно что в дивизии не принято убивать военнопленных.

Утверждение о том, что сообщения о казнях якобы взяты с потолка, также можно в свою очередь считать взятым с потолка. Это подтверждается отчетом о действиях одной из дивизий, подчинявшихся Рейнгардту. 3 июля 1941 года, то есть до того, как появилась необходимость посылать какие-нибудь вымышленные сообщения, поскольку тогда руководство еще не требовало донесений по этому вопросу, 36-я пехотная дивизия отмечает, что были взяты в плен латышские и русские солдаты, и упоминает, что при продвижении вперед 2 политических комиссара были ликвидированы. 4 июля был убит 1 политический комиссар, выдававший себя за старшину. 6 июля были ликвидированы 3 комиссара, а 16 сентября был убит пленный политрук одного русского стрелкового полка. Невозможно отыскать какую-либо другую причину для сообщений о расстрелах этих 5 комиссаров в течение трех дней, кроме того, что эти казни действительно были произведены.

Отчет о действиях за январь 1942 г. 35-й пехотной дивизии, подчинявшейся Рейнгардту, содержит следующее:

«...Стремление продолжать борьбу объясняется главным образом тем, что в войсках противника преждевременно становится известно, как обращаются в немецком плену с комиссарами и политическими руководителями. Следует признать ошибкой упоминание об этом даже в сбрасываемых германскими войсками листовках. Было бы целесообразнее держать в тайне наше обращение с комиссарами. Для этой цели достаточно было бы переправлять их после изоляции в специально организованный корпусом лагерь и только там привлекать к ответственности».

Трибунал убежден в том, что Рейнгардт передал дальше преступный «приказ о комиссарах» и что он должен нести ответственность за выполнение приказа в районе, на который распространялась его командная власть.

2. «Приказ о командос»

В общих чертах трибунал рассмотрел этот преступный приказ в одной из предыдущих частей настоящего приговора. Копия приказа была направлена 3-й танковой армии. Запись в журнале боевых действий этой армии за 27 октября 1942 года показывает, что армия этот приказ получила. В то время Рейнгардт занимал пост командующего 3-й танковой армией. 28 октября подчиненный 3-й танковой армии IX корпус отметил получение приказа в своем журнале боевых действий. Трибунал не может согласиться с выдвигаемым в оправдание подсудимого соображением, будто этот приказ не имел никакого значения для Востока. И то, что 3-я танковая армия считала приказ имеющим силу также и для Востока, подтверждается записью в журнале боевых действий этой армии за 18 ноября 1942 г., то есть спустя несколько недель после получения приказа. В записи говорится:

«При осуществлении приказа фюрера от 18. 10 о расстреле террористов и бандитских групп встретились различные трудности. Прежде всего танковая группа просит штаб группы армий дать разъяснения, относится ли этот приказ (Vd. II b, 30a) только к террористическим группам, забрасываемым Англией, или он распространяется также и на банды на оккупированных территориях.

В этом вопросе группа армий занимает ту точку зрения, что до издания ожидаемого нового распоряжения ОКВ всех бандитов, также и в тех случаях, когда они носят форму, надлежит расстреливать. Бандиты, которые сдаются добровольно, должны рассматриваться как военнопленные. Об этом должен быть отдан приказ войскам». (Выделено судом.)

Тот факт, что армия считала «приказ о командос» применимым повсюду, подтверждается той частью приведенной цитаты, которая выделена судом. В ней подчеркивается, что приказ следует применять в отношении всех лиц, носящих форму, поскольку пока нет противоположных указаний. В другой записи из журнала боевых действий 3-й танковой армии, которая касается тех же вопросов, говорится следующее:

«До издания ожидаемого нового распоряжения ОКВ с бандитами, которые будут сдаваться добровольно, следует обращаться как с военнопленными. Всех других бандитов, также и одетых в форму, следует расстреливать. Этот приказ после ознакомления уничтожить. Письменная передача приказа запрещена».

Это был преступный приказ. Рейнгардт передал его по обычным служебным каналам.

Как доказательство личного мнения подсудимого Рейнгардта и в качестве смягчающего обстоятельства можно привести тот факт, что в ноябре 1943 года он издал приказ, который предписывал обращаться с парашютистами как с обычными военнопленными. Это произошло в то время, когда германская армия уже не была так сильно упоена победами и уже была склонна обращаться с русскими несколько более деликатно. Во всяком случае, трибунал учтет этот факт в качестве смягчающего обстоятельства. Кроме того, в этой связи следует отметить, что хотя Рейнгардт и получил пресловутый приказ Рейхенау, однако, по-видимому, не передал его дальше ни целиком, ни по его смыслу.

3. Противозаконное использование военнопленных

29 октября 1941 года главнокомандующий сухопутными силами издал приказ о том, что поиски и обез-

вреживание мин должны производиться русскими военнопленными, для того чтобы «щадить немецкую кровь».

Этот приказ был передан частям группы армий «Север» и проводился в жизнь в районе, на который распространялась командная власть Рейнгардта. XLI корпус издал приказ, в котором предписывалось:

«Если возникнет подозрение, что дороги или здания заминированы, военнопленные или местные жители должны идти впереди или удалять мины».

В отчете о действиях 3-й танковой армии за 15 ноября 1943 года указывается, что в дулаге 230 находятся пять пленных, которые нужны для работ по разминированию и что дулаг получил соответствующие указания.

В отчете об использовании военнопленных за январь, февраль, март и май 1943 года, представленном XLI корпусом штабу 3-й танковой армии, содержатся следующие данные: в транспортных частях за январь было использовано 246 военнопленных, на строительстве укрытий и полевых укреплений — 104; в феврале соответственно — 193 и 25; в марте — 196 и 183; в мае — 175 и 11 военнопленных.

6 января 1944 года 3-я танковая армия предоставила 40 военнопленных одной эсэсовской части для использования на строительстве полевых укреплений на фронте. Из одного отчета 83-й пехотной дивизии, входившей в 3-ю танковую армию, видно, что 25 военнопленных, которых использовал 2-й стрелковый батальон, были убиты во время работы. В одном отчете о действиях 3-й танковой армии говорится, что 4 октября 1943 года на строительстве полевых укреплений были использованы 200 военнопленных. Многочисленные документы подтверждают, что военнопленных использовали на строительстве полевых укреплений на фронте и это использование проводилось так широко, что, по мнению трибунала, 3-я танковая армия, которой командовал Рейнгардт, принципиально считала необходимым применение труда военнопленных для этой цели.

Приказ от 18 октября 1942 года, подписанный Рейнгардтом, как командующим 3-й танковой армией, целиком подтверждает этот вывод. В приказе под заголов-

ком «Использование на работах военнопленных и гражданских лиц» говорится:

«Большая потребность в труде военнопленных в районе операций, а также в хозяйстве и военной промышленности в Германии требует более основательной и планомерной организации использования труда военнопленных».

Трибунал убежден, что не все упомянутые здесь методы использования военнопленных представляют собой преступления, однако известно, что использование их на строительстве полевых укреплений, на погрузке боеприпасов, на разминировании и на всех других опасных работах было недвусмысленно запрещено международным правом и является военным преступлением.

4. Убийства и жестокое обращение с военнопленными

Донесения частей, подчиненных Рейнгардту, показывают, что были расстреляны 2 русских солдата — за помощь партизанам, 4 русских военнопленных — за попытку к бегству и 6 военнопленных — за кражу оружия и боеприпасов и за попытку к побегу.

В донесении от 15 декабря 1942 года говорится, что 1 русский военнопленный был расстрелян, так как невозможно было вывести его из района, находившегося под вражеским наблюдением и в пределах досягаемости вражеского пулеметного огня. Четыре дня спустя та же часть сообщала, что расстреляны еще 2 военнопленных.

5. Передача военнопленных СД

24 июля 1941 года ОКВ издало приказ о сортировке и отделении русских военнопленных в лагерях, находящихся в зоне боев...

Из одного отчета о действиях видно, что подчиненный Рейнгардту начальник тылового района 590 издал 29 декабря 1942 года приказ, который гласил:

«6. Изъятие военнопленных из сборных пунктов для их допроса, перевода в дулаг, особого обращения или освобождения может производиться только по взаимной

договоренности представителями отдела моторизованной полевой жандармерии 695, полиции безопасности и СД г. Дорогобужа. В случае если изъятием пленных не руководит знакомый начальнику сборного пункта офицер моторизованной полевой жандармерии 695 или командир частей СД г. Дорогобужа, начальнику сборного пункта должен быть представлен документ, выданный этими инстанциями. Выдача пленных в любом случае может производиться только под расписку».

Этот приказ, исходящий от одной из служебных инстанций германской армии, примечателен тем, что упоминаемый в нем термин «особое обращение» употребляется явно с пониманием его значения. Один абзац представляет интерес потому, что он относится к вопросу об использовании труда военнопленных. В нем говорится:

«Отправка на работы может производиться только в соответствии с количеством имеющихся работоспособных пленных. На работы посылаются только такие пленные, которых не предполагается подвергнуть особому обращению и допросы которых завершены».

Поскольку весь приказ касается военнопленных, совершенно ясно, что там, где говорится о тех, кого не следует посылать на работы, потому что они подлежат «особому обращению», подразумеваются военнопленные.

В качестве примера, свидетельствующего о том, как выполнялись общие директивы об истреблении всех противников германской армии, приведем выдержки из отчета, полученного 3-й танковой армией:

«28. 12. 41 в Шаховской был арестован и расстрелян военнопленный Александр Васильев, который был отправлен на работу в команду по расчистке снега и при этом общался с русским гражданским населением; он постоянно сеял беспокойство среди населения, рассказывая людям о тяжелом поражении немцев и предсказывая скорый приход русских в Шаховскую».

Высказывания одного офицера штаба Рейнгардта по поводу русского Красного Креста свидетельствуют о том, что он был против предоставления этой организации возможности наводить справки о военнопленных. Он совершенно откровенно пояснил, какими мотивами он руководствуется, высказывая такое мнение:

«Это — колоссальное число умерших военнопленных, смерть которых не подтверждена никакими официальными документами, а также гражданских лиц, исчезнувших в результате актов произвола».

В этом пункте данный трибунал ссылается на следующие выводы пятого военного трибунала, в котором проходил процесс № 7 по делу о казнях заложников, и присоединяется к ним, поскольку они правильно передают юридическую сторону дела:

«Недостаточное знакомство с содержанием представленных ему (командующему генералу) донесений не может служить мотивом для оправдания. Донесения, направляемые командующим генералам, предназначаются специально для того, чтобы их информировать. Всякое упущение в ознакомлении с такими донесениями или упущение, которое заключается в том, что не были затребованы дополнительные сведения по поводу явно недостаточных сообщений, является нарушением долга и не может приводиться в качестве мотива для смягчения вины».

6. Угон и обращение в рабство гражданского населения

В районе, на который распространялась командная власть Рейнгардта, в самых широких масштабах производились угон и обращение в рабство гражданского населения. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, следует сказать, что в международном праве нет ни одного правового положения, которое разрешало бы угон или использование на работах гражданских лиц против их воли, за исключением тех случаев, когда их рабочая сила нужна для удовлетворения обычных нужд армии. Таково было мнение Нюрнбергского Междуна-

родного военного трибунала, единодушно поддержанное всеми остальными нюрнбергскими военными трибуналами. Поэтому необходимо только фактически установить, производились ли угон и обращение в рабство с ведома, согласия и одобрения подсудимого. Не существует такой военной необходимости, которая оправдывала бы подобное использование гражданских лиц оккупирующей державой. Если их заставляли работать против воли, то не имеет значения, выдавались ли им дополнительные пайки и предоставлялись ли какие-либо привилегии, ибо эти обстоятельства могут в лучшем случае приниматься во внимание как основание для смягчения наказания, но не для оправдания.

Трибунал считает правильным упомянуть в серии хронологически расположенных документов первым более поздний отчет, представленный 3-й танковой армии 6 марта 1944 года, поскольку он показывает методы набора рабочей силы и отношение армии к этому мероприятию спустя много времени после начала войны. В этом отчете говорится:

«Часть людей хватали прямо на улицах. Их уводили под предлогом, что они должны будут проработать 2—3 дня, — без теплой одежды, обуви, посуды для пищи и одеял. Сотрудники службы охраны порядка хватали русских по ночам из домов, однако иногда они откупались от сотрудников службы охраны порядка, давая им спиртное, и таким образом избегали привлечения к работам. Такие методы набора рабочей силы не стимулируют трудового энтузиазма русских».

По-видимому, по ошибке на работы было послано несколько тяжелобольных и страдающих физическими недостатками лиц. Объяснение, которое можно найти в документе, представленном в защиту Рейнгардта, может быть, и доказывает, что речь идет об ошибке, однако это не улучшает положения подсудимого. Этот документ свидетельствует о том, как производился набор рабочих и как армия помогала в осуществлении этого мероприятия. Там, в частности, говорится:

«Приказ оберквартирмейстера командирам корпусов о том, что в операциях по набору рабочей силы с самого начала должны участвовать уполномоченные по

набору рабочей силы. Начальник экономической группы штаба армии может направлять уполномоченных самостоятельно; вопрос о том, насколько быстро возможно практически осуществить их включение в мероприятия, еще не решен.

2. Подвергнутые критике недостатки в деле набора рабочей силы (захваты людей на улицах, продажность сотрудников службы охраны порядка и т. д.), особенно когда требования на нее поступают внезапно, никогда не удастся полностью устранить. Возможно, что возражения относятся к операции Каминского, который в один раз набрал 750 рабочих. Однако и в районах, занимаемых дивизиями, такие промахи не совсем исключены. Что касается сообщения о том, что были набраны старики 78 лет, слепые, парализованные и т. д., то, как сообщил штаб инженерных войск укрепленного района 7, речь идет лишь об одной группе из 15—20 человек, которая в начале февраля явно по недосмотру попала в один из транспортов. Вопрос о том, кто был в этом виноват, выяснить невозможно, так как в Витебске об этом ничего не известно».

Начальник тылового армейского района 590 в отчете, направленном штабу 3-й танковой армии, сообщал следующие данные о числе людей, направленных на работу: женщин для работы на территории рейха — 100; мужчин для строительства полевых укреплений — 956, женщин — 2199. В его отчете говорится также следующее:

«Предписанный параграфом 18 соответствующего распоряжения набор рабочей силы (500 мужчин и 500 женщин) проведен своевременно. Однако полученные позже распоряжения о формировании транспортов из рабочих колонн увеличивают эти цифры набора. Относительно формирования этих транспортов нужно сказать следующее.

Желания и склонности участвовать в этих работах не было обнаружено нигде. Более того, были случаи, когда при отправке мужчины плакали. Почти всех рабочих приходится буквально тащить за волосы. Это создало для местных комендатур очень большие трудности, поскольку все транспорты приходилось формиро-

вать в течение самого короткого времени и почти одновременно. Не всегда имелось достаточно сил (полевая жандармерия, служба охраны порядка), чтобы доставлять рабочую силу из отдаленных деревень. А те, которых доставили, оказались частично нетрудоспособными. Для тех, кто подходил для вывоза, не хватало подходящих помещений, которые позволили бы до погрузки в вагоны ограничиваться только небольшой охраной. А этих людей нужно было постоянно очень хорошо охранять, в противном случае они бы разбежались».

Отсюда недвусмысленно вытекает, что эти лица, используемые на работах, не были добровольцами. Их насильно сгоняли вместе и заставляли работать, как рабов.

Квартирмейстер 3-й танковой армии направил 3 декабря 1943 года отчет группе армий «Центр», в котором сообщалось:

«Неизбежное применение силы при привлечении населения к работам, которое уже в прошлой сводке было описано как тяжелое испытание, начинает давать свои отрицательные результаты. К этому следует добавить трудности, связанные с недостаточными нормами снабжения, при которых, согласно аналогичным сообщениям, получаемым из всех районов, население не ест досыта.

Заслуживает внимания повсеместно установленный факт, что число лиц, которые уклоняются от работы или которых приходится привлекать к ней с помощью силы, постоянно возрастает.

Размеры трудностей, которые приходится преодолевать, станут ясными, если учесть, что почти всех рабочих приходится набирать насильно, а часть из них собирают по одному, причем для этого используются солдаты и сотрудники службы охраны порядка». (Выделено судом.)

Подписанное Рейнгардтом письмо от 28 марта 1943 года, адресованное командиру XLIII корпуса, позволяет сделать вывод, что Рейнгардт знал о программе набора рабочей силы, и показывает его отношение к этой программе. В этом письме он, в частности, заявлял;

«Проезжая по дорогам, я постоянно вижу группы гражданских лиц, работающих более или менее лениво. Число жителей, поставленных на эти работы, также часто не соответствует объему намеченных работ, которые при правильном распределении можно было бы выполнить с половиной этой рабочей силы. Присутствующий при этом рабочий персонал армии, сотрудники организации Тодта¹ и т. д. ведут себя не по-военному и ничего не делают, для того чтобы ускорить работу, — ни в качестве старших рабочих, ни в качестве охраны.

Я требую, чтобы с этим нетерпимым положением было покончено. Если у нас на родине даже немецкие женщины и девушки вынуждены заниматься тяжелым трудом и охотно выполняют его, как свой естественный долг, то нам должно быть стыдно, что мы не требуем от выделенных нам для работы гражданских лиц оккупированной территории, чтобы они полностью отработывали свой рабочий день. Я бы предпочел, чтобы они работали минимум 8 полностью использованных рабочих часов в день с перерывами на отдых, чем были заняты более продолжительное время, половину которого они бездельничают. Население, которое на русской территории работает гораздо более напряженно, следует понуждать к выполнению моего требования в необходимых случаях лишением заработка, снабжения или лишением свободы. Точно так же я буду привлекать к ответственности контролирующий персонал всех чинов и званий, если не будет обеспечено выполнение этого моего требования. Надзор во время работ — это такая же служба, как и всякая другая, и она требует самых энергичных действий выделенного для этого персонала.

Прошу всех начальников и все органы, ведающие надзором за дисциплиной, оказывать мне всяческую поддержку в деле контроля за использованием рабочей силы».

Командир XLIII армейского корпуса, которому было направлено это письмо, издал 2 июня 1943 года дирек-

¹ Военностроительная организация гитлеровской Германии, широко применявшая принудительный труд населения оккупированных нацистами районов.— *Прим. ред.*

тиву, согласно которой мужчины и женщины из деревень тылового района должны принудительно направляться на работы. Перечисляются пять деревень, в которых предлагалось провести принудительные меры. Командир приказал сообщить населению о том, что эти меры будут иметь постоянный характер, надеясь таким образом выманить людей из их укрытий и захватить их. Как это подействовало на население, можно понять из замечания о том, что завербованные будут всеми способами пытаться избежать отправки на работу. О том, что с этими людьми намеревались обращаться беспощадно, свидетельствует указание: сообщить всем мужчинам и женщинам, что при попытке к бегству их будут расстреливать. О том же говорит и обоснование этой угрозы:

«...убегают только те, кто поддерживает партизан; соответственно с этим с ними и будут обращаться».

Нет документов, которые показали бы, сколько таких беглецов было застрелено и отмечено в донесениях в качестве партизан. В одном сообщении говорится, что «жители деревни в течение нескольких недель не принимали участия в борьбе против них (партизан)». Для того чтобы компенсировать этот недостаток сотрудничества с немецкими победителями, все мужчины и женщины этих деревень в возрасте от 14 до 45 лет, за исключением женщин, имевших детей моложе 8 лет, были в принудительном порядке отправлены на работы в другие местности.

Одна дивизия, входившая в XLIII корпус, докладывала 30 июня 1943 года:

«Гражданские лица, работающие на строительстве укреплений и не получавшие до сих пор добавочного питания, которое полагается при тяжелых работах, падают от изнеможения, тем более что к работам привлекали русских гражданских лиц, не учитывая их физическое состояние и силы».

5 января 1944 года 3-я танковая армия разослала своим корпусам и тыловому району армии инструкцию, в которой говорилось:

«Для использования на работах должны быть привлечены все лица, способные к военной службе, и трудоспособные люди, то есть в основном все мужчины и женщины в возрасте от 14 до 55 лет».

Не может быть никаких сомнений в том, что мужчин, женщин и даже детей посылали на работы и использовали их на переднем крае. В одном приказе говорится о их размещении и снабжении, в другом — об их беспощадном использовании, если возможно, также и на фронте. В одном отчете указывается, что «использование целых семей на строительстве укреплений вблизи линии фронта натолкнулось на трудности».

На основании документов и показаний свидетелей, выступавших по данному делу, трибунал убежден, что в районе, на который распространялась командная власть Рейнгардта, широко применялся принудительный труд гражданского населения и что беспощадное осуществление этих мероприятий происходило с его ведома и согласия и даже по его приказу.

7. Угон и обращение в рабство людей для использования на работах в Германии

Каково было принципиальное отношение Рейнгардта к этой проблеме, показывает приказ, который он подписал, будучи командующим 3-й танковой армии. В приказе говорится:

«Фюрер уполномочил гаулейтера Заукеля руководить всем делом использования людей на работах *вплоть до района военных операций*. Путем дружного сотрудничества военных инстанций и органов управления по использованию рабочей силы должна быть обеспечена мобилизация всего работоспособного населения. Если невозможно добиться успеха другим способом, отныне также и при вербовке рабочей силы для использования на территории рейха, следует прибегать к мерам принуждения». (Выделено судом.)

Этот приказ был разослан многочисленным инстанциям в районе командной власти Рейнгардта. Тот, кто отдает такой приказ, должен нести ответственность за

действия подчиненных ему частей, предпринятые во исполнение этого приказа.

Среди документов имеется донесение тайной полевой полиции о том, что один отец семейства, намеревавшийся уйти к партизанам, был расстрелян, несмотря на то что дети умоляли пощадить его. Трое его детей были отправлены на работу в Германию.

Когда был получен приказ ОКХ о мобилизации возрастных групп 1925—1926 года рождения, начальник штаба 3-й танковой армии Рейнгардта издал распоряжение, в котором недвусмысленно предписывалось:

«Еженедельно по вторникам и пятницам начиная с 3.8.43 из района расположения армии будет отправляться транспорт с восточными рабочими, направляемыми в рейх».

В сообщении, которое рассылалось одновременно с этим приказом, говорилось:

«Каждый, кто попытается уклониться от мобилизации, будет строго наказан».

Сообщение от 23 июля 1943 года показывает, что в штабе 3-й танковой армии состоялось совещание. Этот документ имеет важное значение. В заметках относительно обсуждавшихся вопросов указывается следующее:

«с) *Решительные санкции для подавления сопротивления и выступлений.*

Виновных передавать СД (Люблин?). Членов семей бежавших мобилизованных, невзирая на их личное положение, отправлять на работы в рейх; однако снабжать их и обращаться с ними как с добровольцами».

Три дня спустя после этого совещания 3-я танковая армия направила отчет группе армий «Центр». В нем содержится следующая характерная фраза:

«Лица, схваченные после попытки скрыться, помещаются сначала примерно на 2 недели в строгий штрафной лагерь».

В отчете о действиях 3-й танковой армии за 4 августа 1943 года по поводу использования на работах гражданского населения, и особенно возрастных контингентов 1925 и 1926 года рождения, говорится:

«Первые группы восточных рабочих для рейха направлены в сборные лагеря без применения непопулярных методов. В отдельных районах примерно 50 проц. мобилизуемых бежали, возможно, для того, чтобы уйти в банды».

Запись в журнале военных действий 3-й танковой армии, сделанная 30 октября 1943 года, гласит:

«Советник военной администрации Бениш, руководитель группы труда при хозяйственном управлении 206 Витебск, сообщает Управлению 05 об использовании его сотрудников при проведении операции «Генрих» и о намечаемой отправке гражданских лиц, собранных во время этой операции. Все работоспособное и способное носить оружие население, которое удастся схватить, должно направляться через лагеря СД и дулаг 125 в концентрационные лагеря в Люблине и Освенциме. Передавать их для свободного использования на работе в рейхе ни в коем случае нельзя. Советник военной администрации Бениш сообщает далее, что в тыловом районе II авиапехотного корпуса находятся примерно 8 тыс. приезжих гражданских лиц, а в районе местной комендатуры Шумилино — 3 тыс. Он просит разрешить вопрос, нельзя ли провести среди этих переселенных лиц вербовку на работы в рейхе. После доклада оберквартирмейстеру это разрешается, однако интенсивную вербовку в Витебске, которая, по мнению советника Бениша, дала бы 2—3 тысячи человек, пока следует отложить».

Эта запись целиком опровергает все утверждения о том, что вербовка этих людей на работу в Германию проводилась на добровольной основе. В сводке 3-й танковой армии за 21 февраля говорится:

«Максимальная мобилизация все еще не занятых работоспособных гражданских лиц. Последний приказ

командования 3-й танковой армии от 10.1.44, № 579/44, секретно».

Из более позднего сообщения 3-й танковой армии от 4 апреля вытекает, что в районе Витебска 11 тыс. человек были признаны годными для работы в рейхе и отправлены туда. В сообщении говорится далее, что отправка рабочих будет продолжаться на основании только что изданного приказа, который предусматривает мобилизацию возрастных контингентов 1925 и 1926 года рождения.

Эти доказательства, а также другие материалы, имеющиеся среди документов, убеждают трибунал, что принудительная мобилизация и противозаконное использование труда гражданских лиц проводились широко и планомерно в районе, на который распространялась командная власть Рейнгардта. Он сам и вызванные им свидетели оспаривают существование этой планомерности; однако трибунал считает их показания недостоверными. Рабочих из среды гражданского населения набирали не только для работы в районах расположения армий; упоминавшиеся здесь, а также не приводившиеся приказы и отчеты показывают, что угон гражданских лиц на работу в Германию был мероприятием, которое проводилось в течение столь продолжительного времени и в таких широких масштабах, что, даже если бы подсудимый и не подписывал никаких приказов о его осуществлении, трибунал все равно должен был бы предположить, что подсудимому было известно об этих мерах и о их масштабах. Как показывают документы, подсудимый ничего не сделал, для того чтобы затруднить проведение этих мероприятий или сорвать их; наоборот, в районе, на который распространялась его командная власть, он поощрял эти мероприятия и участвовал в их проведении.

8. Разграбление и расхищение

Доказательственный материал, представленный по пункту обвинения, который касается разграбления и расхищения собственности, свидетельствует о том, что эти меры проводились совершенно беспощадно. Однако

трибунал не убежден, что полностью доказано совершение действий, которые не оправдывались бы военной необходимостью.

9. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданского населения

Рейнгардт передал дальше приказ «Об особой подследности в районе «Барбаросса». 25 февраля 1942 года он дал следующую директиву своим войскам:

«6. Если у партизан найдено оружие или их деятельность в качестве партизан весьма вероятна, по приказу офицера их следует расстреливать или вешать, а населению подходящим способом сообщать о причине казни (например, вешать на грудь партизана доску с надписью: «Так будет с каждым, кто спилит телеграфный столб»). Точно так же следует поступать с местными жителями, которые оказывают поддержку партизанам».

Из этого недвусмысленно вытекает, что в районе командования Рейнгардта понятие «партизан» толковалось очень широко, в соответствии с директивами, данными Мюллером на совещании в Варшаве. Штабы IX армейского корпуса и 3-й танковой группы, в частности, отдали следующий приказ:

«Может появиться необходимость в захвате заложников. В случае если возникнет подозрение, что дороги и дома заминированы, местные жители должны идти впереди или удалять мины».

31 мая 1942 года Рейнгардт подписал приказ, в котором, в частности, говорится:

«Если невозможно захватить зачинщиков или главных виновников, разрешается подвергать смертной казни каждого десятого».

Далее этот приказ предписывает, что каждый офицер или сотрудник полевой полиции (кроме чиновни-

ков вспомогательной полиции) имеет право выносить решения и отдавать распоряжение о казни (через расстрел или повешение).

Приказ, изданный Кейтелем 16 декабря 1942 года, гласит:

«Поэтому войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

6 января 1943 года 3-я танковая армия разослала этот приказ подчиненным ей частям и беспощадно проводила его в жизнь. Рейнгардт показал, что его начальник штаба передал этот приказ в его, Рейнгардта, отсутствие. Однако в течение всего процесса защита придерживалась того мнения, что начальник штаба не решал принципиальных вопросов и что он подписывал приказы только в том случае, если точно знал, что они соответствуют воле его командира. Трибунал убежден, что именно так обстояло дело и в данном случае. Если приказ не соответствовал принципиальным установкам Рейнгардта, он должен был его отменить. Рейнгардт утверждает, что он якобы больше не возвращался на этот участок фронта, однако нет никаких сомнений в том, что он вернулся на свой пост, и трибунал убежден, что подсудимому доложили о распоряжениях, сделанных начальником штаба в его отсутствие.

30 марта 1943 года 3-я танковая армия передала дальше приказ ОКХ о том, что «лиц, оказывающих помощь бандам и подозреваемых в участии в деятельности банд», следует передавать руководителям СС и полиции для отправки в концентрационные лагеря, «в случае если они не будут немедленно расстреляны или повешены или в виде исключения в соответствии с параграфом 11 «наставления для боя» не будут включены в отряды по борьбе с бандами».

29 марта 1943 года XLIII армейский корпус направил 3-й танковой армии следующее указание:

«При проведении публичных повешений или расстрелов бандитов в районах, зараженных бандитизмом, где основную массу участников банд составляют лица,

подлежащие принудительной мобилизации, следует учитывать, что уже один страх перед такой же участью побуждает этих мобилизованных к активному сопротивлению войскам, проводящим прочесывания. Поэтому если не удастся прикончить бандитов прямо на поле боя, то лучше сначала брать их просто в качестве пленных и приканчивать *незаметно только во время их транспортировки*. В результате среди населения пойдут разговоры только о факте взятия в плен и число перебежчиков на нашу сторону, несмотря на активную контрпропаганду комиссаров, возрастет. Может быть, следовало бы из пропагандистских соображений направлять того или другого бандита, переодетого в форму одной из восточных частей или службы охраны порядка, под строгим, но незаметным контролем в район его прежней деятельности, чтобы население его видело.

Опыт показывает, что именно эта военная хитрость постоянно побуждает бандитов перебегать на нашу сторону». (Выделено судом.)

В одной инструкции IX армейского корпуса от 26 сентября 1942 года для отрядов по борьбе с партизанами рассказывается, как эти отряды должны устраивать ловушки и подолгу терпеливо ждать, пока удастся схватить партизан или лиц, закладывающих мины. Один из разделов этой инструкции гласит:

«Если момент внезапности исключается, например ввиду того, что поблизости случайно появились местные жители, то следует немедленно оставить выбранное место, если невозможно бесшумно устранить нежелательных свидетелей».

Это показывает, как мало стоила жизнь гражданского населения для частей, находившихся под командованием Рейнгардта.

Отряды СД были приданы 9-й армии, входившей в 3-ю танковую группу Рейнгардта, для дальнейшего использования. В приказе начальника штаба 3-й танковой группы, адресованном LVI армейскому корпусу, говорится о таком использовании. Из этого можно заключить, что Рейнгардт уже в сентябре 1941 года знал о присутствии СД в районе, на который распространя-

лась его командная власть. А о том, что эта связь с СД продолжалась и тогда, когда 3-я танковая группа была преобразована в 3-ю танковую армию, свидетельствует журнал боевых действий 3-й танковой армии. 30 марта 1943 года в нем излагается приказ начальника штаба 3-й танковой армии, в котором говорится:

«1. Лиц, оказывающих помощь бандам, и тех, кого подозревают в участии в деятельности банд, если они не расстреляны или не повешены немедленно или не включены в виде исключения в соответствии с параграфом 11 «наставления для боя» в отряды по борьбе с бандами, следует передавать уполномоченным на то руководителям СС и полиции для передачи их в концентрационные лагеря.

2. Населению следует отчетливо показывать различие между «штрафными работами», производимыми в самых суровых условиях, на которые направляются эти лица, и «использованием на работах в рейхе» в порядке вербовки, которая ведется по распоряжению генерального уполномоченного по использованию рабочей силы.

Приказываю:

1. Захваченных в районе, занятом армией, пособников банд и лиц, подозреваемых в участии в деятельности банд, для перевода в концентрационные лагеря передавать эйнзатцкомандам полиции безопасности и СД. Учреждения СД находятся в городах Витебске, Демидове, Сураже, Городке, Невеле, Себеже, Полоцке».

Армия Рейнгардта не только знала о деятельности СД, но и в течение долгого времени сотрудничала с ней: армия отправляла мужчин, женщин и детей, которые по самым разнообразным причинам считались «подозрительными», в концентрационные лагеря для рабского труда «в самых суровых условиях». Тысячи этих несчастных были отправлены через инстанции, подчинявшиеся Рейнгардту, на территорию рейха или в Люблин и Освенцим.

Среди документов, подтверждающих осведомленность Рейнгардта относительно деятельности СД, можно обнаружить такие заметки:

«Советник военной администрации Маттес сообщает, что до сих пор из числа эвакуированных, размещенных в дулаге 230, СД проверила 700 человек. Все они назначены к отправке в Люблин».

Дулаг 230 был подчинен Рейнгардту.
Еще одна заметка, от 2 сентября:

«СД Витебска сообщает, что отправка в Освенцим людей, оказывавших поддержку бандам, до сих пор не состоялась, так как железная дорога не предоставила вагонов».

18 сентября была сделана следующая запись:

«Второй квартирмейстер обсуждает с СД вопрос о том, чтобы, в случае если с использованием в рейхе ничего не выйдет, отправка в Люблин или Освенцим была произведена силами СД, как только это будет возможно. СД будет дано указание направить 700 ее заключенных из г. Гранки в дулаг 230 пешком».

8 октября 1943 года комендант дулага 230 сообщал, что

«прибыла колонна, состоящая из 31 мужчины, 172 женщин и 240 детей. Речь идет о согнанных войсками жителях, оказывавших поддержку бандам. Сейчас в дулаге находится около 1000 гражданских лиц, которых можно отправить».

И далее:

«Что касается стариков и маленьких детей, то СД (вопрос обсуждается с оберштурмфюрером Медером) не может отправить их в Люблин или Освенцим».

10 октября 1943 года было сделано следующее сообщение:

«Посещение сотрудников группы 717 тайной полевой полиции в связи с вопросом о том, в какие лагеря можно отправить гражданских заключенных, которые стары, слабы или имеют маленьких детей. Их близкие казнены как бандиты или пособники банд либо переданы СД

для отправки в Люблин. Поселение этих людей где-нибудь в районе, занимаемом армией, представляется неуместным, так как они распространяют чрезвычайно ядовитую атмосферу ненависти к немцам».

В приказе, изданном 3-й танковой армией 12 августа 1943 года, говорится следующее:

«Оперативный отдел штаба 3-й танковой армии (№ 6262/43, секретно) распорядился об эвакуации вышеуказанного района, поскольку во время операций 2-го и 7-го егерских батальонов местное население целиком поддерживало банды. СД Витебска заявила о готовности организовать отправку подлежащего эвакуации населения в один из лагерей СД (Люблин)».

Данные о рассылке приказа подтверждают, что армия направила одну копию приказа в адрес «СД Витебска» для ознакомления.

19 августа 1943 года та же самая командная инстанция издала новый приказ, касавшийся вышеупомянутой операции по «чистке». В этом приказе говорится:

«...Речь идет примерно о 2500 человек из района Витебска, к которым должны быть присоединены еще 500 человек из гражданского населения района Суража. Последних нужно переправить в дулаг 230 из расположения II авиапехотного корпуса. Лицам, подлежащим эвакуации, следует оставить все, что нужно для дороги, включая дополнительное продовольствие. Весь оставшийся скот, сельскохозяйственный инвентарь и машины забирает сельскохозяйственное управление. Сообщение о принятом имуществе направить в отделение IVa 2-го квартирмейстерского отдела до 31.8.43.

По-прежнему должна выполняться просьба СД Витебска о том, чтобы подлинно бандитские элементы в дулаге 230 отделялись и передавались для отправки в Люблин. Кроме обеспечения безукоризненного общего обслуживания и снабжения, о котором уже было дано указание, дулаг 230 должен позаботиться также и о необходимом пропагандистском воздействии (и особенно о разъяснении причин эвакуации: пособничество бандам со стороны широких кругов населения; невиновные должны страдать вместе с виновными)».

Рейнгардт был носителем исполнительной власти в районе, на который распространялась его командная власть. Он был обязан позаботиться о том, чтобы жителей не угоняли и не лишали их собственности, чтобы ни в чем не повинных людей и так называемых пособников партизан не отправляли в концентрационные лагеря. Его долг требовал воспрепятствовать отправке возрастных контингентов 1925—1926 года рождения на рабский труд в рейх. Приказы, в которых предписывались эти меры, были преступными приказами, и Рейнгардт полностью проводил их в жизнь. Он должен нести уголовную ответственность за издание этих приказов и за действия, связанные с их выполнением.

Не имеет значения, знал ли Рейнгардт о том, что Люблин и Освенцим были центрами для истребления людей. Нет никаких прямых доказательств того, что он знал об этом. Один из отданных им приказов подтверждает, что ему было известно, насколько тяжелым был принудительный труд. Он знал, что это были штрафные лагеря. И тем не менее он отправлял в эти штрафные лагеря стариков, женщин и детей.

Из его свидетельских показаний по собственному делу видно, что ему было известно о том, что органы СД занимались истреблением лиц, страдающих физическими или умственными недостатками. Он получал об этом сведения на протяжении двух лет. Он знал, что СД действовала, имея самостоятельные полномочия, и что эти полномочия были даны СД в соответствии с приказами, о происхождении и сути которых Рейнгардт, как он утверждает, якобы ничего не знал. Тем не менее он передал СД большое число гражданских лиц, над которыми он имел исполнительную власть и которых он обязан был защищать. Он передавал этих лиц данной организации, о которой он тут же говорит, что она ему не подчинялась. Ловля рабов в районе, на который распространялась его командная власть, была таким обычным явлением и велась в течение такого продолжительного времени, что даже и без приведенных прямых доказательств было бы ясно, что он знал о ней.

На основании судебного следствия трибунал признает Рейнгардта виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

ГАНС ФОН ЗАЛЬМУТ

Ганс фон Зальмут родился 21 ноября 1888 года в Меце, в сентябре 1907 года стал кандидатом в офицеры, участвовал в первой мировой войне, сначала в качестве батальонного и полкового адъютанта, затем — офицера генерального штаба; после окончания войны остался в рейхсвере, занимая различные должности. В 1937 году он был произведен в генерал-майоры и стал начальником штаба группы армий «Берлин», в сентябре 1939 года стал начальником штаба группы армий «Север» и, занимая эту должность, проделал польскую кампанию. Примерно в то же самое время был произведен в чин генерал-лейтенанта. С октября 1939 по май 1941 года он был начальником штаба группы армий «Б» и в этот период получил чин генерала пехоты. С мая по декабрь 1941 года командовал XXX корпусом и принял участие в русском походе. С 21 марта по 6 июня 1942 года он был заместителем командующего 17-й армией, а с 6 июня по 13 июля 1942 года — заместителем командующего 4-й армией. 13 июля 1942 года он был назначен командующим 2-й армией и в январе 1943 года произведен в генерал-полковники. В октябре 1943 года Зальмут был назначен заместителем командующего 15-й армией, позже стал командующим этой армией и сохранил этот пост до августа 1944 года.

Он не был членом НСДАП или одной из примыкавших к ней организаций.

Подсудимому инкриминируются преступления по разделам II и III обвинительного заключения. Их можно разделить на следующие группы, которые будут рассмотрены по порядку:

1. «Приказ о комиссарах».
2. «Приказ о командос».
3. Использование военнопленных на запрещенных работах.
4. Убийства и жестокое обращение с военноплен-

ными и солдатами Красной Армии. 5. Угон и обращение в рабство гражданских лиц. 6. Разграбление общественной и частной собственности. 7. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданского населения. 8. Унижение, преследование и казни евреев и сотрудничество с оперативными группами СД.

1. «Приказ о комиссарах»

Подсудимый получил «приказ о комиссарах» в то время, когда он командовал XXX корпусом. Судебное следствие установило, что он передал приказ подчиненным ему частям. Подсудимый показал, что он отклонил приказ и довел до сведения своих дивизионных командиров свои возражения. Судебное следствие не подтвердило, что приказ выполнялся в районе действий XXX корпуса, когда им командовал подсудимый. Указывалось, что два инцидента свидетельствуют о применении этого приказа; один случай имел место в районе 17-й армии, командующим которой Зальмут стал позднее. Этот случай произошел примерно за месяц до того, как он туда прибыл. Второй случай, на который ссылается обвинение, произошел в 4-й армии примерно месяц спустя после того, как Зальмут принял командование. Трибунал считает, однако, что подсудимый не может нести ответственность ни за тот, ни за другой случай, поскольку имеющиеся сведения не позволяют установить, совершались ли эти преступления с его согласия или одобрения или на основании разосланного им приказа.

2. «Приказ о командос»

Судебное следствие показало, что подсудимый получил данный приказ, так же как и дополнительный приказ Гитлера, будучи командующим 2-й армией. 25 октября он разослал «приказ о командос» вместе с препроводительным письмом подчиненным ему частям для руководства, указав, что все копии должны быть до 10 ноября возвращены командованию 2-й армии. Это препроводительное письмо подписано его начальником штаба и помечено буквами O. B., Oberbefehlshaber (командующий). Подсудимый показал, что начальник штаба не должен был подписывать письмо и не был

на то уполномочен; однако он ничего не сделал, чтобы выразить протест против указанного поступка начальника штаба; не доказано также, что он в какой-нибудь форме выразил ему свое неудовольствие.

Доказано далее, что начальник тылового района 580 2-й армии издал приказ, подписанный квартирмейстером, в котором предписывалось:

«Агенты из состава террористических и саботажных отрядов, которые попадут в руки вермахта, должны быть незамедлительно переданы СД».

И далее:

«Всякое содержание их под военной охраной в лагерях для военнопленных и т. д. строжайшим образом запрещается, даже если это предпринято как временная мера».

8 октября 1942 года командование 2-й армии потребовало от группы армий «Б» разъяснения некоторых вопросов, возникших при выполнении «приказа о командос».

Не подлежит никаким сомнениям, что Зальмут передал этот приказ для исполнения во всех случаях — как в отношении англичан и американцев, так и в отношении русских.

3. Использование военнопленных на запрещенных работах

Принимая во внимание условия, в которых находился подсудимый, трибунал считает установленным, что использование военнопленных в районе боев означало использование их в опасной зоне. Это подтвердили многочисленные документы и показания свидетелей, а также показания подсудимого по собственному делу. Кроме того, доказательственный документ № 226, а также доказательства №№ 58, 59 и 60, представленные защитой, показывают, что пленных солдат западных держав использовали на запрещенных работах. Западные державы, так же как и Германия, подписали Женевскую конвенцию; формы использования труда попавших в плен военнослужащих западных держав, согласно положениям упомянутой конвенции, были противозакон-

ными. Это подтверждают документы. Следовательно, подсудимый должен нести уголовную ответственность за свои методы использования военнопленных как на восточном, так и на западном фронтах.

В доказательство этого противозаконного использования военнопленных дается ссылка на документы №№ 524, 526 и другие.

4. Убийства и жестокое обращение с военнопленными и солдатами Красной Армии

25 июля 1941 года главное командование сухопутных сил издало приказ, который по обычным служебным каналам был передан XXX корпусу Зальмута. Этот приказ был явно преступным, поскольку в нем предписывалось:

«Начиная с определенного, установленного для каждой области момента красноармейцев следует считать партизанами и соответственно с ними обращаться».

Трибунал считает, что подсудимый должен нести уголовную ответственность за передачу этого приказа.

21 ноября 1941 года Зальмут передал подчиненным ему частям приказ о борьбе с партизанами, в котором предписывалось:

«Любое гражданское лицо, а также любой отставший от своей части солдат, у которых в районе, занятом XXX корпусом, будет найдено оружие, будут расстреляны на месте».

Зальмут подписал этот приказ, имеющий по мнению трибунала преступный характер. Этот приказ применялся в районе, на который распространялась командная власть подсудимого.

Многочисленные донесения об обращении с военнопленными в районах, где командная власть была в руках подсудимого, доказывают, что число военнопленных, расстрелянных или погибших от других причин, значительно превышает обычную норму. Этот факт позволяет заключить, что подсудимый виновен в пренебрежении своим долгом, однако трибуналу не нужно обсуждать этот вопрос. Донесения показывают, что военнопленных передавали СД, полицейской организации, и что после

этой передачи армия уже не осуществляла надзора над пленными и, по-видимому, ничего не знала о их судьбе и не могла ее определять.

Дело не в том, были ли военнопленные убиты — что, несомненно, произошло со многими из них — или остались в живых.

Противозаконной была сама их передача в руки организации, о преступном характере которой подсудимый, несомненно, знал.

Подсудимый имеет смелость утверждать, что лагеря для военнопленных ему не подчинялись. На основании материалов судебного следствия трибунал пришел к выводу, что в районе, которым командовал подсудимый, ответственность за военнопленных нес он, что он осуществлял контроль над этими военнопленными и что вследствие этого он должен нести уголовную ответственность за их противозаконную передачу органам СД.

5. Угон и обращение в рабство гражданских лиц

Судебное следствие установило, что подсудимый должен нести уголовную ответственность за использование гражданского населения на работах в районе, на который распространялась его командная власть, а также за противозаконную вербовку и отправку гражданских лиц для рабского труда на территорию рейха. В подтверждение этого можно было бы сослаться на многочисленные документы. Кроме того, большое число документов, представленных защитой, также подтверждают, что подсудимый энергично содействовал расширению этой программы как на Западе, так и на Востоке.

Один из свидетелей защиты, Гартенек, бывший начальник штаба подсудимого, показал, что эти работы носили принудительный характер. Документы говорят сами за себя. Но если бы и была необходимость в других доказательствах, то можно сослаться на показания самого подсудимого по собственному делу, из которых также вытекает, что эти работы носили принудительный характер. Документы подтверждают, что подсудимый должен нести уголовную ответственность как за противозаконное использование гражданских лиц на работах, непосредственно связанных с ведением войны, так и за их отправку на территорию рейха для рабского труда,

6. Разграбление общественной и частной собственности

Трибунал считает, что материалы, представленные в качестве доказательств по этому пункту, недостаточны, для того чтобы подтвердить преступное участие подсудимого в разграблении общественной и частной собственности.

7. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданского населения

Результаты судебного следствия не убедили суд полностью в том, что подсудимый передал дальше приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Однако судебное следствие установило, что во многих случаях подчиненные подсудимому части проводили противозаконные казни гражданских лиц. Из материалов, представленных в качестве доказательств по данному пункту, приводятся следующие документы.

Отчет полевой районной комендатуры за период с 15 по 30 апреля 1942 года, представленный XLIV корпусу, входившему в 17-ю армию, которой командовал Зальмут, показывает, что там производились расстрелы людей, которые либо подозревались в партизанской деятельности, либо являлись коммунистами, либо совершили кражу военного имущества; производились также расстрелы евреев. Кроме того, данный отчет показывает, что женщин-евреек передавали органам СД.

В отчете за 2 сентября 1942 года, направленном начальником тылового района 580 командованию 2-й армии Зальмута, говорится, что были расстреляны лица, против которых имелись «серьезные подозрения» в том, что они занимаются диверсиями.

Донесения того же начальника тылового района командованию 2-й армии за период с 7 октября по 12 ноября 1941 года свидетельствуют о том, что 16 октября было расстреляно «большое число подозрительных», что в населенных пунктах близ Веретенино «были ликвидированы несколько сот подозрительных», а сам населенный пункт сожжен, что, согласно донесению одного патруля, были расстреляны «трое мужчин, выглядевших подозрительно».

В отчете, помеченном 2 сентября 1942 года, говорится следующее:

«Если момент внезапности исключается, например, из-за того, что поблизости случайно появились местные жители, то следует немедленно оставить выбранное место, если невозможно бесшумно устранить нежелательных свидетелей».

Одно сообщение показывает, что различные инстанции, проводившие расстрелы (исключая СД), казнили 6000 человек как партизан и агентов.

В журнале боевых действий 17-й армии, которой командовал Зальмут, 24 июля 1942 года сделана запись о том, что концентрационный лагерь в Горловке 22 июля 1942 года был ликвидирован, а из 655 гражданских лиц, прошедших через лагерь, 158 были убиты и 23 — переданы СД.

Дело не в том, совершались ли эти и другие подтверждаемые представленными материалами казни, которые проводили подчиненные Зальмуту части, на основании приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» или по другим мотивам. Такие противозаконные казни продолжались в течение длительного времени, и многочисленные подразделения, подчиненные подсудимому, принимали в них участие.

Судебное следствие установило также, что во многих случаях издавались приказы, которые неизбежно толкали подчиненных Зальмута на подобные преступления. В качестве примера приведем приказ ОКВ от 16 декабря 1942 года, который подсудимый разослал для ознакомления и руководства. В приказе говорится, что он не должен попасть в руки противника. Данный приказ отменял разработанный Браухичем так называемый приказ о дисциплине, касавшийся борьбы с партизанами. В приказе ОКВ предписывалось, что военнослужащих германской армии нельзя подвергать наказаниям за их поведение и что утверждаться должны только такие приговоры, которые не противоречат данному приказу. Далее в нем говорится:

«Если эта борьба против банд как на Востоке, так и на Балканах не будет вестись самыми жестокими

средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму.

Поэтому войска имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства также против женщин и детей, если только это способствует успеху».

Возглавляемое подсудимым командование 2-й армии даже предложило дополнение к данному приказу, которое было передано 12 апреля 1943 года группе армий «Центр». Оно содержало следующие положения:

«При допросах бандитов, в том числе и женщин, следует применять любые средства, чтобы получить необходимые показания. Переводчиков следует особо обучать допросам бандитов. Часто бывает необходимо допрашивать отдельных бандитов несколько раз, чтобы добиться результатов».

7 августа 1941 года XXX корпус Зальмута получил от командования 11-й армии приказ ОКХ от 25 июля 1941 года об обращении с гражданскими лицами противника и военнопленными, который подсудимый разослал вплоть до батальонов своего корпуса. Существенные положения данного приказа гласят:

«Нападения и насильственные акты любого рода против отдельных лиц и имущества, а также любые попытки совершить такие акты должны беспощадно пресекаться силой оружия вплоть до уничтожения противника.

Там, где отмечается пассивное сопротивление или где в случаях устройства завалов на дорогах, стрельбы, нападений и других актов диверсий невозможно немедленно выявить и ликвидировать виновников ранее предписанным способом, следует безотлагательно проводить массовые карательные меры по приказу офицера в чине не ниже командира батальона. Настоятельно указывается, что нет необходимости заранее брать заложников в качестве гарантии против будущих преступлений. И без специального оповещения или взятия заложников население несет ответственность за поддержание спокойствия в своем районе.

Нападения и преступления в отношении используемых нами на работах местных жителей (например, на строительстве дорог, в сельском хозяйстве, на ремесленных предприятиях и фабриках) и в отношении контролирующего персонала являются преступлениями против оккупационных властей и должны караться в соответствии с этим».

Упомянутые материалы, а также другие документы представленные по данному пункту, рисуют картину применения беспощадных массовых карательных мер и террора в отношении гражданского населения.

26 ноября 1941 года XXX корпус разослал подчиненным частям приказ, существенные разделы которого гласят:

«Инциденты, имевшие место за последние дни, когда в результате партизанских нападений были убиты или ранены многие немецкие и румынские солдаты, требуют проведения самых решительных мер.

2. В связи с этим во всех населенных пунктах, занятых войсками, должны быть немедленно взяты в качестве заложников:

- а) Лица, члены семей которых ушли к партизанам.
- б) Лица, которые подозреваются в связях с партизанами.
- в) Члены партии, комсомольцы и кандидаты партии.
- г) Лица, ранее состоявшие в партии.
- д) Лица, занимавшие до прихода немецких и румынских войск какие-либо общественные должности, например, председатели местных советов и их заместители, члены местных советов, различные партийные работники, директора различных государственных учреждений, санаториев и т. д.
- е) Лица, задержанные без специального удостоверения, выданного местным комендантом.

3. Эти заложники должны быть помещены в концентрационные лагеря. Питание им доставляют местные жители.

4. Из числа этих заложников за каждого убитого партизанами немецкого или румынского солдата — по возможности вблизи от того места, где он был убит, — следует расстреливать десять человек, а за каждого

раненого немецкого или румынского солдата — одного человека, а трупы вешать на этом месте на 3 дня».

Документы подтверждают, что части, подчинявшиеся подсудимому в то время, когда он занимал различные командные должности, применяли такие массовые карательные меры.

На основании цитированных здесь документов, а также других представленных в качестве доказательств по данному пункту материалов трибунал пришел к выводу, что подсудимый поощрял, терпел и одобрял подобные противозаконные казни в районе, на который распространялась его командная власть.

8. Унижения, преследования и казни евреев и сотрудничество с оперативными группами СД

2 августа 1941 года одна женщина сообщила о тайном собрании, в котором участвовало примерно 50 местных евреев и большевиков и на котором, как она сказала, был разработан план сбора и уничтожения сбрасываемых с немецких самолетов листовок с призывами к украинскому населению о возобновлении полевых работ. Указанная женщина сообщила далее, что евреи намерены напасть на немецких офицеров, как только получат поддержку других лиц.

2 августа XXX корпус направил 11-й армии донесение, существенная часть которого гласит:

«На основании этих сведений было немедленно сделано сообщение эйнзатцкоманде 10а СС, находящейся в Ольшанке, с просьбой тотчас же направить в Кодыму отряд для проведения в конце того же дня широкой операции в еврейском квартале с целью помешать намерениям евреев и большевиков. Операция была проведена под руководством гауптштурмфюрера СС Праста и с привлечением 300 военнослужащих различных войсковых частей для оцепления соответствующего квартала. Она началась в 15.15 и закончилась около 19.00.

III. Результаты.

Всего было задержано 400 мужчин, в большинстве евреев, которые затем были подвергнуты допросу на рыночной площади Кодымы. При этом бросалось в глаза,

что среди евреев было много таких, которые прибыли из Балты, Сорок, Ямполья и других населенных пунктов, занятых немецкими войсками ранее, и особенно много бывших руководящих коммунистов. Из 400 человек 98, как было доказано, являлись активными членами коммунистической партии (функционеры и т. д.) или вызывали серьезные подозрения в намерении участвовать в подготовляемых покушениях. Что касается остальных 300 человек, то в большинстве случаев это асоциальные элементы еврейской расы. Первые 98 человек после вторичной краткой проверки и допроса были расстреляны вне населенного пункта по распоряжению гауптштурмфюрера СС Праста».

2 августа 1941 года в журнале военных действий 11-й армии была сделана запись:

«Подготовка выступления евреев и комсомола в Кодыме. Зачинщики и подозрительные были расстреляны. Кроме того, было взято 170 заложников».

3 августа 1941 года зондеркоманда 10а направила оперативной группе «Д» следующее донесение:

«...Из числа задержанных по согласованию с командиром корпуса 99 человек, в том числе 97 евреев, были расстреляны, около 175 взяты в качестве заложников, остальные отпущены. В экзекуции участвовали 24 рядовых вермахта и 12 сотрудников полиции безопасности...»

2 августа 1941 года зондеркоманда 10а представила отчет, в котором содержалось следующее важное место:

«В результате допросов и очных ставок с местными жителями удалось выявить 98 лиц, участвовавших в собраниях или во враждебных действиях по отношению к немецким военным служащим или принадлежавших к еврейской интеллигенции».

Штаб-квартира XXX корпуса находилась 1 августа в Кодыме, и подсудимый был командующим района, куда входил этот город, имевший около 10 000 жителей. Выступая в качестве свидетеля по собственному делу, под-

судимый отрицал свое участие в этом «инциденте» и утверждал, что узнал о нем лишь позже. Его показания подтверждаются показаниями его тогдашнего начальника штаба Гартенека и начальника разведывательного отдела Эйсмана. Однако показания этих трех свидетелей не совпадают. Показания самого подсудимого также противоречивы.

Далее, как показывают документы, после описанной выше казни, то есть вечером 2 августа, в 8.30, подсудимый опубликовал сообщение, адресованное жителям Кодымы, в котором говорилось:

«1. Сегодня было расстреляно некоторое число лиц, относительно которых немецкому командованию стало известно, что они тайно готовили покушения на расположенные в городе части германской армии.

2. Кроме того, еще некоторое число лиц было взято в качестве заложников и помещено в лагерь для пленных. С ними ничего не случится, если население города будет вести себя спокойно и лояльно по отношению к находящимся здесь войсковым частям и немецким солдатам.

3. Если же, однако, будут иметь место какие-либо покушения на войсковые части и на отдельных военнослужащих германской армии или на какие-либо учреждения германской армии в городе Кодыма или в его окрестностях, то немецкое командование будет вынуждено распорядиться о дальнейших расстрелах. Только спокойное и лояльное поведение всего населения сохранит заложникам жизнь.

4. Снабжение заложников до дальнейших распоряжений должно обеспечивать население города Кодымы. Подробности бургомистр должен согласовать с местным комендантом и с комендантом лагеря для пленных.

5. Гражданскому населению запрещается покидать дома с 20.30 до 4.00. Запрещение вступает в силу немедленно. Тот, кто, несмотря на это, появится на улице в это время, будет расстрелен.

Кодыма, 2 августа 1941 года

Немецкое командование».

2 августа Зальмут подписал приказ подчиненным ему частям, который гласит:

«2. Участие солдат в операциях против евреев и коммунистов.

Фанатическое стремление членов коммунистической партии и евреев любой ценой задержать продвижение германской армии необходимо сломить во что бы то ни стало. Эта задача возлагается на зондеркоманды. Однако при проведении такой операции в одном населенном пункте нежелательным образом приняли участие военнослужащие войск. На будущее приказываю:

В подобных операциях могут принимать участие только те солдаты, которым будет отдан об этом недвусмысленный приказ. Запрещаю военнослужащим подчиненных мне частей даже присутствовать при этих операциях в качестве зрителей.

Если военнослужащие войск получают приказ участвовать в подобных операциях, они должны находиться под командованием офицеров. Эти офицеры несут ответственность за то, чтобы со стороны войск не было никаких нежелательных эксцессов».

Ни в одном из документов или показаний свидетелей не говорится, что подсудимый в какой-либо форме заявлял протест против действий СД, осуждал их или требовал удаления или наказания сотрудников этой преступной организации.

Если даже принять всерьез версию, будто несколько евреев в Кодыме готовили нападение на германскую армию, то доказанным фактом является то, что казни вышли далеко за рамки наказания лиц, участвовавших в этом заговоре, и что в действительности речь шла об истреблении людей. На основании этих документов и других представленных в качестве доказательств материалов трибунал пришел к выводу, что подсудимый терпел и одобрял указанные преступления.

Совершенно очевидно, что начиная с этого дня подсудимый знал об убийствах, совершавшихся сотрудниками полиции безопасности и СД. И если он позже передавал военнопленных и гражданских лиц этим организациям, то он знал, какая судьба их ожидает. Когда в районе, которым он командовал, разворачивались операции этих частей, подсудимый знал, что там происходят убийства. Тем не менее 7 августа он передал приказ ОКХ от 25 июля 1941 года, который предписывал:

«Подозрительные элементы, если нет доказательств того, что они совершили серьезные преступления, но которые по своему настроению и поведению кажутся опасными, должны передаваться оперативным группам или командам полиции безопасности (СД). Передвижение лиц без пропусков должно быть прекращено».

24 июля 1942 года начальник тылового района 580, то есть тылового района 2-й армии, которой командовал Зальмут, издал следующую инструкцию:

«Для осуществления особых задач полицейского характера вне расположения войск в тыловом районе армии к штабу 2-й армии прикрепляется зондеркоманда 4а полиции безопасности и СД. Она выполняет свои задачи под собственную ответственность. Командование армии согласует задачи зондеркоманды с задачами военной разведки, деятельностью полевой тайной полиции и требованиями, связанными с ведением операций».

4 июля 1943 года подсудимый, командовавший тогда 4-й армией, подписал следующее донесение:

«III. Сотрудничество с тайной полевой полицией, высшими руководителями СС и полиции, уполномоченными начальника полиции безопасности, СД и оперативного штаба Розенберга.

Сотрудничество всех германских инстанций было очень успешным. Особенно в районах корпусов согласованная деятельность тайной полиции и комендатур дала большие выгоды».

26 декабря 1944 года Зальмут издал подписанную его начальником штаба инструкцию, которая гласила:

«Зондеркоманда 4а полиции безопасности и СД в отношении передвижения, снабжения и размещения подчиняется армии.

Специальные указания зондеркоманда получает от начальника полиции безопасности и СД. Армия вправе давать указания, которые могут оказаться необходимыми, для того чтобы избежать помех при операциях.

Кроме того, обязанностью начальника разведывательного отдела штаба армии является согласование задач зондеркоманды с потребностями военной разведки, деятельностью тайной полевой полиции и требованиями, связанными с ведением операций.

Руководителю зондеркоманды указано на необходимость тесного сотрудничества с разведывательным отделом штаба армии. Поскольку район ее действий, за исключением отдельных случаев, ограничивается в основном тыловым районом армии, рекомендуется дальнейшее тесное сотрудничество с оберквартирмейстером и комендатурой тылового района армии. Задачи разведывательно-полицейского характера в войсках и их охрана в этом смысле целиком возлагаются на тайную полевую полицию». (Подпись.)

Из документов неясно, в каких местах и в каких масштабах проводились казни во исполнение этой программы на территории указанного района, однако эти документы недвусмысленно подтверждают факт сотрудничества подсудимого с оперативными группами СД, о преступной деятельности которых ему было известно.

24 мая подсудимый, командовавший тогда 17-й армией, разослал подчиненным ему частям приказ об обязательной регистрации всех граждан, за исключением евреев, иностранцев, красноармейцев и некоторых других групп населения. В приказе содержалось следующее требование:

«Хозяева квартир, предоставляющие убежище вновь прибывающим лицам (также и членам своих семей) без документов или по поддельным документам, будут расстреливаться, точно так же как и лица, поселившиеся (или скрывающиеся по ночам) в данном населенном пункте, не имея на то письменного разрешения бургомистра».

Другими словами, приказ предписывал, чтобы определенные категории гражданских лиц были занесены в списки, а другие, в том числе и евреи, не учитывались. В результате им, естественно, грозил расстрел: ведь у них не было документов, которые им и не выдавали.

В соответствии с изложенными здесь мотивами трибунал признает Зальмута виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

КАРЛ ХОЛЛИДТ

Карл Холлидт родился 28 апреля 1891 года в Шпейере на Рейне, в июле 1909 года стал кандидатом в офицеры, а в июле 1910 года — лейтенантом пехоты. Во время первой мировой войны был на фронте и получил ранение; после войны служил в добровольческом корпусе, а позже стал капитаном рейхсвера. Летом 1938 года был произведен в генерал-майоры.

Холлидт не участвовал в польской кампании; когда началась война, он принял командование 52-й пехотной дивизией и должен был обеспечивать оборону Саарбрюккена в районе Западного вала. В апреле 1940 года был произведен в генерал-лейтенанты, в ноябре 1940 года ему поручили командование 50-й пехотной дивизией. Он принял участие во вторжении в Грецию, а позже участвовал в нападении на Россию. В феврале 1942 года он был произведен в чин генерала пехоты и стал командовать XVII корпусом 6-й армии. В январе 1943 года был назначен командующим оперативной группой Холлидта, которая позже под его командованием была преобразована в 6-ю армию.

В феврале 1943 года он был произведен в генерал-полковники. В апреле 1944 года был освобожден от занимаемой должности и ушел в отставку. В марте 1945 года он занял пост офицера связи при начальнике гражданской администрации в Рурской области и оставался в этой должности до апреля 1945 года.

Обвинение в преступлениях против мира еще ранее исключено из данного приговора. Трибунал рассматривает преступления, инкриминируемые подсудимому по разделам II и III обвинительного заключения, в следующем порядке: 1. «Приказ о комиссарах». 2. «Приказ о командос». 3. Использование военнопленных на запрещенных работах. 4. Убийства и жестокое обращение с

военнопленными. 5. Угон и порабощение гражданских лиц. 6. Разграбление общественной и частной собственности. 7. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданских лиц.

1. «Приказ о комиссарах»

Судебное следствие установило, что подсудимый Холлидт получил копию данного приказа или аналогичного приказа, предписывающего расстрел политических комиссаров. Подсудимый показал, что он дал своим командирам полков инструкцию не выполнять приказ. Представленное трибуналу донесение, в котором говорится о таких казнях, исходило от 50-й дивизии; это донесение не совсем ясно по своему содержанию. В более позднем донесении XVII корпуса, направленном 6-й армии 15 февраля 1942 года, упоминается о казни двух комиссаров. Однако из донесения неясно, были ли комиссары казнены после того, как их взяли в плен. Такие документы трибунал должен толковать в пользу подсудимого.

Далее, подсудимый отрицал, что в это время он уже командовал XVII корпусом, и утверждал, что не видел указанного выше документа. Из его служебных бумаг установлено, что он был переведен в XVII корпус в январе 1942 года. Однако приказ о перемещении и фактическое принятие командования — это разные вещи. Но даже если и предположить, что Холлидт принял командование в январе, то, учитывая кратковременность его пребывания в этой должности, вряд ли можно утверждать, что казнь, которая, возможно, и была проведена, была следствием действий или упущения подсудимого.

Поэтому на основании представленных в качестве доказательств материалов трибунал приходит к выводу, что подсудимый не принимал преступного участия в осуществлении «приказа о комиссарах».

2. «Приказ о командос»

XVII корпус получил данный приказ, и подсудимый Холлидт ознакомился с ним после своего возвращения из отпуска в начале ноября 1942 года. Он показал, что

у него не было никаких оснований для того, чтобы передавать этот приказ дальше, и судебное следствие не установило, что он приказ передавал или что подчиненные ему части его выполняли.

Поэтому трибунал считает, что подсудимому нельзя инкриминировать преступных действий в связи с «приказом о командос».

3. Использование военнопленных на запрещенных работах

Представленные обвинением по данному пункту документы охватывают время, когда подсудимый командовал оперативной группой Холлидта в составе 6-й армии. Ему пришлось тогда отступить примерно на 1500 километров, и его армия во время этого отхода временами была в затруднительном и просто в жалком состоянии. Поэтому подсудимый оправдывал свои меры по использованию военнопленных до некоторой степени тем стесненным положением, в котором он тогда находился. Это не является оправданием, но может быть принято во внимание в качестве смягчающего обстоятельства. Поскольку войска подсудимого отступали и подвергались тяжелым, неожиданным атакам, использование военнопленных на строительстве укреплений и на работах в боевых частях неизбежно подвергало их более серьезной опасности, чем это было бы в условиях более стабильного фронта.

По данному пункту судебное следствие установило, что подчиненные подсудимому части в течение продолжительного времени использовали военнопленных в зоне боев на строительстве полевых укреплений; это могло происходить только с ведома и одобрения подсудимого. Из донесений ясно, что военнопленные действительно либо гибли под обстрелом вражеских минометов, либо получали ранения.

На основании материалов, представленных в качестве доказательств, суд пришел к заключению, что в частях, которыми командовал подсудимый, военнопленных использовали на опасных работах и что это происходило с его ведома и одобрения, поэтому он должен нести уголовную ответственность за эти действия.

4. Убийства и жестокое обращение с военнопленными

Обвинение по данному пункту основывается отчасти на документах, которые показывают, что в подразделениях, подчинявшихся Холлидту, производились расстрелы военнопленных. Из этих документов неясно, при каких обстоятельствах производились расстрелы, а также были ли они мерой, ни на чем не основанной. Но даже если предположить, что это было так, трибунал все же полагает, что подобные действия следует считать эксцессами, которые допускали войска и в которых подсудимый не принимал преступного участия.

Другим доказательством по данному пункту, на которое опирается обвинение, является документ № 1928—приказ, касающийся расстрелов парашютистов. Трибунал не считает, что этот приказ носил противозаконный характер, и поэтому преступные действия подсудимого в этом отношении нельзя считать доказанными.

5. Угон и порабощение гражданских лиц

Доказательства, представленные по данному пункту, полностью подтвердили, что подчинявшиеся подсудимому части противозаконно использовали гражданских лиц на принудительных работах и что это происходило с ведома и одобрения подсудимого; гражданских лиц использовали на строительстве полевых укреплений, что представляет собой нарушение норм международного права.

Судебное следствие установило далее, что подсудимый на основании соответствующих приказов принимал участие в принудительном наборе рабочих для рабского труда на территории рейха. Он утверждает, что был против программы принудительного набора рабочей силы для использования в Германии. Как показывает документ № 146, представленный по делу Холлидта, неодобрение подсудимым этой программы можно объяснить только тем фактом, что ему самому были нужны рабочие.

6. Разграбление общественной и частной собственности

Трибунал считает, что доказательства, представленные по данному пункту, и особенно документ № 573, подтверждают тот факт, что при эвакуации территорий подсудимый рассматривал представителей гражданских властей как подчиненных армии. Он издал распоряжение о том, что «все предметы, которые могли бы принести пользу противнику, должны быть уничтожены, если их нельзя вывезти». По мнению суда, нельзя считать установленным, что проведенные мероприятия, если учесть военную ситуацию в районе командной власти подсудимого, выходили за рамки, оправдываемые военной необходимостью. Судебное следствие не установило также, какие ценности были перемещены с ведома и одобрения подсудимого.

Поэтому трибунал приходит к выводу, что подсудимый не несет уголовной ответственности по данному пункту.

7. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданского населения

Судебное следствие по данному пункту не подтвердило, что подсудимый передал дальше приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Приказ, на который опирается обвинение,—это далеко идущий военный приказ относительно подавления партизан и пресечения партизанской деятельности населения в районе, занятом 50-й пехотной дивизией. По мнению суда, издание такого приказа само по себе не представляет противозаконного действия, за которое подсудимый должен был бы нести уголовную ответственность. Верно то, что в приказе содержится положение: «Лица, партизанская деятельность которых доказана их собственным признанием или заслуживающими доверия показаниями свидетелей, расстреливаются без процедуры военного суда». Можно предположить, что этот приказ основывался на приказе «Об особой подсудности в районе «Барбаросса».

Если 50-я дивизия действительно получила и передала дальше приказ «Об особой подсудности в районе

«Барбаросса», то изданный подсудимым приказ, о котором говорилось выше, ограничивал бы применение приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», поскольку он предписывал расстреливать только тех, кто был изобличен в партизанской деятельности в результате собственного признания или благодаря заслуживающим доверия показаниям свидетелей. Это ограничение положений приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» должно рассматриваться скорее как заслуга и не может быть истолковано в ущерб интересам подсудимого.

Трибунал не убедился полностью в том, что подсудимый совершил наказуемые действия в этих отдельных случаях.

Что касается ответственности Холлидта за действия тайной полевой полиции, то привлеченные по этому делу документы не подтвердили, что по данному пункту он нарушил нормы международного права.

По мнению трибунала, не было доказано, что операции СД в районе 6-й армии выходили за рамки допустимых с юридической точки зрения полицейских мероприятий в отношении партизанской деятельности в районе, на который распространялась командная власть подсудимого.

По приведенным выше основаниям подсудимый должен нести уголовную ответственность за запрещенное использование военнопленных и за противозаконное использование на работах и противозаконную депортацию гражданских лиц. Вследствие этого Холлидт признается виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

ОТТО ШНИВИНД

Отто Шнивинд родился 14 декабря 1887 года, в 1907 году стал гардемаринном военно-морского флота, много раз получал повышения, в конце 1940 года стал адмиралом, в 1941 году был назначен командующим флотом и занимал этот пост до выхода в отставку в конце 1944 года.

Подсудимому инкриминируется главным образом совершение преступлений против мира. Обвинение по этому разделу уже снято настоящим приговором.

Обвинения, предъявленные по разделам II и III обвинительного заключения, основываются на следующих документах:

1. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». 2. «Приказ о командос».

Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» был направлен верховным главнокомандованием вооруженных сил главному командованию военно-морских сил 14 мая 1941 года и получен ОКМ на следующий день. Подсудимый видел приказ только 20 мая 1941 года. Тогда он был начальником штаба по руководству морскими операциями (ЗКЛ) и одновременно — начальником главного военно-морского штаба, бывшего отделом штаба ЗКЛ. 12 июня 1941 года он покинул этот пост и стал командующим флотом. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» был разослан нижестоящим инстанциям только 17 июня, то есть почти неделю спустя после того, как Шнивинд покинул свой пост. По-видимому, задержка объяснялась тем, что возникли некоторые сомнения в допустимости такого приказа с правовой точки зрения. Приказ был сначала отправлен в адрес юридического отдела разведки военно-морского флота и только после этого передан подчиненным частям. Это произошло, как уже

было сказано, лишь после того, как адмирал Шнивинд оставил свой пост. Заявление обвинения содержит следующее суждение: «За время, прошедшее после получения приказа, будучи еще начальником штаба, Шнивинд, как было доказано, не сделал ничего, чтобы затруднить или сорвать дальнейшую рассылку этого противозаконного приказа». Трибунал не может присоединиться к такому выводу.

«Приказ о командос» был разослан штабом ЗКЛ подчиненным ему частям 27 октября 1942 года, то есть в то время, когда подсудимый уже был командующим флотом. Приказ был направлен как его служебной инстанции, так и подчиненным ему частям.

Судебное следствие не установило, что приказ проводился в жизнь подсудимым или подчиненными ему частями. Характер и цель приказа таковы, что он имел мало значения или вообще не относился к надводным силам, находившимся в подчинении у Шнивинда, например к линейным кораблям, крейсерам, эскадренным миноносцам, миноносцам, быстроходным торпедным катерам и минным заградителям.

Подсудимый признается невиновным по разделам II и III обвинительного заключения и будет освобожден судом после того, как закончится разбирательство по данному делу.

КАРЛ ФОН РОК

Подсудимый Карл фон Рок родился 7 мая 1880 года, во время первой мировой войны был офицером генерального штаба, после войны остался в рейхсвере. С 31 января 1931 года он был уволен с действительной службы и не возвращался на нее до 23 мая 1939 года. В это время он был занят на гражданской службе противовоздушной обороны в Берлине. 1 декабря 1939 года он стал командиром дивизии, с середины марта 1941 года до 15 июня 1942 года фон Рок был начальником тылового района группы армий «Юг». Примерно с 10 сентября 1941 года по 5 октября 1941 года он командовал одной фронтовой частью, однако оставался в то же время начальником тылового района группы армий «Юг». С 27 октября 1941 года по 10 января 1942 года по болезни он отсутствовал в штабе, и в это время обязанности начальника тылового района группы армий «Юг» исполнял его заместитель генерал-лейтенант Фридрихи. В апреле 1942 года фон Рок был две недели в отпуске. В конце июля 1942 года он был назначен начальником тылового района группы армий «А» (Кавказ). Это назначение вступало в силу по южной части бывшего тылового района группы армий «Юг» в начале августа и по Кавказу — в начале сентября 1942 года. В середине декабря 1942 года подсудимый в связи с преклонным возрастом получил отставку и больше в войне не участвовал. В последний период он имел чин генерала пехоты, полученный им в 1941 году.

Подсудимый фон Рок обвиняется в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Суд рассматривает здесь только два этих обвинения, поскольку в другом месте приговора трибуналом уже сняты разделы обвинения, которые формулируются как преступления против мира и заговор с целью совершения преступлений против мира.

На основании данных судебного следствия речь идет здесь о преступлениях, совершенных в то время, когда подсудимый был начальником тылового района группы армий «Юг». Мы рассмотрим эти преступные действия в следующем порядке: 1. «Приказ о комиссарах». 2. Использование военнопленных на запрещенных работах. 3. Убийства и жестокое обращение с военнопленными. 4. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». 5. Заложники и репрессии. 6. Жестокое обращение и преследования гражданского населения. 7. Борьба с партизанами.

Из показаний фон Рока вытекает, что в районе своей группы армий он, как представитель оккупирующей державы в данном районе, обладал исполнительной властью. Он показал, что у него были обязательства по отношению к гражданскому населению. Однако ни из его показаний, ни из его поступков не вытекает, что он осознавал тот факт, что, будучи офицером оккупирующей державы, он был обязан также защищать население и поддерживать общественный порядок.

В своих свидетельских показаниях генерал Гальдер определил понятие «исполнительная власть»:

«Носитель исполнительной власти в определенном районе объединял в своем лице все юридические прерогативы как территориального, так и законодательного характера».

В приговоре пятого трибунала, вынесенном на процессе № 7 по делу о казнях заложников, об ответственности сказано особенно точно:

«...Этот долг касался не только населения оккупированного района, но и собственных войсковых частей и вспомогательных войск. Генерал, командующий оккупированным районом и объединяющий в своем лице как исполнительную власть, так и военное командование, не может утверждать, что за преступления отвечает часть, выполняющая преступные приказы, отданные кем-либо помимо него, и что поэтому он не подлежит ответственности. Так, например, здесь утверждали, что известные части СС, находившиеся под непосредственным командованием Генриха Гиммлера, совершили определенные

инкриминируемые подсудимым преступления без ведома, разрешения или одобрения этих подсудимых. Однако это не может служить оправдательным мотивом для генерала, командующего оккупированным районом. На него возлагаются определенные обязанности и ответственность за поддержание спокойствия и порядка и предотвращение преступлений. Совершенно очевидно, что он не может игнорировать факты и выдвигать в качестве оправдательного довода то, что он якобы о них не знал».

В решении Верховного суда Соединенных Штатов на процессе по делу Ямасита, на которое трибунал уже ссылаясь в другом месте обоснования настоящего приговора, записано следующее:

«Совершенно ясно, что эти положения недвусмысленно возлагали на Ямасита, бывшего тогда военным губернатором Филиппин и одновременно командующим японскими войсками, определенный долг: принять все имевшиеся в его распоряжении и при данных обстоятельствах оказавшиеся необходимыми меры, для того чтобы защитить военнопленных и гражданское население».

Трибунал считает, что носитель командной и исполнительной власти обязан использовать эту власть для защиты военнопленных и гражданского населения в его районе и что фактически изданные приказы являются преступными, если они свидетельствуют о пренебрежении этим долгом и о связанной с этим бездеятельностью, в то время как автор этих приказов знал о совершаемых в его районе другими лицами действиях, представляющих собой нарушение возложенных на него обязательств. Судебное следствие установило, что подсудимый издавал приказы, которые влекли за собой совершение преступлений подчиненными ему войсками и служебными инстанциями в его районе и означали нарушение больших и принципиальных обязанностей по отношению к военнопленным и гражданскому населению, возлагаемых на командующего оккупационными войсками, облеченного командной и исполнительной властью. Доказано также, что подсудимый знал о таких преступлениях, одобрял их и мирился с ними.

1. «Приказ о комиссарах»

Трибунал уже объявил этот приказ преступным, и потому здесь нет необходимости еще раз обсуждать подробно этот вопрос. Фон Рок признал, что он получил сведения о приказе в июне или июле 1941 г. Он отрицает, что передал его дальше, однако, принимая во внимание имеющиеся доказательства и тот факт, что подчиненные ему части широко применяли этот приказ, достоверность его показаний и показаний некоторых других свидетелей защиты представляется весьма сомнительной. Независимо от того, был ли приказ передан им или нет, в его районе он применялся так широко, что подсудимый, безусловно, обязан был вмешаться, чтобы прекратить преступные действия подчиненных ему частей и расположенных в его районе служебных инстанций. С ведома подсудимого постоянно производились расстрелы комиссаров; он никак не препятствовал этому.

Один раздел «приказа о комиссарах» имеет важное значение в связи с представленными доказательствами. Он гласит:

«II. В тылу войск

Комиссаров, которые будут задержаны ввиду их подозрительного поведения, следует передавать эйнзатц-группам или эйнзатцкомандам полиции безопасности (СД)».

Представленные по данному делу материалы показывают, что 444-я, 213-я и 454-я охранные дивизии в течение долгого времени подчинялись фон Року. Подсудимый утверждал, что эти дивизии стали подчиняться группе армий «Юг» вскоре после начала войны с Россией; однако, несмотря на то что в эти первые дни войны их подчинили армейской группе, для того чтобы имитировать наступление, в действительности они «полностью подчинялись начальникам тыловых районов групп армий».

454-я дивизия получила «приказ о комиссарах» 20 июня 1941 года. Приказ этой дивизии от 2 августа 1941 года предписывает «отбор» в лагерях «политически нежелательных», лиц, подозреваемых в партизанской

деятельности, комиссаров и «подстрекателей»; коменданты лагерей должны были обращаться с ними в соответствии с особыми приказами.

В приказе 444-й охранной дивизии от 14 июня 1942 года частям тайной полевой полиции предписывается 10 и 25 числа каждого месяца сообщать разведывательному отделу дивизии о числе лиц, которых опознали как комиссаров, причем следовало различать военных комиссаров, гражданских комиссаров и комиссаров, переданных СД. В случаях, когда комиссары не были обнаружены, об этом нужно было упоминать в донесении. Как уже говорилось, этот приказ помечен 14 июня 1942 года, а Рок показал, что 13 июня он был переведен в резерв командного состава. Однако в приказе имеется ссылка на два предыдущих приказа — от 29 августа 1941 года и 30 января 1942 года. Совершенно ясно, что вопросы, которых касался приказ, отнюдь не были для дивизий новостью и что подчиненные фон Року части проводили в жизнь «приказ о комиссарах» еще год спустя после начала войны.

В телеграмме, направленной 25 июля 1941 года тыловым районом фон Рока 213-й охранной дивизии, подтверждается прибытие 24 июля эсэсовской бригады и отмечается, что она должна будет действовать с 26 по 28 июля. В тот же самый день, 25 июля 1941 года, командир эсэсовской бригады Якельн отдал приказ о проведении акции по «очистке», в котором перечисляются города и населенные пункты, находившиеся все это время, как показывают карты боевых действий за 20 июля и 5 августа 1941 года, в тыловом районе фон Рока. В приказе говорилось, что арестованные комиссары должны быть доставлены к нему, Якельну, чтобы эсэсовские руководители его штаба могли их подробно допросить, а с прочими агентами такого рода и евреями, которые оказывали услуги Советам, нужно обращаться соответствующим образом. Шесть дней спустя тот же руководитель эсэсовцев и полиции Якельн представил следующий отчет:

«Штабу 6-й армии

По одной копии: Рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции, начальнику тылового района группы армий генералу фон Року, начальнику тылового района

армии генерал-лейтенанту фон Путкаммеру, начальнику полиции порядка генералу полиции Далюгге.

1. По распоряжению генерал-фельдмаршала фон Рейхенау рейхсфюрер СС предоставил 1-ю бригаду СС для проведения акции по очистке в тыловом районе армии.

Проведение этой операции в районе долины реки Случь, Нов. Мирополя, Шепетовки, Изяслава, Острога, долины реки Горыни, Гоща было организовано в соответствии с указаниями начальника штаба 6-й армии и по договоренности с начальником тылового района армии генерал-лейтенантом фон Путкаммером и начальником тылового района группы армий генералом фон Роком.

2. Перед подчиненными мне частями, участвовавшими в операции, была поставлена задача —

Захват или уничтожение:

- а) остатков 124-й советской стрелковой дивизии;
- б) вооруженных банд;
- в) партизан;
- г) лиц, оказывавших поддержку большевистской системе...

3. Всего было задержано:

135 солдат украинской национальности. Переданы в дулаг.

Расстреляны:

73 русских солдата (партизаны), 165 партийных работников и других лиц, которые оказывали большевистской системе значительную поддержку...»

Отсюда недвусмысленно вытекает, что группа армий фон Рока («Юг») знала об этой операции, разрешила провести ее в своем районе и после ее окончания получила отчет о ее результатах. В результате этой операции были расстреляны 73 русских солдата как партизаны, 165 партийных работников и 1658 евреев. Содержание отчета показывает, что проведение этих 1896 казней было явным нарушением норм международного права. Фон Рок утверждает, что за эти расстрелы несет ответственность не он, а Рейхенау. Однако значительная часть расстрелов произведена в районе, который находился в подчинении подсудимого. Он признает, что занимался размещением бригады войск СС и что его начальник штаба доложил ему о свершившихся казнях.

В любом случае после событий 1 августа 1941 года Рок никак не мог утверждать, будто ему ничего не было известно о том, что задача СС и СД заключалась в истреблении комиссаров и евреев.

Из одного отчета начальника полиции безопасности и СД, от 17 июля 1942 года, видно, что СД в г. Владимир-Волынский передала для «особого обращения» 36 комиссаров из одного лагеря для военнопленных русских офицеров и 76 офицеров, готовивших побег. Согласно карте военных действий за 20 июля 1941 года, этот город входил тогда в район, подчиненный фон Року, и в своих показаниях последний признал, что границы этого района были установлены уже 10 июля 1941 года.

В сообщении о действиях 454-й охранной дивизии за ноябрь 1941 года указывается, что были расстреляны 24 человека (политруки и сотрудники НКВД) за нелегальную деятельность.

24 августа, всего 24 дня спустя после упомянутого массового истребления евреев и партийных работников, фон Рок подписал приказ о том, что СД должна участвовать в проверке военнопленных с целью отбора возможных «нежелательных элементов». Этот приказ касался директив по борьбе с партизанами. Свидетель Фрюхте, врач в дулаге 160, расположенном в тыловом районе группы армий «Юг», показал, что СД искала в лагерях для военнопленных комиссаров. Его свидетельские показания по этому пункту содержат следующие сведения:

«Насколько мне известно, имелось указание проверить военнопленных, для того чтобы обнаружить комиссаров и политруков. Практически почти никогда или только очень редко удавалось это сделать, потому что комиссаров ликвидировали еще раньше, до того как пленные прибывали в лагерь. Я знаю только о двух случаях. Один случай имел место в лагере в Кировограде, где одного политрука, то есть человека, которого обвиняли в том, что он был политруком, допросили офицер, производивший дознание, и комендант. И второй случай имел место в главном лагере в Хороле: когда привели группу... отряд пленных в лагерь, один фельдфебель, сотрудник полевой полиции, тотчас же вытащил из рядов

одного комиссара и хотел расстрелять его тут же на месте в самом лагере. Я случайно присутствовал при этом и сказал, что здесь, в лагере, никого не расстреливают. Он приказал комиссару раздеться и за первым же углом пристрелил его».

И далее:

«Я хотел бы вернуться еще раз к этому вопросу. Мне кажется, что суд меня неправильно понял. Само собой разумеется, что комиссаров искали постоянно, но только два раза обнаружили их. Для немецкой охраны было обычным делом проверять каждый прибывающий транспорт военнопленных в поисках политических работников. Я показал, что нашли только два раза, потому что этих людей ликвидировали в большинстве случаев еще раньше».

Дулаг 160, в котором Фрюхте был военным врачом, находился в г. Хорол. Показания д-ра Фрюхте подтверждаются показаниями свидетеля Блюменштика, заключенного этого лагеря. Он показал, что существовал приказ о немедленной изоляции комиссаров, политруков, офицеров и других работников штабов в особую группу. Во время своего пребывания в лагере он видел однажды, как были расстреляны 7 или 9 человек, среди которых были военнопленные комиссары и 3 еврея.

Имя начальника тылового района группы армий «Юг», подсудимого фон Рока, стоит четвертым в списке адресатов для рассылки приказа ОКХ, который трибунал сейчас должен рассмотреть. Этот приказ от 7 октября 1941 года недвусмысленно предписывает, что СД должна действовать в лагерях, расположенных в тыловом районе группы армий, а относительно того, какая судьба ждала людей, «отобранных» и вывезенных из лагерей сотрудниками СД, не может быть никаких сомнений. В приказе содержатся, в частности, следующие абзацы:

«...В дулагах тылового района группы армий отбором нежелательных элементов должны заниматься зондеркоманды полиции безопасности и СД, которые действуют

под собственную ответственность в соответствии с прилагаемыми директивами...

б) Действия зондеркоманд по договоренности с начальниками тыловых районов (окружными комендантами по делам военнопленных) должны быть организованы таким образом, чтобы отбор проводился по возможности незаметно, а ликвидация осуществлялась без промедления и на таком расстоянии от дулагов и населенных пунктов, чтобы о ней не знали остальные военнопленные и население...

д) В дулагах, расположенных в тыловом районе группы армий, где зондеркоманды еще не провели отбора, следует поступать в соответствии с данными ранее инструкциями *под ответственность комендантов*. С прибытием зондеркоманд отбор нежелательных элементов возлагается исключительно на эти отряды. Проводить отбор и т. д. совместными силами не разрешается.

3. Письменная передача этого приказа — также и в выдержках — не разрешается. Ознакомление окружных комендантов по делам военнопленных и комендантов дулагов должно проводиться устно».

Как видно из самого этого приказа, его считали таким жестоким, что читать его могли только непосредственные получатели, и к их числу принадлежал подсудимый фон Рок. Было запрещено передавать этот приказ письменно даже и в выдержках. Приказ предписывает — и это имеет важное значение, — чтобы местных окружных комендантов по делам военнопленных и комендантов пересыльных лагерей знакомили с ним только устно. Командование тылового района фон Рока получило этот приказ, ибо он был включен в повестку дня совещания начальников в тыловом районе группы армий «Юг» 17 ноября 1941 года под заголовком: «Компетенция СД в пересыльных лагерях для военнопленных (новые инструкции)». Не имеет значения, видел ли Рок этот приказ, поскольку в лагерях, на которые распространялась его юрисдикция и контроль, сотрудники СД, имевшие право вступать на территорию лагерей только с его разрешения, проводили свои операции в соответствии с положениями этого приказа.

15 мая 1942 года были расстреляны 500 военнопленных, «отобранных» в дулаге. По этому поводу фон Рок показал следующее:

«Вопрос: Как вообще учитывались пленные, которые были казнены СД в дулаге 160? Делались ли где заметки относительно их судьбы и вообще как они учитывались? Вам известна процедура?

Ответ: Делалось так. СД прибыла в Хорол. Ее задача — я сам говорил с унтерштурмфюрером СС — расстрелять всех евреев и всех лиц, которые были подозрительны в каком-либо другом отношении. В Хороле оставалось примерно 50 гражданских лиц, а именно ремесленники, которые еще были нужны. Кроме того, там оставались все военнопленные и ряд лиц, которых держали в лагере для военнопленных как подозрительных (подозреваемых в том, что они были партизаны, евреи, цыгане, коммунистические руководители и т. д.). СД приказала прежде всего запереть в отдельном лагере в Хороле всех евреев и всех гражданских лиц. После этого в лагерь направился унтерштурмфюрер. В лагере был составлен список, куда занесли всех лиц, которые не были евреями, но были подозрительны (евреев учитывать не нужно было, потому что они, как и гражданские лица, подлежали расстрелу без всяких формальностей). После этого штурмфюрер СД приказал примерно 200 или 300 подозрительным лицам проходить мимо него и около каждой фамилии ставил знак «F» (frei — «свободен») или «E» (erschießen — «расстрелять»). Всех людей, против фамилии которых стоял знак «E», отсылали к евреям, и 15 мая их расстреляли вместе с евреями.

Вопрос: И сколько было их всего?

Ответ: Я уже сказал, всего около 500 человек, из них примерно 450 человек — военнопленные-евреи из лагеря и подозрительные лица и еще 50 человек — гражданские лица из города».

Эти показания не нуждаются ни в каких комментариях. Они подтверждаются также и показаниями свидетеля Блюменшттика, который рассказал, как он вместе с 12 000 или 15 000 русских военнопленных шел из Хорола (дулаг 160) в Кременчуг. Тех, кто не мог идти,

расстреливали. Блюменштик показал, что рядом с ним были убиты три человека, потому что они обессилели и падали. По его мнению, всего было расстреляно по этой причине около 1200 человек. В свою очередь Фрюхте слышал от конвойных, сопровождавших эти транспорты, что обессилевших военнопленных пристреливали и оставляли на дорогах.

В то время когда происходили эти события, дулаг 160 находился в районе, которым командовал фон Рок. Все описанные выше случаи имели место в тыловом районе группы армий «Юг».

Факты, которые трибунал рассмотрит ниже, имели место в тыловом районе группы армий «А». В начале августа фон Рок стал командующим частью этого района, а 1 декабря 1942 года он принял командование всем тыловым районом. Подчиненная ему 454-я дивизия расстреляла 2 партизан как коммунистов, кроме того, 37 активных коммунистов. Часть этих расстрелов произвела СД, однако отчет об этом представила 454-я дивизия.

Принимая во внимание приведенные документы и приказы, устные показания свидетелей и другие доказательства, трибунал пришел к выводу, что подсудимый фон Рок, даже если он и не передавал «приказ о комиссарах», во всяком случае, получил его и с самого начала войны против СССР знал, что этот приказ проводился в жизнь в его районе.

2. Использование военнопленных на запрещенных работах

31 июля фон Рок получил приказ ОКХ «Об использовании на работах», в котором начальникам тыловых районов предписывалось доставлять рабочих для использования их труда в интересах военных операций. Далее предписывалось передавать военнопленных крупным подразделениям для использования их на работах: например, в округа снабжения, в дорожностроительные и мостостроительные батальоны, железнодорожные и саперные части, использовать их на перевозках грузов, в качестве наземного персонала в авиации, в хозяйственных частях, в организации Тодта и в частях, занятых подготовкой зимних квартир. Этот приказ был противо-

законным, так как он допускал использование военнопленных на работах, запрещенных международным правом. По всей вероятности, фон Рок передал этот приказ своим дивизиям, однако нет никаких доказательств того, что военнопленные действительно использовались на каких-либо работах, кроме разгребания снега на дорогах и т. п. Имеется снимок, изображающий военнопленных за погрузкой боеприпасов в одном населенном пункте; согласно карте военных действий, в то время когда был сделан этот снимок, данный населенный пункт не входил в район фон Рока. Другие карты, помеченные более ранними датами, показывают, что этот пункт входил в его район. Фон Рок показал, что в его районе военнопленных не использовали на принудительных работах. В целом судебное следствие не убедило трибунал в том, что представленные доказательства позволяют сделать вывод об использовании подсудимым военнопленных на запрещенных работах.

3. Убийства и жестокое обращение с военнопленными

Фон Рок отрицает, что он передал дальше «приказ о командос», однако в его районе расстреливали парашютистов как партизан. В одном приказе начальника штаба тылового района группы армий «Юг» от 9 августа 1941 года указывается, что приказ должен быть разослан всем подразделениям. Он явно был ответом на запрос относительно обращения с пленными парашютистами. В приказе содержатся следующие разъяснения:

«Нужно твердо придерживаться того, что каждый парашютист — это партизан, который, будучи гражданским лицом, в какой-либо форме выступает против германской армии и ее учреждений.

Поэтому в принципе с ним следует обращаться как с партизаном.

Только в тех случаях, когда парашютисты добровольно являются в германские инстанции или их приводит туда местная полиция, которой они добровольно сдались, с ними следует обращаться как с военнопленными.

Заявлениям схваченных парашютистов о том, что они пошли на эту службу по принуждению, верить нельзя, поскольку такие показания даются скорее всего по приказу.

Только беспощадные меры могут обеспечить успех в борьбе против парашютистов».

Давая показания по собственному делу, подсудимый фон Рок заявил, что его части поняли приказ так, как и он его понимал, а именно что парашютистов в форме расстреливать не следует и что с ними нужно обращаться как с военнопленными. Нужно указать, что о таком исключении в приказе не упоминается, да и такой цели явно не существовало. Подчиненные части поняли приказ буквально.

Из одного доклада шефа полевой полиции при начальнике тылового района 103, который подчинялся фон Року, видно, что 49 парашютистов были расстреляны как партизаны.

В журнале боевых действий 444-й охранной дивизии 21 марта 1942 года, то есть в тот момент, когда эта дивизия подчинялась фон Року, сделана запись о расстреле 9 парашютистов и диверсантов, произведенном полевой полицией.

В отчете оперативной группы СД за 12 ноября 1941 года говорится следующее:

«...Среди казненных зондеркомандой 4а за период со второй половины октября 1941 года и по день отчета по-прежнему наряду с относительно небольшим числом политических работников, активных коммунистов, диверсантов и т. д. имеются в первую очередь евреи и опять-таки значительная часть *евреев-военнопленных, переданных сюда армией*. В Борисполе по требованию коменданта тамошних лагерей для военнопленных взвод зондеркоманды 4а расстрелял 14.10.41 и 18.10.41 соответственно — 752 и 357 евреев-военнопленных, в том числе несколько комиссаров и 78 переданных лагерным врачом раненых евреев».

Подсудимый фон Рок признал, что в то время Борисполь входил в его район. Эти расстрелы были проведены явно по желанию коменданта лагерей после

упоминавшихся выше массовых убийств, проведенных СД 27 и 28 июля. По-видимому, к этому времени фон Рок не принял никаких мер, для того чтобы довести до сведения комендантов лагерей для военнопленных, что в дальнейшем они не должны иметь ничего общего с СД.

Отчет, представленный 194-й полевой комендатурой начальнику тылового района группы армий «Юг» 13 апреля 1942 года, показывает, что в Чернигове 126 военнопленных были переданы СД. Фон Рок утверждал, что в то время он был в отпуске в Берлине и потому не получил отчета. Трибунал считает, что это обстоятельство не имеет большого значения, потому что к этому времени фон Рок уже знал, что СД состояла из убийц, поэтому он был обязан позаботиться о том, чтобы военнопленных не передавали службе безопасности. Для этого у него было достаточно времени еще до поездки в отпуск в Берлин.

О другом случае убийства военнопленных свидетельствует телеграмма, которую фон Рок, как он сам признал, видел и читал. Речь идет о донесении 24-й пехотной дивизии от 16 октября 1941 года. В нем говорится следующее:

«Транспортировка пленных происходит в соответствии с приказом при величайшем напряжении сил. *Неподчинение, попытки к бегству и слабость* пленных чрезвычайно затрудняют марш. Расстреляны и умерли от упадка сил *более 1000 человек*. Дулаг 182 в Александрии до сих пор *ничего не сделал* для длительного размещения *20 000 человек*. Новоукраинка якобы готова принять только 10 000».

В тот же самый день, когда было получено это донесение, начальник тылового района группы армий «Юг» направил штабу группы сообщение, в котором говорилось:

«Марш, организованный 24-й пехотной дивизией, затруднен неподчинением, попытками к бегству и слабостью пленных. Расстреляны и умерли от упадка сил 1000 человек».

В разделе протокола совещания командующих 17 ноября 1941 года, озаглавленном «О военнопленных», имеется следующее замечание:

«Расстрелы неспособных к маршу военнопленных в 24-й пехотной дивизии; меры пресечения».

В протоколах заседания имеется также следующая пометка:

«Начальник тылового района группы армий «Юг» генерал пехоты фон Рок уходит в двухмесячный отпуск для лечения. Его будет замещать генерал пехоты Фридричи».

Из этого ясно видно, что 17 ноября было известно о расстрелах военнопленных в 24-й пехотной дивизии в связи с тем, что они не могли продолжать марш. Это ясно видно также из того факта, что 15 октября фон Рок еще исполнял свои обязанности, ибо он пометил этой датой телеграмму, а 26 октября 1941 года подписал приказ, в котором выражал свою благодарность 24-й пехотной дивизии за ее участие в переброске транспортов военнопленных.

Как уже упоминалось выше, свидетель Блюменштик, шедший с этим транспортом как военнопленный, показал, что рядом с ним были расстреляны 3 человека, потому что они настолько обессилели, что не могли выдержать скорость, с которой приходилось идти. Далее он показал¹:

«*Ответ.* Из Хорола в Кременчуг мы должны были идти отрядами по 20 человек, 5 человек в ряду; евреи, которые еще остались в живых, должны были идти впереди, а потом комиссары, офицеры, они также должны были идти впереди под очень строгой охраной, потом шли пленные других национальностей, на выход в Кременчуг — из Хорола в Кременчуг. Люди пытались получить что-нибудь поесть, и, если кто-либо выходил из

¹ Показания Блюменштика были включены в документы суда без исправлений. Он владеет немецким языком недостаточно хорошо.

рядов, его тут же расстреливали. Людей, которые не могли идти дальше, тут же расстреливали и оставляли лежать справа и слева от дороги; их надо был класть так — лицом вниз, а руки вперед...

Ответ. Как мы, пленные, тогда считали, их было, вероятно, человек 1200 или 1500».

Д-р Фрюхте, бывший военным врачом в лагере для военнопленных, дал следующие показания:

«Ответ. Я помню только один случай, когда, как мне точно известно, во время марша расстреливали военнопленных. Это марш, происходивший примерно в середине октября,— я не могу вспомнить точно время — из Хорол в Кременчуг. Лагерь в Хороле был переполнен, и имелся приказ — был получен приказ — отправить примерно 20 000 военнопленных по проселочной дороге пешком в Кременчуг. Как врач, я получил от руководства лагеря следующее задание: когда пленные маршировали, проходили через лагерь, я должен был стоять рядом и отбирать военнопленных, которые казались слабыми и изможденными. Я сделал это и отобрал тогда ряд людей, по которым было видно, что они физически неспособны проделать этот марш. Позже солдаты, которые либо проделали этот марш с пленными, либо проезжали отдельные участки по дороге Кременчуг — Хорол на подводах или автомашинах, рассказывали нам, что всех людей, которые не имели больше сил...»

И далее:

«Ответ. Я сказал, что вскоре после этого марша нам, сотрудникам лагеря, стало известно от солдат, которые проделали часть марша в качестве конвоя, или от солдат, которые по каким-либо делам проезжали по этой дороге, что людей, которые не могли идти дальше, расстреливали и что трупы оставались лежать на дороге и весь путь от Хорол был отмечен трупами.

Вопрос. Вы можете сказать суду, почему вам приказали отобрать слабых людей?

Ответ. Чтобы в марше по возможности участвовали только те, кто способен его выдержать.

Вопрос. Кто отдал вам приказ?

Ответ. Комендант лагеря».

Генерал фон Теттау, командовавший 24-й пехотной дивизией, сделал под присягой заявление, в котором он, в частности, утверждает, что ничего не знал о расстрелах военнопленных, которые не могли идти дальше. Поскольку он ничего не знал об этом деле, он не смог и при перекрестном допросе объяснить, каким образом оно стало известно фон Року, который доложил о нем командованию группы армий «Юг». В этом пункте заявление, сделанное под присягой, звучит отнюдь не убедительно. Тем не менее следует констатировать, что приказ по поводу перевода военнопленных, отданный фон Теттау, о чем рассказал д-р Фрюхте, был недвусмысленным и человечным приказом.

В одном приказе ОКХ совершенно ясно говорится, что задачи обеспечения безопасности в тыловых районах армий и групп армий включают, в частности, «охрану и транспортировку военнопленных и использование их на работах». Будучи начальником тылового района группы армий, фон Рок ведал военнопленными и в соответствии с нормами международного права обязан был заботиться о военнопленных в своем районе и обращаться с ними гуманно.

В распоряжении трибунала имеется отчет за август 1941 года, в котором Якельн, бригадфюрер СС, описывает одну операцию, в результате которой 73 русских солдата были захвачены в плен и расстреляны как партизаны.

Следующий абзац, взятый из отчета фон Рока, представленного главному командованию сухопутных сил 20 декабря 1941 года, показывает, каковы были условия в тыловом районе группы армий «Юг» вообще:

«Военнопленные

Массовая смертность истощенных военнопленных в дулагах возбуждает все возрастающий недружелюбный интерес со стороны населения.

Большинство военнопленных нетрудоспособны из-за потери сил».

В другом отчете от 21 декабря 1941 года, приложенном к вышеупомянутому документу, выразительно описывается состояние военнопленных в тыловом районе группы армий «Юг»:

«1. Общее число военнопленных, находящихся в четырех лагерях для военнопленных, созданных в тыловом районе, на 20.12.41 (Дулаг 160, 182, 205, шталаг 346) — 52 513.

2. Смертность военнопленных в лагерях, перечисленных в пункте 1:

а) Дулаг 160: в среднем 10 умерших в день на 12 959 военнопленных — 28,02 процента в год.

б) Дулаг 182: в среднем 18 умерших в день на 7507 военнопленных — 87,05 процента в год.

с) Дулаг 205: в среднем 21 умерший в день на 9271 военнопленных — 82,06 процента в год.

д) Шталаг 346: в среднем 50 умерших в день на 22 776 военнопленных — 80,1 процента в год.»

Судебное следствие установило, что многие из этих военнопленных (и даже большинство их) были взяты в плен в битвах под Киевом и Уманью, происходивших в середине сентября. Это было всего за 6 недель до того, как фон Рок временно покинул этот район. Условия, подобные описанным выше, не могли создаться в течение одного месяца его отсутствия, если бы о военнопленных заботились как полагается. Все эти факты, имевшие место в районе, которым командовал фон Рок, доказывают, что он с большим пренебрежением относился к исполнению своих обязанностей, налагаемых нормами международного права, предусмотренных Женевской и Гаагской конвенциями.

Как показывают документы, фон Рок вернулся из отпуска 10 января 1942 года. Из отчета начальника тылового района группы армий «Юг» от 31 января 1942 года видно, что положение не улучшилось и что в трех пересыльных лагерях, в которых в то время находились примерно 30 000 военнопленных, годовой процент смертности достигал 106 в одном лагере, 262 — в другом и 106 — в третьем. Другой отчет показывает, что в феврале смертность в пяти лагерях, где содержались 38 508 военнопленных, достигла 2814 человек, то есть 7,5 процента в месяц. В тех же лагерях число умерших в марте составило 1707 человек при общей численности пленных 42 078, то есть 4,1 процента в месяц.

В одном отчете офицера санитарной службы при начальнике тылового района группы армий «Юг» о

посещении лазарета для военнопленных и лагерей военнопленных, входивших в дулаг 205, отмечается, что «санитарные условия в лагерях невыносимы» и что у военнопленных развивалась тяжелая дистрофия.

В отчете начальника тылового района группы армий «Юг» генерал-квартирмейстеру ОКХ, завизированном фон Роком и помеченном 16 января 1942 года, упоминается, что 13 января 1942 года в лагерях находился 46 371 военнопленный. Особо подчеркивается недостаток продовольствия и затем говорится:

«Таким образом, в результате большой смертности к 1 апреля, по-видимому, отсеется примерно 15 000 военнопленных».

Отчет, подписанный начальником штаба тылового района группы армий «Юг», заканчивается следующими выводами:

«Совершенно очевидно, что прежде всего следует почти полностью отказаться от использования имеющихся военнопленных на работах. Только таким путем при одновременном улучшении питания возможно сохранить по крайней мере часть многочисленной рабочей силы, которую представляют собой военнопленные. В противном случае следует ожидать, что имеющиеся пока в районе начальника тыла группы армий «Юг» примерно 48 000 пленных в течение нескольких месяцев исчезнут в результате большой смертности и болезней».

Масштабы пренебрежения судьбой этих военнопленных не нуждаются ни в каких комментариях. Судебное следствие установило, что, в то время когда в лагерях существовали такие условия, фон Рок отвечал за судьбу военнопленных в своем районе.

4. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Суд уже обсуждал вопрос об общем характере этого приказа, открывшего самые широкие возможности для совершения преступных действий на территории России. Рок передал приказ своим подчиненным. Он

утверждает, что при этом он подчеркнул, как важно поддерживать дисциплину в войсках. Приказ был передан трем его охранным дивизиям — 213-й, 444-й и 454-й, а также районным полевым комендатурам.

2 августа 1941 года 454-я охранная дивизия издала приказ, в котором, в частности, шла речь об арестах гражданских лиц. В приказе говорилось: «...если они покажутся в каком-либо отношении подозрительными, их следует передавать из пересыльных лагерей для военнопленных органам СД». И далее: «... в тыловом районе группы армий их следует передавать оперативным группам и отрядам полиции безопасности и СД».

Приказ 213-й охранной дивизии от 22 августа 1941 года содержал следующие указания:

«Гражданских лиц, которые достаточно обоснованно подозреваются в шпионаже, саботаже или партизанской деятельности, следует после допроса в тайной полевой полиции расстреливать. Лиц, не проживающих в этой местности, которые не могут правдоподобно объяснить, с какой целью они сюда прибыли, следует по возможности передавать отрядам СД; для мальчиков и молодых девушек, которых противник использует особенно охотно, исключения не делать».

Для того чтобы дивизии при своем ревностном проведении в жизнь кровавого приказа «Об особой подследности в районе «Барбаросса» не оставили в тени его самого, Рок 23 августа 1941 года также издал приказ, в котором, в частности, предписывалось:

«Если вдобавок еще будет найдено оружие, то виновных в соответствии с имеющимися директивами следует предавать смертной казни за партизанскую деятельность. Если можно предположить участие широких кругов населения или если найден склад оружия, то *по приказу офицера в чине не ниже командира батальона* следует провести массовые карательные меры, например массовые расстрелы, а также частичное или полное сожжение деревень. Последнее, однако, может иметь место лишь в том случае, если здания не нужны для размещения войск. Соображения безопасности

войск, учитывая особенности русских условий, требуют от каждого командира беспощадных действий. О проведении карательных мер следует сообщать ежедневно в вечернем докладе как о чрезвычайном происшествии».

Позже, 21 марта 1942 года, начальник штаба Рока издал приказ, в котором содержится предостережение фронтовым частям: не расстреливать лиц, арестованных за шпионаж, *по подозрению в шпионаже*, за саботаж или партизанскую деятельность, не поставив в известность начальника разведки тайной полевой полиции, потому что в противном случае могут быть не получены или утрачены важные сведения. На допросе Рок сказал, что такие сведения были бы утрачены, если бы «этих людей расстреляли без ведома тайной полевой полиции». Жизнь заподозренного вообще не интересовала вермахт. Только показания, которые тайная полевая полиция, возможно, вырвала бы у него, имели ценность, и эти показания следовало получить во что бы то ни стало. Рок попытался подробно рассказывать о том, что тайная полевая полиция якобы не расстреливала заподозренных, пока дело не решал офицер в чине полковника, однако эти показания были настолько противоречивы, что в данном пункте они кажутся недостоверными. Рок передавал дела тайной полевой полиции и использовал сотрудников этой полиции в качестве своих ищеек. При таких обстоятельствах он был обязан контролировать и направлять ее деятельность таким образом, чтобы полиция не могла ничего предпринять без его указаний. Он был обязан не допускать, чтобы подчиненные ему части и тайная полевая полиция, которую он использовал в своем районе, сами определяли свою компетенцию или действовали в рамках компетенции, которая определялась не им, а другими инстанциями, и позволяла им совершать действия, которые Рок обязан был пресекать.

В одной телеграмме, адресованной Року, упоминается, что 213-я охранный дивизия расстреляла четырех подозрительных лиц. В донесении от 25 января 1942 года, направленном одним высшим руководителем СС и полиции начальнику тылового района группы армий «Юг», говорится, что четверо «подозрительных лиц» были задержаны 23 января и «расстреляны на месте». Рок

утверждает, что о расстреле распорядился руководитель полиции под собственную ответственность, а у него, Рока, не было никаких оснований для вмешательства; кроме того, он якобы не имел никакой возможности для этого. Другие донесения показывают, что гражданских лиц и «подозрительных» расстреливали, не предоставляя им никакого подобия юридической защиты, просто по приказу армейского офицера или сотрудника полиции.

Тот факт, что Рок знал о преступной деятельности высших руководителей СС и полиции и их частей, целиком подтверждается приказом, который он сам издал 1 сентября 1941 года. В приказе, в частности, говорится:

«3. Экзекуции против определенных слоев населения (особенно против евреев) целиком возлагаются на высших руководителей СС и полиции, особенно в районах, которые уже умиротворены.

Сами войска ликвидируют на месте только таких местных жителей, которые изобличены во враждебных действиях или кажутся подозрительными. Это делается только по приказу офицеров. При этом массовые карательные меры может проводить офицер в чине не ниже командира батальона. Никаких сомнений в этом вопросе быть не должно. Поэтому всякие самовольные расстрелы местных жителей, в том числе евреев, отдельными солдатами, а также участие в карательных мероприятиях, проводимых СС и полицией, подлежат преследованию как непослушание по меньшей мере в дисциплинарном порядке, если нет оснований для передачи дела в суд».

Из всего сказанного выше и из множества других доказательственных материалов, представленных по данному делу, трибунал приходит к выводу, что Рок передал дальше приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», что он лично издавал другие противозаконные приказы, инструкции и указания, поэтому он должен нести ответственность за действия подчиненных ему частей, выполнявших эти приказы, и за действия других органов в его районе; эти действия представляли собой преступления и могли быть совершены только с его согласия и одобрения.

5. Взятие заложников и репрессии

Трибунал уже установил, что приказы о взятии заложников и о репрессивных мерах, а также связанные с ними убийства в действительности были не чем иным, как террористическим устрашением, террористическими убийствами. 1 октября 1941 года Рок получил от группы армий «Юг» приказ, с которым он и ознакомился, ибо на нем есть его пометки. В приказе говорится:

«1. Арест заложников и всех мужчин, не проживающих здесь постоянно, во всех населенных пунктах, расположенных вдоль трассы Казатин — Фастов — Смела — Кременчуг — Александрия — Днепропетровск.

2. Вешать заложников вдоль полотна железной дороги, если будут новые диверсии.

3. Если акты диверсий все же будут иметь место, полностью эвакуировать полосу шириной 1—2 километра по обе стороны дороги и стрелять по всем гражданским лицам, которые приблизятся к полотну».

Он немедленно передал этот приказ дальше подчиненным ему полевым комендатурам. Судебное следствие не установило, что в районе фон Рока производились расстрелы заложников. Подсудимый утверждает, что ни один заложник не был расстрелян.

6. Жестокое обращение и преследования гражданского населения

Множество приведенных выше документов свидетельствует о жестоком обращении и преследованиях, которым подвергалось гражданское население в районе, которым командовал Рок. Другие документы подтверждают, что для евреев были отведены гетто, что евреи должны были носить на одежде «давидову звезду», что было запрещено отправление еврейских религиозных обрядов, что отбирались предметы еврейского религиозного культа, что евреи должны были сдавать все ценные бумаги в иностранной валюте, благородные металлы и драгоценные камни; что совершались террористические убийства лиц, заподозренных в партизанской деятельности или оказывавших поддержку парти-

знам. Проводились так называемые операции по «очистке», и евреев и коммунистов передавали СД. Имеются приказы самого фон Рока о том, что войска не должны участвовать в «самовольных расстрелах» евреев и казнях, организуемых СД. Издавались приказы о том, что все командные инстанции должны оказывать поддержку частям СД в деле осуществления отданных им приказов рейхсфюрера СС, однако они не должны участвовать в казнях, проводимых СД; приказы о том, что «подчиненные командные инстанции не имеют права возражать против мер, проводимых частями СД».

Приказы такого рода полностью подтверждают, что в районе, которым командовал фон Рок, армия покорно выполняла желания СД и поддерживала ее программу, хотя и знала, какой отвратительный и преступный характер имела эта программа.

7. Партизанская война

Учитывая приведенные выше документы и приказы, трибунал по вопросу о партизанской войне может ограничиться замечанием, что казни людей, заподозренных в партизанской деятельности, и других гражданских лиц, не бывших партизанами, совершались систематически и в течение долгого времени в районе, которым командовал Рок.

В связи с рассмотренными здесь событиями на основании выводов судебного следствия трибунал признает фон Рока виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

ГЕРМАН РЕЙНЕКЕ

Герман Рейнеке родился 14 февраля 1888 года в Виттенберге. Он был профессиональным офицером германских сухопутных сил, во время первой мировой войны служил в чине капитана в одном пехотном полку. После войны занимал различные должности, а в 1938 году был назначен начальником вновь созданного общего отдела главного штаба вооруженных сил; в 1939 году этот отдел был переименован в Общее управление главного штаба вооруженных сил (АВА), а Рейнеке стал начальником этого управления и оставался на этом посту до конца войны.

В 1938 году он был произведен в чин генерал-майора, в 1940 году — генерал-лейтенанта, а в 1942 году — генерала пехоты.

Занимая должность начальника АВА, Рейнеке в декабре 1943 года по приказу Гитлера был одновременно назначен «шефом национал-социалистского руководящего штаба в ОКВ».

Подсудимый был награжден золотым партийным значком НСДАП в январе 1943 года и почетным значком организации «гитлерюгенд» 30 января 1944 года. В заявлении, сделанном под присягой, он утверждал, что в 1944 году Гитлер распорядился автоматически считать членами НСДАП награжденных почетными значками, и, таким образом, осенью 1944 года этот приказ распространился и на подсудимого.

Обвинение в преступлениях против мира уже было рассмотрено в обосновании настоящего приговора и снято. Обвинения по разделам II и III можно объединить в следующие пункты: 1. «Отбор» и убийства военнопленных. 2. Жестокое обращение с военнопленными; 3. «Приказ о командос». 4. Использование военнопленных на запрещенных работах. 5. Разграбление собствен-

ности. 6. Убийства и жестокое обращение с гражданскими лицами.

Эти пункты обвинения будут рассмотрены по порядку.

1. «Отбор» и убийства военнопленных

Документы показывают, что третий рейх и его руководители совершили многочисленные и тягчайшие преступления в отношении военнопленных. Это касается не только русских военнопленных, но и военнопленных других союзных держав. Материалы, представленные на данном процессе, подтвердили, что в нарушение Женевской конвенции, соблюдение которой в отношении французских военнопленных было для Германии обязательно, немцы использовали французских военнопленных на работах, связанных с производством оружия. Утверждают, что это делалось по соглашению с послом правительства Виши в Берлине. Однако не доказано, что в данном случае имело место такое соглашение. Этот вопрос уже рассматривался на процессе № 2 по делу фельдмаршала Мильха и на процессе № 10 по делу промышленника Альфреда Круппа, и оба суда признали такое использование военнопленных на работах как противозаконное. Данный трибунал считает, в основном по мотивам, приводившимся на процессе по делу Круппа и других, что такое соглашение, даже если бы оно и существовало, нарушало бы нормы международного права. Конечно, страна-победительница может создать марионеточный кабинет и оказывать давление на правительство, бросившее на произвол судьбы военнопленных, в то время как граждане его страны под руководством мощных патриотических сил еще продолжают борьбу.

Представленные на процессе доказательства свидетельствуют о многочисленных чудовищных и диких преступлениях, совершенных третьим рейхом в отношении русских военнопленных. Сотни тысяч людей были обречены на смерть, погибли в результате жестокостей или казнены по распоряжению имперских властей, стремившихся истребить так называемых носителей коммунистической идеологии, «неполноценных», евреев и т. д. Документы подтверждают также, что русских военнопленных, совершивших побег и схваченных вновь,

расстреливали, что русским военнопленным выжигали на теле клеймо.

На основании материалов, представленных в качестве доказательств на данном процессе, суд приходит к выводу, что использование труда военнопленных, а также обращение, которому они подвергались, противоречат нормам международного права.

Перед настоящим судом стоит задача — определить на основании представленных доказательств, участвовал ли подсудимый Рейнеке в совершении указанных преступлений и в какой мере.

Компетенция ОКВ в вопросах, касавшихся военнопленных, не распространялась на лагеря, расположенные в оперативных районах ОКХ, или на лагеря военно-воздушных сил и военно-морского флота. Здесь дисциплинарную власть и право подбора персонала имели отдельные части вермахта. Лагеря, расположенные на территории «имперского комиссариата Остланд», подчинялись командующему войсками, который в свою очередь находился в подчинении ОКВ. Лагеря военнопленных на территории Германии и «генерал-губернаторства» также подчинялись ОКВ, поскольку дисциплинарная власть в рейхе принадлежала командующему армией резерва. Схема, представленная генералом Вестгофом, начальником Управления по делам военнопленных в ОКВ, показывает структуру этого управления. Организацию работы в этой области после назначения инспектора по делам военнопленных показывает наглядная схема, изображенная генералом Реттигом, который занимал должность генерального инспектора по делам военнопленных.

На территории рейха назначением окружных начальников по делам военнопленных, комендантов лагерей и другого персонала, ведающего военнопленными, занималось ОКВ. Оно же проводило курсы по подготовке этого персонала для выполнения его задач. Само назначение производилось персонально по распоряжению отдела личного состава сухопутных сил.

Генерал, командовавший военным округом, выполнял двойные функции: командующего военным округом, подчинявшимся ОКВ, и командира войск, подчинявшихся армии резерва. Его советником по делам военнопленных был начальник по делам военнопленных в военном

округе, который в свою очередь был начальником над отдельными комендантами лагерей. По вопросу о компетенции ОКВ в отношении лагерей для военнопленных и их персонала показывает генерал Вестрем:

«Контроль сверху (ОКВ, начальники по делам военнопленных, коменданты лагерей для военнопленных, соответствующие батальонные командиры, чьи подчиненные — командиры рот и офицеры — постоянно объезжали лагеря) ...»

Подсудимый был начальником АВА. Одним из важнейших отделов АВА было управление по делам военнопленных, и судебное следствие подтвердило общую компетенцию и ответственность подсудимого в этих вопросах как на территории рейха, так и на территории «генерал-губернаторства», «имперского комиссариата Остланд» и других территорий, оккупированных ОКВ.

Примерно в июле 1943 года был назначен генеральный инспектор по делам военнопленных. Он был подчинен непосредственно Кейтелю, но не подсудимому. Тем не менее, как заявил в своих свидетельских показаниях начальник управления по делам военнопленных при ОКВ Адольф Вестгоф, генеральный инспектор обязан был посылать сообщения по вопросам, связанным с военнопленными, начальнику управления по делам военнопленных, который находился в подчинении у подсудимого Рейнеке. Представленные материалы показывают также, что другие офицеры, работавшие в АВА в качестве инспекторов лагерей для военнопленных, также должны были представлять отчеты начальнику управления по делам военнопленных.

Такая структура аппарата по делам военнопленных существовала до тех пор, пока Гиммлер в сентябре 1944 года не занял поста командующего армией резерва. Однако изменения в области управления делами военнопленных произошли, по-видимому, лишь в октябре того же года. После этого очень многие важные задачи, связанные с военнопленными, были переданы из АВА в руки Бергера, непосредственно подчинявшегося Гиммлеру. Положение после этих перемен изображено на схеме, сделанной полковником Фрицем Мейером, бывшим начальником штаба Бергера.

Подсудимый Рейнеке издал немало директив по вопросу об обращении с военнопленными в подчиненных ему лагерях. Независимо от того, назывались ли эти инструкции директивами, изданные от имени ОКВ, они были приказами, выполнение которых было обязательно для частей, которым они передавались. Это подтверждают показания многих свидетелей, в том числе генерала Вестрема, бывшего начальника по делам военнопленных в XII военном округе, генерала Шеммеля, бывшего окружного начальника по делам военнопленных в XIII военном округе, генерала Вестгофа и многих других свидетелей, вызванных обвинением и защитой. Показания подсудимого также подтверждают, что он рассматривал свои директивы как приказы, обязательные для тех, кому они были переданы.

Тот факт, что подсудимый не имел непосредственной командной или дисциплинарной власти над персоналом лагерей или над частями армии, не имеет значения. Он издавал общие указания от имени ОКВ и верховного главнокомандующего вооруженными силами страны, которые нужно было выполнять. Представленные доказательства подтверждают, что подсудимый имел право отдавать непосредственные распоряжения XIII военному округу. То, что он при этом не пользовался обычными служебными каналами, — что засвидетельствовал генерал Шеммель — не имеет значения.

Подсудимый утверждает, что такие директивы издавались всегда по поручению его начальника Кейтеля, и представленные доказательства в значительной степени подтверждают это. Однако этот факт не освобождает подсудимого от ответственности за известные директивы. Начальник АВА — это не машинистка, которая только переписывает приказы своего начальника и бросает их в почтовый ящик. У Кейтеля, несомненно, был секретарь, который этим занимался.

Среди материалов, представленных суду, страница за страницей идут пространные приказы, которые рассылались по поручению Кейтеля и подписаны подсудимым. На деле одной из главных обязанностей подсудимого была разработка и подготовка приказов, которые затем представлялись Кейтелю на одобрение или подписывались подсудимым от имени Кейтеля. Эти приказы составлялись в соответствии с известными директивами.

О соблюдении этой процедуры свидетельствуют показания генерала Вестгофа, помещенные на 55-й странице оттиска документов, сделанного для подсудимого. Там говорится:

«...исходя из положений Женевской конвенции, я разработал проект распоряжения и послал его генералу Рейнеке. Генерал Рейнеке вернул мне этот проект, после того как внес в него некоторые исправления, переставил фразы и т. д., и затем приказал мне передать его различным министрам для проверки».

И далее:

«После этого проект был представлен в партийную канцелярию НСДАП, которая сообщила, что проект абсолютно не соответствует ее требованиям, что его нужно переделать, и затем сама на 70 процентов переделала этот проект. Новый проект я затем получил через АВА с приказанием составить текст распоряжения в теперешней форме и представить на подпись».

Показания свидетельницы Каттнер, секретарши подсудимого Рейнеке, также цитированные в оттиске документов, сделанном для подсудимого, содержат следующие данные:

«В основном делалось так: проект приказа подготавливался в управлении по делам военнопленных, направлялся фельдмаршалу, который визировал его и ставил на нем дату. Потом этот приказ, этот проект, возвращался к нам, переписывался набело и генерал Рейнеке подписывал его по поручению.

Таким образом, показания свидетельницы подтверждают, что подчиненные генерала Рейнеке подготавливали проекты приказов, до того как они представлялись фельдмаршалу Кейтелю на подпись и одобрение. Учитывая принятый в штабе порядок прохождения дел, нельзя даже предположить, что в тех случаях, когда содержание приказа касалось выполнения известных подсудимому директив Кейтеля, фельдмаршал просматривал и одобрял эти приказы, перед тем как они были изданы. Следует учитывать также, что Кейтель, несомненно, подолгу пребывал в главной ставке Гитлера

на Востоке, в то время как АВА находилось в Берлине. Многие из директив, подписанных подсудимым, не имеют ни подписи, ни пометок, сделанных рукой Кейтеля, которые доказывали бы, что он их видел и одобрил, как обычно. Ни пометок, ни подписей Кейтеля нет на документах, представленных суду под номерами 366, 411, 371, 1248, 363, 210 и 232.

Этот вопрос уже разбирался выше в обосновании приговора, и подсудимый не может снять с себя ответственность за изданные за его подписью инструкции, ссылаясь попросту на то, что они были им подписаны «по поручению». Давая показания, подсудимый признал, что многие мысли, нашедшие отражение в этих документах, принадлежали ему, однако, как он утверждает, это всегда были предложения, сделанные якобы в интересах пленных. Учитывая весь представленный по данному делу материал, суд не считает это утверждение достоверным.

Подсудимый заявляет, что он-де мог посещать лагерь для военнопленных лишь с разрешения главнокомандующего армией резерва. Эта попытка оправдаться неудачна. Не имеет значения, нужно ли было подсудимому и его подчиненным получать такое разрешение. Если и существовало какое-то предписание на этот счет, то речь шла о простой формальности.

То, что подсудимый был обязан по службе заниматься вопросами военнопленных, подтверждается также и показаниями генерала Вестрема, который заявил:

«Я считаю, что ОКВ/АВА было высшей инстанцией, уполномоченной вести дела военнопленных».

Далее он показал:

«Конечно, АВА, то есть именно управление по делам военнопленных, широко пользовалось своим правом контролировать дела военнопленных, лагеря и рабочие команды: прежде всего через самого генерала Рейнеке, который дважды был у меня, а также через инспектора по делам военнопленных, совершавшего многочисленные поездки по поручению АВА, и через отдельных офицеров штаба АВА, посещавших без всякого предварительного предупреждения лагеря и рабочие команды».

Представленные суду доказательства устанавливают, что подсудимый лично проводил осмотры лагерей и что его подчиненные постоянно посещали эти лагеря. В обязанности подсудимого входили посещения лагерей и знакомство с положением в них. Вестгоф показал, что инспектор по делам военнопленных был подчинен АВА и мог посещать лагеря, находившиеся в ведении этого управления.

Как показывает один из документов, представленных по делу Рейнеке, а именно сделанное под присягой заявление Рудольфа Шлейера, подсудимый имел право посещать лагеря.

Трибунал считает, что тонкости формальных предписаний или разграничений компетенции не имеют большого значения. Представленные материалы неопровержимо доказывают, что подсудимый Рейнеке, подчинявшийся верховному главнокомандующему вооруженными силами страны, должен был осуществлять руководство и контроль в вопросах, связанных с военнопленными, а также обладал командной властью над лагерями для военнопленных и вообще во всех вопросах, касавшихся военнопленных. В ходе судебного следствия установлено, что он пользовался своими правами, издавая различные приказы; что он имел право лично проводить осмотры лагерей или поручать это своим подчиненным; что эти осмотры были возложенной на него обязанностью и что он эту обязанность выполнял. Далее, подсудимый Рейнеке, имевший в своем распоряжении источники информации, был обязан знать о том, что происходит в лагерях, и контролировать положение в них; он знал обо всем происходившем в лагерях, внимательно наблюдал за событиями в них и отдавал распоряжения о проведении известных мероприятий в лагерях.

Как уже говорилось выше, было доказано, что во исполнение программы, разработанной третьим рейхом, определенные категории военнопленных «отбирали» и ликвидировали. Установлено, что «отбор» и следовавшие за этим казни проводились в первую очередь присланными в лагеря частями полиции безопасности и СД.

Подсудимый категорически отрицал, что ему было известно о программе «отбора» и уничтожения военнопленных, находившихся в его ведении. Осведомленность подсудимого, его одобрение и участие в проведении

этой программы убийств, которую осуществляли Гиммлер и его полиция, и особенно полиция безопасности и СД, подтверждаются многочисленными материалами, представленными на данном процессе. Их так много, что невозможно привести их подробно в данном обосновании приговора. Однако в общем и целом представленные доказательства можно разделить на несколько групп.

Прежде всего это инструкции и донесения полиции безопасности и СД, которые передавались по их собственным служебным каналам. В них упоминается о договоренности с ОКВ относительно проведения операций полицией безопасности и СД. Правда, следует признать, что эти документы не шли по обычному пути прохождения военных приказов и что упомянутые соглашения относились к более раннему времени, чем представленные в качестве доказательств документы, показывающие официальную точку зрения АВА и ОКВ в вопросе об операциях полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных. Однако тот факт, что такие соглашения действительно имели место, подтверждается не только документами полиции безопасности и СД, но и тем обстоятельством, что эти организации не могли развернуть свою деятельность без согласия ОКВ и АВА, так как в компетенцию этих последних входили вопросы, касающиеся военнопленных и лагерей для военнопленных.

Не подлежит сомнению, что программа «отбора» и ликвидации военнопленных была известна комендантам отдельных лагерей, в которых она проводилась, а также ряду других военных чиновников, работавших в этих лагерях. Имеющиеся материалы доказывают не только то, что подсудимый был обязан знать о событиях, происходящих в лагерях, но и то, что он и его подчиненные, постоянно посещая лагерь, не могли не знать об этих событиях. Он не только имел право и полномочия для осмотра лагерей, но судебное следствие полностью подтвердило, что на совещаниях с комендантами лагерей он имел прямой контакт с людьми, которые отлично знали, что происходило в их лагерях в отношении «отбора» и ликвидации военнопленных.

Другим источником информации относительно этой программы, которым мог пользоваться подсудимый, были различные совещания, которые, как было доказано,

он имел с обергруппенфюрером СС Мюллером, представлявшим Гиммлера и Главное имперское управление безопасности при проведении этой программы ликвидаций. Свидетель Отто Бройтигам, бывший связным между министерством по делам восточных территорий и ОКВ/ВФСт показал трибуналу о таком совещании между Рейнеке и Мюллером, на котором открыто обсуждался вопрос о ликвидации военнопленных. Он сообщил, что на это совещание он брал с собой соответствующие приказы полиции безопасности и СД и подсудимый ознакомился с этими приказами. В записях, сделанных министерским администратором Лотшем по поводу этих переговоров, упоминается, что обсуждался вопрос о ликвидации «отобранных» военнопленных. На другом совещании между Рейнеке и Мюллером наряду с другими лицами присутствовал в качестве представителя адмирала Канариса начальник 2-го отдела военной разведки и контрразведки Эдвин Лахузен, который протестовал против осуществления этой программы. Свидетель Лахузен подтвердил не только то, что этот вопрос обсуждался, но и то, что подсудимый высказал свое согласие с программой Мюллера, предусматривавшей «отбор» и ликвидацию военнопленных.

Подсудимый отрицает, что такие совещания имели место. Однако представленные в качестве доказательств материалы, а также показания свидетелей, даже тех, которые вызваны его защитником, подтверждают показания Лахузена.

Последним и особенно убедительным источником доказательств по данному пункту являются документы, подписанные самим подсудимым. Документ № 363 содержит приказ ОКВ от 8 сентября 1941 года, который рассылался за подписью Рейнеке («по поручению») и предписывал работникам лагерей сотрудничать с полицией безопасности и СД.

Документ № 411 от 24 марта 1942 года, на котором также стоит подпись Рейнеке, подтверждает существование программы «отбора», которую проводила СД, и приказа о сотрудничестве комендантов лагерей с полицией безопасности и СД.

Подписанный Рейнеке приказ от 5 мая 1943 года является результатом договоренности между ним и рейхсфюрером СС по вопросу об отборе и касается «устране-

ния» отобранных военнопленных. Договоренность была достигнута с целью отказаться от двойной проверки, и потому было указано, что отныне проверка должна была проводиться только в районах, лежащих к востоку от старых границ рейха.

Другое распоряжение, подписанное Рейнеке, было отдано в июне 1942 года. В самом тексте распоряжения указывалось, что оно служит директивой по вопросу об обращении с комиссарами и политруками. В нем предписывалось «устранение» комиссаров и политруков на территории «генерал-губернаторства». Далее там говорилось:

«На территории генерал-губернаторства отбор производится по-прежнему органами полиции безопасности в соответствии с указаниями, данными в распоряжении № 389/42, секр., 24.3.42 (управление по делам военнопленных, общий отдел). Пленных, отобранных СД, переводить в подготовленные специально для этой цели лагеря полиции безопасности на территории генерал-губернаторства или рейха, где они останутся в заключении. Особое обращение, имевшее место до сих пор, в дальнейшем применяться не будет, за исключением тех случаев, когда речь идет о людях, в отношении которых доказано, что они совершили преступление — убийство и т. п.

Для того чтобы ускорить проведение этих мер, полиция безопасности усилит свои эйнзатцкоманды, действующие на территории генерал-губернаторства».

Здесь встречается термин «особое обращение», и совершенно ясно, что этот термин недвусмысленно означал ликвидацию. Кроме того, показания многочисленных свидетелей и самого подсудимого с полной очевидностью подтвердили, что последний знал о проводившейся органами полиции безопасности и СД программе «отбора» и ликвидации военнопленных, находившихся в его ведении, что он одобрял эту программу и собственными действиями поддерживал ее. Представленные суду материалы показывают далее, что эти «отборы» и ликвидации не ограничивались только действиями против политических комиссаров, но охватывали много других групп военнопленных, включая евреев. Судебное след-

ствие показало также, что больных и неработоспособных людей, бежавших и затем пойманных военнопленных, пленных поляков, а также людей других национальностей, имевших связь с немецкими женщинами, передавали гестапо или полиции безопасности и СД и что подсудимый принимал участие в этих преступлениях.

В задачу трибунала не входит рассматривать вопрос о том, как проводились эти ликвидации, а также устанавливать число лиц, которые были уничтожены. Он оставляет в стороне также и тот факт, что программа полиции безопасности и СД проводилась не только в районе, на который распространялась командная власть подсудимого. Доказано, что она проводилась в лагерях, которые находились в его ведении, и на основании указаний, которые он давал. Дело не в том, что происходило с несчастными, которые были «отобраны». Их либо переводили в концентрационные лагеря, чтобы удушить в газовых камерах, уморить на непосильной работе, или разделялись с ними каким-либо иным способом, как это подробно описал свидетель Смолен, работавший в политическом отделе в Освенциме на приемке заключенных. Неважно, сообщалось ли о их смерти военному справочному столу — инстанции, подчинявшейся АВА. Как об этом рассказал тот же Смолен, или, как это описал свидетель Олер, бывший инспектор нюрнбергского гестапо, лагерное начальство доставляло их на вокзал, где их заковывали в цепи, привозили в Дахау, выгружали по пять человек, раздевали донага, и эйнзатцкоманды расстреливали их. Не в этом дело. Остается фактом, полностью доказанным, что подсудимый активно участвовал в проведении этой программы «отбора» и преступной ликвидации вверенных ему военнопленных; он знал, что военнопленные, переданные полицейским органам, будут ликвидированы, и он принимал участие в передаче их указанным органам именно с этой целью.

Трибунал не придает большого значения тому факту, что руководители третьего рейха, участвовавшие в начале войны против России в жестоких мероприятиях империи в отношении русских военнопленных, позже начали понимать, что они лишают себя ценного источника рабочей силы, и потому в известной мере смягчили свою программу истребления. Ни подсудимый, ни кто-либо другой не могут считать это смягчение своей заслугой.

Если верить показаниям подсудимого, то он никак не может поставить себе в заслугу это обстоятельство, ибо ведь он утверждает, что вообще ничего не знал о существовании программы истребления людей.

На этом основании трибунал приходит к выводу, что подсудимый виновен в том, что он принимал участие в преступном отборе военнопленных для ликвидации определенных элементов и в передаче других лиц гестапо для отправки в концентрационные лагеря или для уничтожения их по усмотрению этой преступной организации.

2. Жестокое обращение с военнопленными

Среди представленных суду материалов имеется ряд подстрекательских приказов относительно обращения с военнопленными, изданных подсудимым и его подчиненными. Сюда относятся документы № 1248 и 336.

24 марта 1942 года ОКВ/АВА издали приказ, который, как утверждает подсудимый, якобы изменял существовавшие ранее указания в благоприятную для военнопленных сторону. Однако цель этого приказа явно состояла только в том, чтобы повысить производительность труда военнопленных. В нем содержатся следующие положения:

«При непослушании, уклонении от работы и небрежности в работе следует действовать беспощадно и энергично, особенно когда речь идет о большевистских подстрекателях. Неповиновение или активное сопротивление должно подавляться *немедленно* силой оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие, но не палки)».

Этот приказ предписывал принимать беспощадные и энергичные меры за «нежелание сотрудничать», уклонение от работы, за небрежность в работе и был направлен в первую очередь против «большевистских подстрекателей». В нем, в частности, давались следующие указания:

«Распоряжение о применении в таких случаях военнослужащими вермахта оружия следует понимать как приказ. Тот, кто не применит оружия, добиваясь испол-

нения своих приказаний, или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию».

19 августа 1942 года Рейнеке подписал приказ, исходивший от уполномоченного по четырехлетнему плану и генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Этот приказ гласит:

«Во время этих визитов следует разяснять, что в скором времени ОКВ издаст новый приказ об обращении с советскими военнопленными в тех случаях, когда они уклоняются от работы. Далее, следует выяснять, имелись ли — и где именно — случаи халатного отношения конвойных к выполнению своего долга по контролю за производительностью труда военнопленных. Если это имеет место, необходимо принимать самые суровые меры. К 10.9.1942 верховному главнокомандованию вооруженных сил должны быть посланы сведения, все ли высокопоставленные деятели НСДАП, в округах которых на работах заняты военнопленные, получили приказ, на который мы ссылаемся, и где были случаи вмешательства из-за нарушения охраной ее долга».

Приказ подтверждает вмешательство нацистской партии и служит доказательством того, что она оказывала влияние на подсудимого в вопросе об обращении с военнопленными; кроме того, приказ предписывал применять энергичные меры против уклоняющихся от работы, чтобы повысить производительность труда военнопленных. 29 января 1943 года фон Грабениц, один из подчиненных Рейнеке, подписал и разослал приказ, расширявший полномочия лиц, имевших право налагать наказания на военнопленных за участие в подрывных действиях против рейха. Партийная канцелярия передала этот приказ гаулейтерам.

Из приказа ОКВ «Об обращении с военнопленными» от 17 августа 1944 года, подписанного Рейнеке, видно, что НСДАП оказывала давление на подсудимого в этом вопросе. Приводим разделы этого приказа, имеющие в данном случае существенное значение:

«У военнопленных не должно быть ни малейшего сомнения в том, что против них будут приняты самые беспощадные меры, в случае необходимости и оружие,

если они будут, например, беречь свои силы на работе, оказывать пассивное сопротивление или поднимут бунт»

В пункте 5 предписывается:

«Незначительные проступки со стороны членов охраны и вспомогательного персонала против военнопленных, если это содействует повышению производительности труда, не подлежат наказанию...»

В пункте 6 предписывается следующее.

«...Поэтому охрану и вспомогательный персонал следует по возможности чаще собирать для политического инструктажа. Начальники по делам военнопленных в военных округах должны поэтому позаботиться о том, чтобы во всех шталагах в ближайшее время начали действовать назначенные свыше офицеры из национал-социалистского руководящего штаба...»

Этот абзац ясно показывает, что подсудимый Рейнеке проводил в жизнь беспощадную политику нацистской партии в вопросе об обращении с военнопленными, используемыми на работах.

Следовательно, подсудимый не только участвовал в истреблении «нежелательных элементов» среди военнопленных, оказывая содействие органам полиции безопасности, СД и гестапо, но, как показывает приведенный выше документ, подставлял спины остальных пленных, занятых на работах, под безжалостный кнут нацистской партии.

Подсудимый Рейнеке несет уголовную ответственность за издание этих бесчеловечных приказов и за передачу находившихся в его ведении военнопленных в руки безжалостной невоенной организации, о характере и намерениях которой подсудимый знал и против которой он якобы боролся.

Учитывая приведенные выше распоряжения, не приходится удивляться, что смертность среди русских военнопленных, занятых на тяжелых работах в Нюрнберге, как показал генерал Шеммель, была чрезвычайно высока.

3. «Приказ о командос»

Трибунал считает, что представленные по данному пункту материалы недостаточны для того, чтобы полно-

стью доказать участие подсудимого в проведении в жизнь «приказа о командос».

4. Противозаконное использование труда военнопленных

Свидетель Анри Буссон, бывший французский военнопленный, находившийся в IV военном округе, показал, что французских военнопленных, судьбой которых распоряжался Рейнеке, незаконно использовали при производстве артиллерийского оружия на заводах Круппа.

Вестгоф, давая свидетельские показания, заявил, что он обращал внимание подсудимого на использование труда военнопленных французов в военной промышленности и указывал, что это является нарушением положений Женевской конвенции; Рейнеке якобы ответил, что имеется соглашение с послом Скарпини и с французским правительством [Виши. — *Ред.*], по которому такое использование разрешается.

Эти показания, а также другие доказательства, представленные по данному пункту, полностью подтверждают, что французских военнопленных использовали на производстве боеприпасов и что подсудимому было известно об этом факте. Ответственность Рейнеке за такое использование труда военнопленных подтверждается документами, из которых видно, что он имел командную власть и что вопросы, касающиеся военнопленных, находившихся на территории Германии, входили в его компетенцию. Документ № 230, в котором содержится высказывание Геринга от 4 ноября 1943 года, свидетельствует о том, что Рейнеке имел право контроля над военнопленными:

«Итальянцев бьют, когда они не работают. Если Рейнеке это не уладит, я сниму его и посажу другого»

Это право контроля вытекает также и из материалов совещания центральных органов планирования, на котором генерал-фельдмаршал Мильх сделал следующее замечание:

«Габленц, я прошу вас связаться с Рейнеке по поводу французов. Я требую, чтобы в случае отказа от работы людей немедленно ставили к стенке и расстреливали на глазах у всего коллектива».

Судебное следствие по данному пункту установило много способов использования русских военнопленных, в том числе и в качестве замены французских военнопленных в военной промышленности, однако судебное следствие не подтвердило, что русские военнопленные действительно использовались на работах по изготовлению оружия и боеприпасов.

5. Разграбление собственности

17 сентября 1940 года Кейтель отдал командующему войсками на оккупированной территории Франции приказ о противозаконной конфискации ценностей и об отправке их в Германию. Приказ, в частности, гласит:

«Рейхслейтер Розенберг через своего представителя Эберта получил от фюрера лично четкие указания относительно права реквизиций; он уполномочен отправлять культурные ценности, которые, по его мнению, имеют важное значение, на территорию Германии и организовать там их хранение. Решение вопроса об их дальнейшем использовании фюрер оставил за собой.

Прошу дать соответствующие указания командующим и служебным инстанциям, которых это касается».

10 октября 1940 года Рейнеке направил главнокомандующему во Франции письмо с просьбой передать распоряжения, включенные в вышеупомянутую директиву Кейтеля, военным властям в Бельгии.

30 октября он отправил в дополнение к приказу Кейтеля сообщение командующему германскими войсками в Голландии и копию его передал для сведения рейхслейтеру Розенбергу.

Подсудимый должен нести уголовную ответственность за участие в осуществлении программы разграбления, которую проводил третий рейх.

6. Убийства и жестокое обращение с гражданскими лицами

Трибунал считает, что судебное следствие по данному пункту не подтвердило с полной несомненностью, что подсудимый принимал преступное участие в «отборе» и

передаче гражданских лиц в руки полиции безопасности и СД; не доказано также, что он действительно обладал командной властью над гражданскими лицами.

На данном процессе много раз говорилось о деятельности подсудимого в качестве главы национал-социалистского руководящего штаба в ОКВ. Этот штаб имел своей задачей распространение национал-социалистского духа в частях вермахта, и особенно в сухопутной армии. Однако следует учитывать, что само по себе распространение национал-социалистской идеологии в армии еще не является нарушением принципов международного права, как бы отвратительна ни была эта идеология. И тот факт, что подсудимый взял на себя эту задачу и осуществлял ее, имеет значение для данного пункта обвинения лишь в том смысле, что он подтверждает одобрение подсудимым идеалов Гитлера и Кейтеля, приказы которых он, как это было доказано, сам разрабатывал и передавал дальше. Этот факт характеризует также и отношение подсудимого к Борману¹ и НСДАП, которым он до известной степени поручил контроль за делами военнопленных.

Доказано также, что Рейнеке был заседателем в «народной судебной палате» и принимал участие в качестве члена суда на процессе по делу участников заговора 20 июля 1944 года², где председательствовал пресловутый Фрейслер.

Однако то обстоятельство, что подсудимый был членом «народной судебной палаты» и участвовал в этом процессе в качестве судьи, не является нарушением принципов международного права и имеет в данном случае значение лишь в том смысле, что показывает, каким надежным и послушным орудием в руках Гитлера был этот человек, какой бы пост он ни занимал.

На основании приведенных в данном обосновании приговора мотивов трибунал признает Рейнеке виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

¹ Мартин Борман, руководитель партийной канцелярии НСДАП; на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками был заочно приговорен к смертной казни.

² Имеется в виду заговор против Гитлера, закончившийся покушением 20 июля 1944 года.— *Прим ред.*

ВАЛЬТЕР ВАРЛИМОНТ

Вальтер Варлимонт родился 3 октября 1894 года, участвовал в первой мировой войне в качестве офицера артиллерии, в конце 1920 года по собственной просьбе был зачислен в рейхсвер. Там он занимал различные посты, в 1929 году был откомандирован в Соединенные Штаты, где в американской армии изучал методы экономической мобилизации. Позже он занимал различные командные должности и в апреле 1933 года был переведен в Берлин на должность начальника группы в экономическом отделе управления вооружений армии при министерстве рейхсвера. Летом 1934 года стал начальником этого отдела. В конце августа 1936 года имперский военный министр фон Бломберг направил его в качестве военного уполномоченного к генералу Франко, где он и оставался до ноября 1936 года.

В октябре 1937 года Варлимонт был назначен командиром артиллерийского полка, а в 1938 году Кейтель, начальник штаба ОКВ, вскоре после аншлюса направил его в Вену в качестве представителя ОКВ. Спустя несколько недель Варлимонт вернулся в свой полк. 1 августа 1938 года он был переведен в ОКВ, в Берлин, где ему предстояло ознакомиться с обязанностями начальника отдела обороны страны, как будущему преемнику Иодля. Его главная задача в то время состояла в том, чтобы представлять ОКВ на совещаниях с военными представителями Чехословакии и держав, подписавших Мюнхенское соглашение, на которых подготавливалась военная оккупация Судетской области.

10 ноября 1938 года Варлимонт был назначен на пост начальника отдела обороны страны и одновременно должен был замещать начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, недавно созданного отдела. В августе 1939 года Иодль вернулся в ОКВ и принял дела штаба оперативного руководства

вооруженными силами; подсудимый остался начальником отдела обороны страны. 1 августа 1940 года он был произведен в генерал-майоры. С 1 января 1942 года начальник отдела обороны страны стал именоваться «заместителем начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами», причем круг его обязанностей не изменился. 1 июля 1942 года Варлимонт был произведен в чин генерал-лейтенанта, а 1 апреля 1944 года — генерала артиллерии. Отдел обороны страны состоял из следующих подразделов:

- А. Оперативный отдел сухопутных сил
- Оперативный отдел военно-воздушных сил
- Оперативный отдел военно-морского флота
- Б. Отдел квартирмейстера
- В. Организационный отдел

Когда в январе 1942 года эти отделы в рамках штаба оперативного руководства были непосредственно подчинены Варлимонту, этот последний, как показал Иодль, выполнял следующие обязанности:

«Главная обязанность Варлимонта заключалась в том, чтобы распределять всю работу штаба, давать предписания относительно работы штаба. Затем он проверял всю работу. Я давал ему поручения, указывая, что следует сделать. Он обсуждал эти вопросы с офицерами генерального штаба, затем рассматривал проекты, визирует их и направлял мне.

Особой задачей Варлимонта была еще обязанность сотрудничать непосредственно с фельдмаршалом Кейтелем, что я снял с себя. Я занимался почти исключительно оперативными вопросами. Все прочие вопросы административного характера, касавшиеся оккупированных областей, хозяйственные вопросы, короче говоря, все вопросы неоперативного характера, по которым должны были исходить от Кейтеля приказы другим управлениям, — это все обрабатывал Варлимонт, и я в этом не участвовал.

В оперативных вопросах он вел подготовительную работу и затем передавал ее мне. В других областях он работал самостоятельно вместе с Кейтелем, не имевшим в главной ставке собственного штаба, и я в этом не участвовал, тем более что Варлимонт был для этих дел (политических и хозяйственных) подготовлен лучше, чем для разрешения оперативных вопросов».

Варлимонт обвиняется по четырем разделам обвинительного заключения. Обвинения по разделам I и IV уже сняты настоящим приговором. Обвинения по разделам II и III можно объединить в следующие пункты:

1. «Приказ о комиссарах». 2. «Приказ о командос». 3. Использование военнопленных на запрещенных работах. 4. Убийства и жестокое обращение с военнослужащими противника и с военнопленными. 5. Угон и порабощение гражданского населения. 6. Разграбление и бессмысленное разрушение общественной и частной собственности. 7. Убийства, жестокое обращение и угон гражданского населения, в том числе: а) преступное участие в выполнении приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»; б) противозаконные казни гражданских лиц; в) унижение, преследования и казни евреев военнослужащими вермахта и сотрудничество с оперативными группами СД; г) сотрудничество с оперативными группами штаба Розенберга; д) репрессии против семей французских офицеров; е) приказ «Мрак и туман»; ж) другие противозаконные приказы.

Суд рассмотрит эти пункты по порядку.

1. «Приказ о комиссарах»

Перед началом русской кампании Гитлер объявил на совещании высших командиров и их начальников штабов о своем намерении вести войну против России. Он заявил, что это будет война двух противостоящих идеологий, война на уничтожение, поэтому нужно будет забыть о солдатском товариществе.

После этого генерал Мюллер из ОКХ направил 6 мая 1941 года письмо, адресованное начальнику ОКВ, через Варлимонта или его представителя. К письму были приложены указания относительно обращения с политическими работниками. Это был первый проект так называемого «приказа о комиссарах». Варлимонт отослал этот проект подсудимому Леману, который после телефонного разговора с Варлимонтом 8 мая отправил измененный проект обратно, вычеркнув раздел III. Он предлагал включить в документ следующие слова, которые заменили бы раздел III:

«Военные и военно-полевые суды при командирах полков и т. д. не должны заниматься проведением в жизнь мероприятий, перечисленных в разделах I и II».

Отметка о пересылке сделана Леманом. 12 мая Варлимонт представил Иодлю доклад по этому вопросу, содержащий проект, разработанный ОКХ, в формулировке, измененной Леманом. Этот текст гласит:

«I. ...

1. Ответственные политические работники и руководители (комиссары) должны устраняться.

2. Поскольку они будут захватываться войсками, решение о том, должны ли они устраняться, принимается офицером, имеющим право накладывать дисциплинарные взыскания. Для решения достаточно установления того, что данное лицо является руководящим политическим работником.

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в пересыльных лагерях. В тыл не эвакуируются.

4. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следует задерживать только в том случае, если они оказывают сопротивление германским вооруженным силам.

5. Эти мероприятия не должны мешать проведению военных операций. *Планомерные операции по розыску и прочесыванию* проводятся позднее.

6. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) передавать оперативным командам (эйнзатцкомандам) полиции безопасности.

II. В отличие от этого памятка № 3 рейхслейтера Розенберга предусматривает, что следует уничтожать только крупных и высших руководящих работников, так как государственные руководители нужны для управления оккупированными областями».

Под этим докладом стоит подпись Варлимонта. В заявлении под присягой, сделанном 14 ноября 1945 года, Варлимонт заявил:

«Мне известен документ, озаглавленный «Директива относительно обращения с ответственными политическими работниками и прочими лицами во исполнение задания, данного 31.3.1941». Это извлечение из указаний, разработанных и предложенных ОКХ и помеченных датой 12 мая 1941 года (документ 884-ПС).

Этот документ является дословным и точным изложением предложений, сделанных ОКХ относительно обращения с советскими политическими и военными руководителями и комиссарами, которые будут взяты в плен вместе с советскими войсками. Этот документ предписывает устранение политических и военных руководителей и комиссаров, которые окажутся среди советских военнопленных. На документе стоят мои инициалы, и это показывает, что он был направлен моему отделу в ОКВ и что я видел его, прежде чем он был передан генералу Иодлю, моему непосредственному начальнику. До того как документ поступил к генералу Иодлю, я добавил в нем разделы II и III. Кроме того, я послал одну копию документа юридическому отделу ОКВ для информации, ожидая, что этот отдел изучит весь вопрос и представит свое заключение начальнику штаба ОКВ».

6 июня 1941 года так называемый «приказ о комиссарах» был направлен ОКХ, ОКЛ, ОКМ и другим инстанциям с просьбой разослать его только командирам армий и военно-воздушных флотов, а других командиров и начальников штабов ознакомить с ним устно. Сопроводительное письмо подписано подсудимым. 8 июня фон Браухич разослал этот приказ с некоторыми дополнениями, которые гласили:

«К разделу I, пункту 1:

Меры к политическому комиссару должны применяться при условии, что данное лицо своими особенно заметными действиями или поведением проявляет или намеревается проявить свое враждебное отношение к германской армии.

К разделу I, пункту 2:

Ликвидация политических комиссаров в районе расположения войск должна производиться после их

отделения, вне зоны военных действий, способом, не привлекающим внимания, по приказу офицера».

Мысль об истреблении военнопленных в порядке ведения идеологической войны была подана не Варлимонтом. Однако судебное следствие установило, что он принимал участие в окончательном оформлении этих намерений. Документ был разослан, как приказ, за его подписью. Нет никаких данных о том, что добавления, сделанные Варлимонтом, в какой-либо мере смягчили жестокость приказа. По убеждению трибунала подсудимый виновен в том, что участвовал в разработке этого преступного приказа.

2. «Приказ о командос»

7 октября 1942 года Гитлер произнес по радио речь, в которой, в частности, заявил:

«В будущем члены всех диверсионных и террористических частей (британцы и их компаньоны), которые ведут себя не как солдаты, а как бандиты, будут рассматриваться германскими войсками как таковые и расстреливаться на месте без снисхождения».

8 октября подсудимый Варлимонт получил от Иодля указание облечь эту угрозу в форму военного приказа. Подсудимый утверждает, что ему были даны подробные указания относительно содержания этого приказа. 8 октября Типпельскирх, подчиненный подсудимого и начальник отдела квартирмейстера при штабе оперативного руководства вооруженными силами, представил доклад, в котором после ссылки на вышеупомянутую речь Гитлера, в разделе II говорилось:

«В связи с этим заместитель начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами дал отделу квартирмейстера следующее срочное задание:

1. Изложить в форме приказа.

2. Подобно приказу «О подсудности в районе «Барбаросса», изданному в свое время, этот приказ также должен быть составлен в сотрудничестве с юридическим отделом вооруженных сил и отделом контрразведки, после

того как он будет тщательно продуман. Распространять его следует только среди командующих армиями, и далее можно передавать только устно. После ознакомления подлежит уничтожению.

3. В отношении содержания приказа следует иметь в виду следующее:

В тех случаях, когда задержанные в наших собственных интересах находятся в течение некоторого времени под стражей, после подробного допроса, в котором должна участвовать и СД, их следует через органы контрразведки передавать СД.

Их не следует ни при каких обстоятельствах размещать в лагерях для военнопленных.

Этот приказ должен иметь обратную силу в отношении лиц, прибывших из Норвегии».

В этом докладе упоминается также о телефонном разговоре с министериальратом д-ром Гилле, подчиненным Лемана (юридический отдел ОКВ), по поводу которого были сделаны следующие заметки:

«С членами террористических и диверсионных отрядов английских вооруженных сил, которые явно нарушают правила честного ведения войны, будут обращаться, как с бандитами. В бою или при побеге их следует беспощадно уничтожать. Если по военным соображениям необходимо держать их некоторое время под стражей или если они попадут в руки немцев не во время военных действий, их следует немедленно доставить к офицеру для допроса и после этого передать СД. Содержать их в лагерях для военнопленных запрещено...

Он отметил по этому поводу, что формулировки должны основываться только на фактическом положении дел, которое ясно видно из сообщений печати».

Важные моменты содержатся во втором разделе доклада, где помещен приказ подсудимого по этому вопросу и определенные указания относительно рекомендуемых методов и предписаний, которые должны быть приняты во внимание при разработке проекта приказа. Заявление подсудимого о том, что он якобы получил самые подробные указания относительно желательного содержания приказа, не подтверждается содержанием этих указаний.

Прежде всего он сам заявляет, что в отношении содержания приказа *«следует иметь в виду следующее...»* (Выделено судом), а это не согласуется с утверждением о том, будто он имел подробные указания от Иодля. Точно так же распоряжение, отданное им отделу квартирмейстера, по своему практическому содержанию мало соответствует подробностям, которые, как можно было ожидать, должен был рекомендовать Иодль.

Далее, подсудимый привел в свою защиту доводы, которые столь же сложны, сколь и неправдоподобны. Они сводятся к тому, что он якобы намеревался саботировать приказ, в первую очередь путем переговоров с отделом контрразведки и юридическим отделом штаба ОКВ, а также путем дачи распоряжения о том, что задержанных лиц должна допрашивать контрразведка. Он якобы считал, что контрразведка, которой руководил Канарис, позаботится о том, чтобы задержанных не казнили.

По поводу первой части его оправдательных доводов следует сказать, что подсудимому было дано указание об ускоренной разработке приказа. Что касается второй части, то приказ самого подсудимого гласит, что следует учитывать следующие методы:

«В тех случаях, когда задержанные в наших собственных интересах находятся в течение некоторого времени под стражей, после подробного допроса, в котором должна участвовать и СД, их следует через органы контрразведки передавать СД».

Это было 8 октября 1942 года, и к этому времени термин «подробный допрос» уже приобрел мрачное значение, особенно в устах СД, которая должна была участвовать в таких допросах. Невозможно себе представить, каким образом вмешательство контрразведки могло помочь саботировать приказ, если при допросах присутствовали сотрудники СД. Внимательное изучение цитированного выше документа приводит только к одному выводу, а именно что он никак не подтверждает заявление подсудимого о его намерении саботировать приказ. Документ показывает, далее, что предписания, которые предлагалось учесть при разработке приказа, исходили от самого подсудимого, а не от Иодля и уж тем более не были

взяты из выступления Гитлера по радио, потому что вопросы, которые рассматриваются в этих предписаниях, выходят за рамки речи Гитлера.

Если взять для сравнения указания, данные подсудимым, то не лишено интереса то, что в окончательную формулировку приказа вошли следующие положения:

«4. Если отдельные члены таких команд — агенты, диверсанты и прочие — попадут в руки военных властей иными путями, например через полицию на оккупированных территориях, их следует немедленно передавать службе безопасности — СД. Строго запрещается содержать их под военной охраной, например в лагерях для военнопленных и т. д., даже если это предполагается на короткое время».

До окончательной разработки приказа, который был издан 18 октября 1942 года, то есть всего через десять дней после того, как это дело было поручено подсудимому, в порядке подготовки приказа предпринимались и другие шаги. 9 октября 1942 года иностранному отделу контрразведки была послана телеграмма, к которой был приложен разработанный юридическим отделом проект. Телеграмма была подписана: «По приказу Варлимонта». С уверенностью можно сказать, что при подготовке этого проекта в юридическом отделе и при пересылке его в отдел контрразведки времени не теряли. В телеграмме содержится, в частности, такая фраза:

«Просьба подробно рассмотреть — в данном случае с привлечением рейхсфюрера СС».

Предложение о переговорах с рейхсфюрером СС в данном случае никак не может рассматриваться как мера саботирования приказа. Кроме того, направленный контрразведке проект содержит предписания, затрагивающие области, уже рассмотренные в связи с доказательственным документом № 124.

10 октября в адрес ОКВ/ВФСт была направлена телеграмма, содержащая возражения иностранного отдела контрразведки по поводу проекта приказа, а

13 октября — телеграмма, исходившая от того же отдела и содержащая поправки к первой телеграмме.

13 октября 1942 года в управлении по делам военнопленных отдела квартирмейстера при штабе оперативного руководства вооруженными силами была получена телеграмма за подписью Канариса, касавшаяся этого вопроса и содержащая его возражения.

14 октября 1942 года Типпельскирх сделал запись относительно телефонного разговора с начальником юридического отдела. Юридический отдел просил о телефонном разговоре с заместителем начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами и предлагал провести по этому вопросу совещание.

15 октября 1942 года в штаб оперативного руководства было направлено письмо за подписью Лемана, также предназначенное для информации иностранного отдела контрразведки. Там имеется ссылка на состоявшийся ранее телефонный разговор, и затем обсуждается вопрос об обращении с военнопленными в связи с предлагаемым «приказом о командос».

14 и 15 октября 1942 года было отправлено несколько проектов намечавшегося «приказа о командос», по-видимому в адрес Иодля. Документ, представленный суду под № 123, содержит несколько проектов, разработанных отделом квартирмейстера при ВФСт, которые помечены 14, 15 и 17 октября 1942 года. Все они завизированы Варлимонтом. Для оценки этих проектов представляет интерес разъяснение, которое дал Иодль в своих показаниях под присягой:

«Что касается участия Варлимонта в составлении, формулировании, улучшении и окончательной разработке приказа Гитлера от 18 октября 1942 года, а также предъявленных мне документов 506-ПС; 531-ПС; 551-ПС; 1236-ПС и 1279-ПС, то я могу сказать следующее. Во всех случаях, когда наверху стоит «Штаб оперативного руководства вооруженными силами, Кв», то это означает отдел квартирмейстера. Тогда, как правило, — я говорю, как правило, но не всегда — речь идет о вопросах, которые Варлимонт разрабатывал непосредственно с фельдмаршалом Кейтелем. Иногда я видел тот или другой документ, но в большинстве случаев нет. В этом он участвовал гораздо больше, чем я. Я мало работал

с отделом квартирмейстера. Для того чтобы сохранить ясную голову, я отстранялся от всех этих дел. В результате Варлимонт принимал значительное участие во всех делах, касавшихся отдела квартирмейстера.

Конечно, кое-что я видел, но в большинстве случаев — нет. По оперативным вопросам, которые он обрабатывал, я, конечно, видел все, кроме мелочей, имевших второстепенное значение, которые он уже подписал сам. Например, мелкие отдельные приказы, когда он уже обсудил их со мной по телефону. Важные дела он обрабатывал заранее и потом представлял мне».

Это заявление, сделанное под присягой, не дает, правда, много материала, имеющего непосредственное отношение к «приказу о командос», но зато чрезвычайно характерно для общей, обычной для таких дел процедуры и никак не подтверждает заявления Варлимонта о том, что он якобы получил от Иодля подробные указания относительно содержания «приказа о командос», который он должен был подготовить. На стр. 27 документа № 123 стоят инициалы Варлимонта. Это была окончательная формулировка проекта, который он представил Иодлю. Другие проекты, имеющиеся в этом документе, по-видимому, составлены самим Иодлем. Указывают, что в этом проекте (пункт 2) содержатся слова «независимо от того, являются ли они солдатами или носят форму». Документ № 122 показывает, что в тексте рукой подсудимого произведены определенные изменения. Следует взять для сравнения его показания по собственному делу, стр. 6988—6989 английского протокола. Эти изменения нельзя считать незначительными. На стр. 6993 английского протокола подсудимый утверждает:

«Внесенные от руки изменения; которые я вам зачитал, исходили не от меня; мне поручили их внести, или, во всяком случае, было приказано сделать изменения в таком смысле».

При том положении дел, которое было установлено, попытка подсудимого переложить ответственность на кого-либо другого, а именно, по-видимому, на Иодля, неубедительна.

Давая показания, подсудимый Варлимонт утверждал, что к окончательному тексту проекта он уже не имел никакого отношения и что тем самым ответственность за все это дело должна быть с него снята, поскольку Гитлер лично сформулировал окончательный проект приказа. Трибунал не может с этим согласиться. Даже если дело выглядело так, будто Гитлер сам сформулировал окончательный проект, то ему ведь были предложены идеи, высказанные подсудимым в различных проектах, и эти идеи частично включены в окончательный текст. Имеет значение тот факт, что приказ Гитлера во многих пунктах отходит от первоначальных намерений, высказанных им в речи по радио, и заходит значительно дальше. Трибунал считает, что предложения подсудимого составили существенную часть окончательного текста приказа.

Как установлено из представленных суду документов, «приказ о командос» выполнялся, и много английских, американских и норвежских солдат были казнены во исполнение этого приказа.

26 ноября 1942 года в записке, адресованной лично Иодлю, подсудимый Варлимонт указал на то, что генеральный штаб сухопутных сил, учитывая положение на Востоке, считает важным распорядиться об уничтожении тех экземпляров «приказа о командос», которые были разосланы на Востоке по штабам ниже армейского и по приравненным к ним штабам других частей вермахта. В этой записке Варлимонт добавляет от себя: «И на других фронтах есть опасность, что приказ попадет в руки противника». На основании этой записки и приказа, отданного Иодлем, отдел квартирмейстера штаба оперативного руководства ОКВ дал телеграфное указание об уничтожении всех экземпляров приказа, имевшихся в войсках, которые действовали в Африке и в Финляндии. Телеграммы такого же содержания были направлены командованию военно-морского флота, сухопутных сил и военно-воздушных сил.

13 декабря 1944 года командующий вооруженными силами в Норвегии направил штабу оперативного руководства телеграмму, в которой указывал на важность допросов захваченных членов командос до их расстрела и обращал внимание ОКВ на жалобы рейхскомиссара и начальника полиции безопасности в связи с одним

случаем в Эгерсунне, где члены командос были расстреляны без допроса. Этот документ ясно показывает, с какой целью производились допросы. Штаб оперативного руководства ОКВ (отдел квартирмейстера [III]) ответил на эту телеграмму в том смысле, что в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 года членов командос можно сохранять на время допроса. Ответ завизирован Варлимонтом.

Судебное следствие по этому делу установило, что отдел квартирмейстера штаба оперативного руководства стремился оказать поддержку министерству иностранных дел при маскировке подлинного смысла «приказа о командос» и что подсудимый сознательно участвовал в этих мероприятиях. Другие документы подтверждают, что подсудимый писал начальнику управления по делам военнопленных, будто члены командос — это не военнопленные, а преступники, и потому об их смерти сообщать в их страну не следует. Объяснения, с которыми выступил подсудимый, оправдывая эту бесчеловечность, — они помещены на стр. 7014 и 7015 английского протокола — ничем не были подтверждены. 26 февраля 1944 года подсудимый направил составленную им самим телеграмму оперативному отделу командования на Юго-Востоке по поводу высадки английских командос на островах Патмос и Пископи¹, в которой говорилось, в частности, следующее:

«В связи с сообщением о высадке английских командос 19 февраля на Патмосе и 23 февраля на Пископи еще раз ссылаемся на упомянутый приказ».

Подсудимый утверждает, будто он знал, что этот телеграфный приказ не будет выполняться; он-де заключил это из беседы, которую имел с генералом Фёрчем, начальником штаба при главнокомандующем войсками на Юго-Востоке. Однако текст приказа составлен подсудимым. В нем говорится, что в одном определенном случае «еще раз ссылаемся на упомянутый приказ». Телеграмма направлена оперативному отделу штаба командования войск на Юго-Востоке. Она содержит недвусмысленное предписание применять «приказ о

¹ Итальянское название острова Тилос.

командос». Этот приказ, несомненно, получен Фёрчем, потому что последний был начальником штаба. В связи с тем, что Фёрч несколько раз говорил с подсудимым о приказе, трибунал хотя и уверить в том, что как Фёрч, так и его главнокомандующий якобы не собирались выполнять этот приказ. Как уже неоднократно подчеркивалось на данном процессе, начальник штаба был обязан докладывать своему командиру о таких делах. Он не имел командной власти над войсками, подчиненными его командной инстанции. У подсудимого не было никаких оснований предполагать, что приказ не будет применяться.

Подсудимый утверждает, будто эта телеграмма была подписана «по приказу» и потому она якобы отражала волю верховного главнокомандования германского вермахта. Трибунал не может поверить, будто ОКХ и ОКВ издавали приказы, предполагая или надеясь, что они не будут выполняться. Невозможно поверить также, чтобы смысл приказов был противоположен их содержанию. История германского вермахта и документы, представленные на данном процессе, не дают никаких оснований сделать вывод, будто подчиненные части вермахта и их командиры имели обыкновение обсуждать полученные приказы; эти приказы издавались для того, чтобы их выполняли в соответствии с их содержанием.

В конце мая или начале июня 1944 года была составлена следующая телеграмма, направленная затем под грифом «совершенно секретно» разведывательному отделу при штабе главнокомандующего войсками на Юго-Востоке:

«Поскольку присланные материалы, как сообщает министерство иностранных дел, достаточны для представления турецкому правительству, захваченные в районе Алимнии английский радист Карпентер и греческий матрос Лисгарис больше не нужны и передаются для особого обращения согласно приказу фюрера».

Телеграмма подписана «по приказу» Варлимонтом. В ответ командующий войсками на Юго-Востоке сообщил, что этих людей передали для особого обращения. Когда Варлимонта спросили, что, по его мнению, озна-

чает термин «особое обращение» (обсуждался другой документ, от 7 ноября 1943 г.), он заявил:

«...Тогда я удовлетворялся тем, что сказал себе: особое обращение состоит в том, что этих солдат не рассматривают в качестве военнопленных. Что произошло с ними потом, я, правда, не поинтересовался».

Кипп, подчиненный Варлимонта, в данном под присягой показании так поясняет значение этого термина:

«По поводу термина *«особое обращение через СД»* я могу сообщить следующее. В штабе оперативного руководства мы не размышляли много о том, какими методами осуществлялось *особое обращение*. Однако, во всяком случае, все чувствовали, что это *«особое обращение»* означало, что лиц, которых оно касалось, каким-нибудь способом устраняли, то есть ликвидировали силами СД».

Трибунал констатирует, что в мае 1944 года подсудимый, отдавая распоряжение о передаче людей СД для «особого обращения», знал, что эти люди будут казнены.

15 июня 1944 года начальник штаба командующего войсками на Юго-Востоке докладывал о том, что германская военная миссия во исполнение указаний, данных Варлимонтom по телефону, договорилась с представителями болгарской армии о том, чтобы с вражескими агентами, диверсантами и т. д. обращались в соответствии с «приказом о командос». 23 июня 1944 года, отвечая на просьбу главнокомандующего войсками на Западе об указаниях относительно применения «приказа о командос» во время вторжения союзников на Западе, Варлимонт следующим образом изложил точку зрения ВФСт в одном секретном документе:

«1. Приказ о командос в основном остается в силе также и после вражеской высадки на Западе.

2. Пункт 5 приказа следует понимать в том смысле, что приказ не относится к тем вражеским солдатам в форме, которые будут взяты в плен нашими войсками непосредственно в районе боевых действий при высадке

или сдадутся в плен. Войсками, действующими непосредственно в районе боев, считаются дивизии, используемые в первом эшелоне, а также резервные части до корпусов включительно.

3. В остальном попавшие к нам в руки живыми военнопленные противника в сомнительных случаях должны передаваться СД, которая обязана установить, следует ли применить к ним приказ о командос.

4. На главнокомандующего войсками на Западе возлагается обязанность позаботиться о том, чтобы всем войсковым частям, действующим в его районе, было в соответствующей форме устно объявлено о приказе относительно обращения с членами отрядов командос от 18 октября 1942 года и об изложенных выше разъяснениях».

На этой записке стоит подпись «Варлимонт» без добавления слов «по приказу».

Послание заместителя начальника ВФС от 25 июня 1944 года, адресованное оперативному отделу, гласит:

«По вопросу: Обращение с членами командос. Начальник штаба оперативного руководства желает, чтобы выполнение этого распоряжения было свободно от всякого формализма и чтобы было ясно и просто приказано:

1. Все диверсионные и т. п. отряды, обнаруженные вне зоны военных действий в Нормандии, уничтожать на месте. В особых случаях передавать СД.

2. Всем частям, действующим вне зоны боев в Нормандии, дать краткие и исчерпывающие указания по этому вопросу.

3. Главнокомандующий войсками на Западе должен начиная с этого момента ежедневно сообщать, сколько диверсантов ликвидировано таким образом. Эти цифры должны ежедневно публиковаться в сводке верховного главнокомандования вооруженных сил, для того чтобы достичь устрашения, как это уже было сделано таким же способом во время проведения предыдущих операций командос...»

Послание подписано подсудимым. Это распоряжение было передано затем в изложении главнокомандующему

войсками на Западе. Последний документ подписан Кейтелем и завизирован Варлимонтом.

3 июля 1944 года инициалы подсудимого были поставлены ниже слов «по приказу» на телеграмме, в которой предписывалось рассылать приказ только штабам дивизий и командным инстанциям того же уровня. От более мелких инстанций экземпляры приказа следовало затребовать обратно и уничтожить.

22 июня Варлимонт завизировал письмо, адресованное юридическому отделу ОКВ, в котором говорилось, что приказ фюрера следует применять и в тех случаях, когда противник посылает на операцию одного человека.

22 июля различным инстанциям был послан запрос относительно их мнения о том, как поступать с военными миссиями, которые будут захвачены в плен вместе с группами партизан. Запрос, по-видимому, был результатом проведенного совещания. Документ № 155 содержит высказывания представителей различных инстанций по поводу методов, которые, по их мнению, следовало бы применять. В третьем абзаце документа следующим образом изложено мнение и предложения ВФСГ:

«В соответствии с изданными до сих пор приказами следовало, например, с англичанами, взятыми в плен во время операции «Ход конем», обращаться как с военнопленными.

Приказ о командос до сих пор не применялся к таким миссиям, и нет распоряжения о распространении его на эти миссии. Для того чтобы с членами миссий можно было обращаться не так, как предписывают имеющиеся до сих пор приказы, необходимо решить вопрос, можно ли считать действия такой иностранной миссии при бандах на Юго-Востоке операцией командос и соответственно обращаться с ее членами. Такое решение считают необходимым, хотя оно и не отвечало бы полностью нынешнему пониманию операций командос (как особенно коварного, не применявшегося доныне метода борьбы, который следует пресекать соответствующими средствами), а также содержанию приказа о командос. Следует, однако, исходить из того, что и на Юго-Востоке все члены банд — это в основном партизаны. Правда, по соображениям целесообразности, чтобы привлечь максимальное число пере-

бежчиков и рабочей силы, с ними обращаются как с военнопленными. Эти соображения отпадают, когда речь идет о сравнительно малочисленном персонале иностранных военных миссий. Поэтому нет надобности обращаться с ними таким образом [то есть как с военнопленными.— *Ред.*] во всех случаях.

В связи с этим предлагается издать приказ, проект которого приложен».

Эта часть документа и приложенный к нему проект приказа также завизированы Варлимонтом. На записи совещания, присоединенной к документу, имеется сделанное от руки замечание подсудимого Варлимонта:

«А к чему, собственно, еще это обсуждение, после того как принято решение по пункту 1.» В. (Варлимонт.)

Окончательная формулировка приказа, подписанного Кейтелем, подтверждает, что предложение Варлимонта об обращении с военными миссиями как с командос было включено в текст приказа.

2 июня 1944 года посланник Нейбахер направил министерству иностранных дел телеграмму, в которой говорилось:

«Заместитель начальника штаба оперативного руководства генерал Варлимонт отдал начальнику штаба группы армий «Ф» по телефону приказ о том, чтобы захваченные военнопленные Тальбот, Слейп и Фоулер после допроса их представителями военных инстанций и министерства иностранных дел в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 года об обращении с пленными, захваченными во время английских операций командос, были переданы СД».

Приведенные выше документы устанавливают, что подсудимый Варлимонт участвовал не только в разработке «приказа о командос», но и в его применении.

3. Использование военнопленных на запрещенных работах

Хотя документы, представленные по данному делу, подтверждают, что под руководством Варлимонта в

штабе оперативного руководства вооруженными силами было подготовлено много приказов, касавшихся использования труда военнопленных, трибунал не мог с полной достоверностью констатировать, что подсудимый принимал преступное участие в мероприятиях по' противозаконному использованию военнопленных.

4. Убийства и жестокое обращение с военнослужащими противника и с военнопленными

Руководители третьего рейха окончательно покрыли себя несмываемым позором, разработав планы, направленные на то, чтобы толкнуть немецкое население на организацию самосудов и убийств союзных летчиков. Они подстрекали немецкий народ игнорировать правовые нормы, создававшиеся в течение столетий, и толкали немцев на совершение массовых убийств. Доказано, что третий рейх поощрял и поддерживал такие планы. Свое мнение по этому поводу высказали в своих приговорах как Международный военный трибунал, так и третий трибунал, судивший нацистских юристов.

Этот план представляет собой преступление против человечности. Суду следует разрешить вопрос, в какой мере был связан с этим преступным мероприятием подсудимый Варлимонт.

Как показывают документы, план действий против так называемых союзных «летчиков-террористов» состоял из двух частей. Первая часть касалась тех летчиков, которые были взяты в плен и находились в тюрьме военно-воздушного флота в Обер-Урзеле. Тех из них, которые якобы участвовали в так называемых противозаконных операциях, вопреки положениям Женевской конвенции было решено передавать СД для ликвидации. Обвинение признает, что судебное следствие не установило издания или выполнения соответствующих приказов. Однако намерения подсудимого в этой области отразились в документах, подтверждающих, что он одобрил указанный план и дал на него свое согласие.

Вторая часть этого преступного плана заключалась в том, что НСДАП и пропагандистский аппарат Гейбельса призвут немецкий народ убивать союзных летчиков, которые попадут в руки населения. Жителей заверяли, что никто из них в таких случаях не будет

привлечен к ответственности за свои действия. Эти заверения подтверждались соответствующими приказами, отданными полицейским частям, сообщениями, исходявшими от руководства нацистской партии, а также отказом от уголовного преследования виновных. Армии также было запрещено вмешиваться в такие дела. Из документов видно, что подсудимому Варлимонту все это было очень хорошо известно. Он присутствовал на многочисленных совещаниях и обсуждал этот вопрос лично с Кальтенбруннером, активным участником всего этого дела, который и заявил ему, что в данном случае слово нужно предоставить суду Линча. Варлимонт участвовал также в обширной переписке по этому вопросу с министерством иностранных дел и с Герингом; последний согласился на этот план с большой неохотой, так как боялся ответных репрессалий. Инициаторы этого плана намеревались, с одной стороны, запугать противника, а с другой — так замаскировать осуществление плана, чтобы не вызвать ответных мер. Проблема заключалась в том, чтобы опубликовать сведения о некоторых операциях союзных летчиков, якобы нарушавших нормы международного права. Это должно было лишить пилотов статуса военнопленных. Осуществить такой план было нелегко.

Доказано, что на совещании, состоявшемся 6 июня 1944 года, подсудимый заявил:

«Наряду с судом Линча следует также подготовить процедуру отбора вражеских летчиков, подозреваемых в совершении преступных действий такого рода, в момент прибытия их в пересыльный лагерь для летчиков в Обер-Урзеле и, в случае если подозрения подтвердятся, передавать их СД для особого обращения.

В данном вопросе штаб оперативного руководства сотрудничает с главнокомандованием военно-воздушных сил с целью разработать соответствующие директивы для коменданта лагеря в Обер-Урзеле.

Обергруппенфюрер Кальтенбруннер выразил свое принципиальное согласие относительно этого намерения, а также на передачу отобранных СД».

14 июня отдел квартирмейстера при штабе ОКВ разработал проект, завизированный Варлимонтом. В проекте, в частности, говорилось:

«В связи с сообщениями печати внутри страны и за рубежом относительно обращения с летчиками-террористами, попадающими в руки населения, необходимо точно определить круг действий, которые являются преступными в этом смысле».

По этому поводу Варлимонт на полях проекта пометил: «Это не совсем то, что нужно». Он изменил проект, внося в него предложение о том, что определение преступных действий нужно «только для опубликования». Кейтель обсудил этот вопрос с министерством иностранных дел, направив ему письмо, завизированное Варлимонтом, в котором просил согласия министерства на предлагаемую акцию. В тот же день аналогичное письмо было направлено полковнику фон Браухичу, адъютанту Геринга; набросок его был исправлен и завизирован Варлимонтом. В нем говорилось:

«I. На основании имевших место предварительных переговоров и договоренности с имперским министром сти и СД, террористическими действиями, которые нужны иностранных дел и с начальником полиции безопасно принимать во внимание при публикации сообщений о суде Линча, а также приводить в качестве основания при передаче захваченных вражеских военных летчиков из пересыльного лагеря для летчиков в Обер-Урзеле в руки СД для особого обращения, считаются следующие поступки...»

23 июня 1944 года в отделе квартирмейстера при ВФСт (управление I) было подготовлено письмо, адресованное главнокомандующему военно-воздушными силами с передачей лично полковнику фон Браухичу. Цель авторов этого письма заключалась в том, чтобы ускорить решение Геринга по этому вопросу. 20 июня посол Риттер ответил на послание Кейтеля от 15 июня 1944 года и приложил к нему проект, разработанный министерством иностранных дел, в котором говорилось:

«Несмотря на совершенно очевидные возражения с точки зрения внешней политики и международного права, министерство иностранных дел в целом согласно с предлагаемыми методами.

При детальном рассмотрении следует делать различия между случаями линчевания и случаями особого обращения через СД.

В тех случаях, когда речь идет о *суде Линча*, особенно фиксировать внимание на перечне преступлений, предусмотренных в пунктах 1—4 письма от 15 июня, не имеет большого смысла. Прежде всего немецкие власти не несут никакой непосредственной ответственности, поскольку смерть уже наступила до того момента, когда представители немецких властей занялись этим случаем. Кроме того, связанные с этим происшествием обстоятельства, как правило, будут иметь такой характер, что нетрудно будет при опубликовании сообщения представить дело в желательном свете. Поэтому в случаях с судом Линча самое главное будет заключаться в том, чтобы *при публикации правильно использовать каждый отдельный инцидент*».

Рядом с последними фразами на полях имеется следующее замечание Варлимонта: «В этом весь смысл письма». (Следуют инициалы Варлимонта.)

Во втором абзаце, где речь идет о летчиках, захваченных в плен немецкими войсками, Риттер дает понять, что, по его мнению, с точки зрения права этих людей следует рассматривать как военнопленных. Варлимонт поставил рядом с этим абзацем знак вопроса и написал: «Правильно! Этому и мешает предлагаемый отбор».

Далее Риттер пишет:

«Эти правила [в отношении захваченных в плен.— *Ред.*] определены настолько точно, что всякая попытка замаскировать их нарушение с помощью искусно изложенной публикации в каждом отдельном случае не будет иметь успеха».

По поводу этого высказывания Варлимонт замечает на полях:

«Нет... с помощью отбора и осуществленного вслед за ним «особого обращения».

Геринг в конце концов одобрил в общем и целом предлагаемые методы, и Варлимонт написал: «Мы должны наконец перейти к делу. Чего еще?»

Доказано, что подсудимый активно участвовал во всех этих переговорах и «позаботился» не только о выяснении правовых вопросов, но и занимался вопросом о том, в какой форме следует публиковать сведения об этих случаях, чтобы это не повлекло за собой ответных репрессалий.

В одной служебной записке, составленной им 2 октября 1944 года, говорится:

«Господин рейхсмаршал согласен, чтобы приказ ОКВ/ВФСт (отдел квартирмейстера, управление I) за № 05 119/44, секр., от 9.7.44 по вопросу о поведении солдат при самозащите населения против сбитых летчиков-террористов был передан для военно-воздушных сил как приказ ОКВ, а не ОКЛ».

Командование IV военно-воздушного округа (отдел оперативного руководства) 11 сентября 1944 года опубликовало имеющийся среди предъявленных трибуналу документов приказ, из которого следует привести относящиеся к данному вопросу разделы:

«Приказом ОКВ/ВФСт (отдел квартирмейстера, управление I) за № 01 119/44 от 9.7.44 по вопросу о поведении солдат при самозащите населения против сбитых летчиков-террористов начальник штаба ОКВ распорядился о следующем:

В последнее время имели место случаи, когда солдаты, становясь на защиту англо-американских летчиков-террористов, выступали против населения и тем самым вызывали законное недовольство. Прошу срочно проинструктировать все подчиненные вам войска и органы, дабы впредь не допускать, чтобы солдаты в подобных случаях выступали против гражданского населения, требуя выдачи летчиков противника с целью взятия их в плен. Беря под защиту летчиков-террористов, солдаты совершенно явно становятся на их сторону. Ни один германский гражданин не сможет понять такого поведения военнослужащих наших вооруженных сил. Не следует также запрещать населению оккупированных террито-

рий, чтобы в своем справедливом возмущении против англо-американских летчиков-террористов оно переходило к самозащите или же выражало свое недовольство и ненависть к захваченным в плен летчикам этих вражеских держав. Кроме того, отсылаю к статье имперского министра д-ра Геббельса в газете «Фелькишер беобахтер» (берлинское издание от 27.5.44. № 148), озаглавленной «Слово о вражеском воздушном терпоре».

Существенную часть этого приказа составляет ссылка на приказ ОКВ/ВФСт от 9 июля 1944 года, то есть на документ, изданный в то время, когда происходили описанные выше переговоры по данному вопросу. Выдвигалось утверждение, будто приказ IV округа по времени своего издания не мог основываться на приказе, действительно изданном штабом оперативного руководства, и что основой для него должен был послужить личный приказ Гиммлера как командующего армией резерва. Трибунал не может присоединиться к этой точке зрения. Не имеет значения, когда в конечном счете был издан этот приказ командования военно-воздушного округа. Важно то, что приказ, на который в нем дается ссылка, исходил из отдела квартирмейстера, подчиненного Варлимонту, и что он помечен датой, указывающей, что дело происходило именно тогда, когда Варлимонт занимался этим вопросом. По мнению трибунала, подсудимый Варлимонт полностью изобличен в том, что он участвовал в разработке намеченного руководителями третьего рейха преступного плана поощрения самосудов над летчиками союзников и в значительной мере содействовал осуществлению этого преступного плана. Документы подтверждают многочисленные случаи, когда немецкое население в соответствии с этим планом убивало союзных летчиков, попадавших в его руки. В своем докладе, касавшемся подсудимого, Иодль отмечал:

«С каждым годом все больше развивался; наряду с его духовными качествами, которые всегда были незаурядными, с его дальновидностью и с его широкими знаниями и опытом прочно формировались и его национал-социалистские взгляды. В качестве моего

заместителя и руководителя всего штаба для меня представляет незаменимого работника. Выдающиеся способности. Назначен на нынешний пост приказом фюрера».

5. Угон и порабощение гражданского населения

Представленные в числе других документов по данному делу различные сообщения, донесения и протоколы совещаний свидетельствуют о том, что подсудимый Варлимонт был очень хорошо информирован относительно преступных планов третьего рейха, касавшихся угона гражданского населения из оккупированных областей и его отправки в Германию для рабского труда. Цель этих планов заключалась в том, чтобы подготовить почву для радикальных мероприятий по набору иностранных рабочих. Вот разделы протокола одного совещания, которые относятся к данному вопросу:

«Представитель начальника штаба ОКВ генерал Варлимонт сослался на изданный недавно приказ фюрера, согласно которому все силы немцев должны быть брошены на выполнение задачи по набору рабочей силы; там, где стоит армия, если она не занята целиком неотложными задачами военного характера (например, строительством береговых укреплений), ее можно использовать. Однако она не может быть брошена целиком на выполнение задач, стоящих перед генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Генерал Варлимонт выдвинул следующие практические предложения:

а) Части, ведущие борьбу с бандами, берут на себя дополнительную задачу по доставке рабочей силы из районов, где действуют банды. Каждого, кто не сможет правдоподобно объяснить целей своего пребывания в этом районе, будут принудительно отправлять на работы.

б) Если в связи с затруднениями в снабжении продовольствием будут целиком или частично эвакуироваться жители больших городов, работоспособное население при содействии армии будет отправляться для использования на работах.

с) В прифронтовых районах при содействии армии будет особенно интенсивно вестись мобилизация беженцев для использования на работах».

Трибунал полагает, что одних предложений, выдвинутых подсудимым Варлимонтом на этом совещании, достаточно, чтобы подтвердить его преступное участие в противозаконной программе насаждения рабского труда, разработанной третьим рейхом. Кроме того, представленные трибуналу документы: № 1631 от 1 августа 1944 года и № 1632 от 10 августа 1944 года, составленные после совещания, имевшего место 12 июня 1944 года, показывают, что предложенные им методы были проведены в жизнь.

Трибунал признает подсудимого виновным в том, что он принимал преступное участие в этих мероприятиях и содействовал угону и порабощению гражданского населения.

6. Разграбление общественной и частной собственности и бессмысленные разрушения

Документы показывают, что Варлимонт знал о подобных действиях; однако представленные доказательства не убедили трибунал полностью в том, что он имел отношение к этим преступлениям.

7. Убийства, жестокое обращение и преследование гражданского населения

а) отношение к преступному приказу «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Документальные доказательства, представленные по данному пункту, и прежде всего документы № 590 и № 593, полностью убедили трибунал в том, что подсудимый принимал преступное участие в разработке приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Поскольку трибунал рассматривал этот приказ в других местах обоснования приговора, и прежде всего в той его части, которая касается подсудимого Лемана, здесь нет необходимости заниматься этим вопросом.

б) противозаконные казни гражданского населения
Подсудимому инкриминируется также участие в разработке так называемого «приказа о заложниках».

В действительности этот приказ не является «приказом о заложниках», как бы широко ни толковалось это понятие. Однако независимо от того, как его называть, это был преступный и противозаконный приказ. Подсудимый утверждает, что страница 2 этого приказа была изъята и без его ведома переработана, в то время как первая и третья страницы якобы остались без изменений. Однако подсудимый признал, что все три страницы написаны одним и тем же шрифтом и что вторая страница, по-видимому, написана в отделе обороны страны при ОКВ. Тщательная проверка этого документа и показания подсудимого по этому поводу выявляют новые важные факты. Страница 2 начинается разделом II. Кончается она пунктом «с» раздела II. Совершенно ясно, что страница 3 начинается последним абзацем со страницы 2. Фраза «умелая пропаганда такого рода и т. д.» недвусмысленно показывает, что первый абзац на странице 3 следует за последним абзацем страницы 2. Далее, ясно, что в неизменном оригинале документа, вероятно, имелся раздел III с подразделением на пункты «а», «b» и «с». Невозможно предположить, что Гитлер или Кейтель, меняя неугодный им проект, стали бы придерживаться деления на разделы, введенного подсудимым. Один из этих разделов явно касался числа лиц, которых предлагалось расстреливать за нападение на одного немецкого солдата. Подсудимый не может вспомнить этого соотношения. Теперь он уже не помнит, содержал ли разработанный им первоначальный проект цифры 5—10, и утверждает, что, как ему помнится, в оригинале документа якобы не было вообще никаких цифр. Однако представленные доказательства ясно показывают, что какое-то соотношение должно было быть установлено. В свидетельских показаниях, данных Кейтелем перед Международным военным трибуналом, говорится только, что Гитлер изменил предложенное соотношение 10 и 5 на 100 и 50.

Раздел III (а) предусматривает:

«В любом случае выступления против немецких оккупационных властей, независимо от прочих обстоятельств, следует объяснять коммунистическими происками».

Это положение противозаконно уже само по себе. Память подсудимого в данном случае, по-видимому, сильно пострадала. Однако он припоминает, что в его штабе все говорили о том, что Гитлер прибавил к цифрам 5 и 10 нули. Трибунал охотно этому верит. Но первая и третья страницы приказа, которые, как признал подсудимый, были сформулированы им самим, ни в коей мере не свидетельствуют о том, что вторая страница в формулировке, которая, как он утверждает, была предложена им, делала весь проект законным. Трибунал убежден, что первоначальный проект, переданный Кейтелю, был противозаконным документом независимо от цифр, которые были в него включены, или от того, что было опущено соотношение и его якобы внес начальник подсудимого.

Уверения Варлимонта, что он немедленно предпринял шаги с целью помешать применению приказа в многочисленных частях армии, которым он был разослан, не убедительны. Он сам утверждал, что занимал только незначительный пост, а это не соотносится с широкими полномочиями, необходимыми для того, чтобы лишить силы приказ ОКВ.

с) унижения, преследования и казни евреев силами вермахта и сотрудничество с оперативными группами СД

На основании представленных документов, характеризующих служебное положение подсудимого, его сотрудников, начальников и подчиненных, на основании данных о его многосторонней деятельности, о которой он рассказал трибуналу, а также на основании других документов трибунал полностью убежден в том, что подсудимый знал о программе истребления, которую проводили его вышестоящие начальники и сотрудники. Однако не представляется возможным установить точно момент, когда он об этом узнал. Представленные трибуналу доказательства не позволяют с полной несомненностью установить, что он сознательно был связан с осуществлением программы истребления людей или принимал в ней участие.

d) сотрудничество с оперативными группами штаба Розенберга

Трибунал убежден, что подсудимый, занимавший пост заместителя Йодля в штабе по связи с организацией

Розенберга, знал и о незаконной деятельности этой организации. Однако на основании имеющихся у трибунала документов нельзя с полной уверенностью констатировать, что он был связан с этой противозаконной деятельностью.

е) Репрессии против семей французских офицеров

Документы доказывают позорное и бесчеловечное отношение подсудимого к ни в чем не повинным членам семей французских офицеров. Однако представленные доказательства не позволяют установить, что в данном случае он принимал участие в действиях, наказуемых с точки зрения международного права.

г) Приказ «Мрак и туман»

Ставится вопрос, имел ли подсудимый Варлимонт отношение к этому приказу; однако трибунал не имеет возможности с полной уверенностью констатировать наличие такой преступной связи.

ж) Другие противозаконные приказы

1 июля 1944 года Варлимонт направил начальнику юридического отдела ОКВ следующую телеграмму:

«По вопросу: Борьба с вражескими террористами в оккупированных областях.

В связи с событиями в Копенгагене фюрер приказал немедленно прекратить применение военно-судебной процедуры в отношении гражданского населения в оккупированных областях. Юридический отдел должен до 2 июля (20.00) представить свои предложения к проекту приказа об обращении с вражескими террористами и диверсантами из числа гражданского населения в оккупированных областях.

Директива:

Против террора можно бороться только методами террора. Приговоры военных судов лишь создают мучеников и национальных героев. Если на германский отряд или на отдельного германского солдата совершено нападение в любой форме, начальник отряда или отдельный солдат обязан немедленно предпринять самостоятельные контрмеры, в первую очередь по уничтожению террористов. Если в связи с покушениями террористы или диверсанты будут захвачены позже, их следует передавать СД».

В последнем абзаце, который вряд ли позволял предать забвению «приказ о командос» (чего, как утверждает подсудимый, он так усердно добивался), говорится:

«Приказ фюрера об обращении с вражескими командос от 18.10.42 (фюрер, № 003830/42, сов. секр., ОКВ/ВФСт) этим не затрагивается, поскольку он не относится к гражданскому населению».

Документы, представленные по данному пункту, показывают, что во время войны подсудимый находился в главной ставке Гитлера, постоянно сотрудничал с Кейтелем и Иодлем и почти каждый день присутствовал на совещаниях у Гитлера.

Трибунал установил виновность подсудимого в том, что он участвовал в разработке большого числа преступных приказов, которые определяли весь характер ведения войны. Если основной замысел и не принадлежал Варлимонту, он все же принимал участие в его разработке. Он был одним из важнейших участников группы, превращавшей эти замыслы в конечном счете в орудия, которые широко применялись вермахтом и полицией, а также бесчисленными послушными солдатами, и несли несчастным мирным жителям страдания и смерть.

Подсудимый Варлимонт виновен по разделам II и III обвинительного заключения.

ОТТО ВЕЛЕР

Отто Вёлер родился 12 июля 1894 года, принимал участие в первой мировой войне в качестве войскового командира, был трижды ранен; после войны стал офицером рейхсвера, занимал различные посты. 1 апреля 1938 года был переведен в Вену, в штаб 5-го военного округа, которым командовал генерал Лист. На базе этого округа была создана 14-я армия. С этой армией, занимая пост начальника оперативного отдела, Вёлер проделал весь польский поход. После этого он получил перевод и был назначен начальником штаба XVII корпуса. Занимая эту должность, он участвовал в кампании на Западе.

Осенью 1940 года он был снова переведен и назначен начальником штаба вновь сформированной 11-й армии, 1 мая 1942 года стал начальником штаба группы армий «Центр»; на этом посту он пребывал 10 месяцев. В марте 1943 года, будучи заместителем командира корпуса, получил право командовать I армейским корпусом, а 1 июня 1943 года был назначен командиром этого корпуса. 1 июля 1943 года Вёлер принял командование XXVI корпусом и находился на этом посту примерно до 14 августа 1943 года. Примерно в это время он был переведен в группу армий «Центр» и назначен командиром армейской оперативной группы Кемпф, которая после 15 августа, когда он принял командование, иногда называлась группой Вёлера и в конце концов была реорганизована в 8-ю армию. Вёлер был командующим 8-й армией до декабря 1944 года. 22 декабря он был назначен главнокомандующим группой армий «Юг» и оставался на этом посту до 5 апреля 1945 года.

Вёлер не был членом НСДАП или одной из примыкавших к ней организаций. Обвинение в преступле-

ниях против мира уже снято данным приговором. По мнению трибунала, преступления, которые вменяются в вину подсудимому по разделам II и III, можно объединить в следующие пункты: 1. «Приказ о комиссарах»; 2. «Приказ о командос»; 3. Убийства и жестокое обращение с военнопленными; 4. Использование военнопленных на запрещенных работах; 5. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»; 6. Заложники и репрессии; 7. Разграбление и бессмысленные разрушения; 8. Угон и порабощение гражданских лиц; 9. Убийства, жестокое обращение и преследования гражданских лиц.

1. «Приказ о комиссарах»

Судебное следствие по данному пункту установило, что подсудимый, будучи начальником штаба 11-й армии, знал о получении этого приказа. Судебное следствие не подтвердило, однако, что он участвовал в передаче приказа подчиненным частям. Доказано также, что ему было известно о проведении в жизнь приказа в районе действия 11-й армии, но ответственность за осуществление приказа в данном районе несет ее командующий, а не начальник штаба. Преступные действия или нарушение долга командующим нельзя просто инкриминировать начальнику штаба. Он не обладает командной властью над подчиненными частями и не является носителем исполнительной власти. В ходе судебного следствия необходимо доказать, что начальник штаба лично участвовал в таких преступлениях своего командующего; в противном случае на него нельзя возложить уголовную ответственность.

2. «Приказ о командос»

Судебное следствие по данному пункту не подтвердило, что подсудимый рассылал приказ или знал о его применении и одобрял его.

3. Убийства и жестокое обращение с военнопленными

На Вёлера, как начальника штаба 11-й армии, возлагают ответственность за приказ «Для командова-

ния армии», изданный оберквартирмейстером. Трибунал считает часть этого приказа противозаконной, однако тот факт, что приказ был издан офицером, который в рамках штабной субординации стоял, правда, ниже подсудимого, но не находился под его командной властью, вынуждает трибунал сделать вывод, что подсудимый не участвовал в этом преступлении. Оберквартирмейстер был подчиненным начальника штаба, но он был подчиненным также и командующего армией, и если трибунал решит возложить на начальника штаба ответственность за этот приказ, то неизбежно придется предположить, что он был издан командующим не без содействия начальника штаба, а это не подтверждается самим документом. За то, что приказ, как установлено из представленных доказательств, фактически выполнялся подчиненными частями, должен нести ответственность, как уже упоминалось, командующий, а не начальник штаба.

Имеющиеся документы показывают, что Вёлер, будучи командиром I корпуса, представил командованию 18-й армии отчет о противозаконном расстреле двух пленных красноармейцев. Подсудимый представил этот отчет как командир корпуса и, по-видимому, не предпринял более никаких шагов, однако трибунал не уверен в том, что судебное следствие позволяет сделать вывод о его согласии или одобрении этой меры.

4. Использование военнопленных на запрещенных работах

Из доказательств, предъявленных трибуналу, установлено, что части, которые были подчинены Вёлеру как командующему 8-й армией, использовали военнопленных в зоне военных действий и что эти пленные были переданы полкам для строительства полевых укреплений. По мнению трибунала, обоснование которого дано выше, использование военнопленных в полках и в других подразделениях в районе военных действий представляет собой использование их в опасных пунктах. Далее, на основании представленных документов трибунал пришел к выводу, что подсудимый знал об этом способе использования военнопленных и одобрял его.

5. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

Доказано, что 11-я армия получила этот приказ, но судебное следствие не установило, что подсудимый принял преступное участие в рассылке этого приказа.

Преступления, совершенные в результате рассылки этого приказа, как уже упоминалось, должны быть поставлены в вину командующему, а не начальнику штаба. Однако 5 сентября 1941 года 11-я армия издала приказ, который Вёлер подписал за командующего в качестве начальника штаба. Характер этого приказа был не таким, чтобы его нужно было непременно показывать командующему. Подобные приказы начальник штаба обычно издает под собственную ответственность. Кроме того, составление текста этого приказа определено относилось к компетенции начальника штаба армии. В пункте 5 приказа содержится следующее распоряжение:

«Одной охраны передовых линий недостаточно. Корпуса, а также начальник тылового района армии должны постоянно посылать патрули на основные тыловые коммуникации для проведения облав, чтобы задерживать всех подозрительных гражданских лиц и проверять, живут ли они в данной местности. Гражданских лиц, которые вызывают серьезные подозрения в шпионаже, саботаже или партизанской деятельности, после допроса сотрудниками тайной полевой полиции следует расстреливать. Лиц, не проживающих в данной местности, которые не могут представить правдоподобных сведений о месте своего жительства и о целях приезда, следует по возможности сдавать командам СД, в других случаях — отправлять в лагеря для военнопленных для дальнейшей передачи командам СД. Для мальчиков и молодых девушек, которых противник использует особенно охотно, исключения не делать».

Этот пункт предписывает расстреливать гражданских лиц, и даже мальчиков и молодых девушек, вызывающих «серьезные подозрения» относительно участия в определенных действиях. Объяснение подсудимого, будто приказ подразумевал не то, что содержится

в его тексте, нельзя считать убедительным. В лучшем случае приказ можно считать двусмысленным, и, если подразумевалось что-то иное, нежели то, о чем говорится в тексте, начальник штаба, безусловно, обязан был позаботиться, чтобы неясность была устранена. Трибунал считает, что приказ подразумевал именно то, что говорится в его тексте. Трибунал убежден также, что подсудимый принял преступное участие в издании этого приказа и несет за него ответственность.

Утверждение, будто заподозренные до расстрела подвергались допросу, не убедительно. Как показывают документы, представленные на данном процессе, такие допросы имели целью прежде всего получить определенные, ценные для германской армии сведения, а вовсе не велись в интересах лиц, арестованных на основании этого приказа.

Утверждалось, что доказана виновность подсудимого в «кодымском деле»¹. Документы показывают, что Вёлер видел и завизировал отчет об этом расстреле. Сам он показал, что обращал внимание своего командующего на это дело. Если это так, то он сделал все, чего можно было от него ожидать. В данном случае ответственность лежит на командующем и не может быть возложена на начальника штаба.

6. Взятие заложников и репрессии

Обвинения, предъявленные подсудимому по этому пункту, основываются на фактах, имевших место в районе 11-й армии в то время, когда он был начальником штаба этой армии.

Судебное следствие не подтвердило, однако, ни одного случая самостоятельных действий или преступной халатности в сфере компетенции подсудимого, и потому трибунал полагает, что его преступное участие не доказано.

7. Разграбление

По мнению трибунала, судебное следствие по этому пункту не подтвердило преступного участия подсудимого в разграблениях, которые не были бы оправданы военной необходимостью.

¹ См. стр. 255.

8. Угон и порабощение гражданских лиц

Судебное следствие по данному пункту установило, что Вёлер, будучи начальником штаба 11-й армии, издавал и подписывал приказы об использовании труда гражданских лиц для нужд 11-й армии. Эти приказы не носили принципиального характера, и потому обычно начальник штаба мог издавать их, не запрашивая мнения командующего; во всяком случае, текст таких приказов составлялся не самим командующим. Эти приказы подтверждают, что подсудимый принимал преступное участие в противозаконном использовании гражданских лиц.

Кроме того, судебное следствие по этому пункту установило, что части, подчинявшиеся Вёлеру как командующему 8-й армии, проводили противозаконный набор гражданских лиц на принудительные работы.

Далее, судебное следствие показало, что 25 июня 1944 года был издан приказ, подписанный квартирмейстером «по приказу» командования группы Вёлера. Этот приказ содержит распоряжения о принудительном наборе гражданских и других лиц, которых должны были отправлять в Германию для рабского труда в шахтах.

9. Убийства, жестокое обращение и преследования гражданского населения

Из представленных по данному пункту доказательств установлено, что, в то время когда Вёлер был начальником штаба, в районе 11-й армии проводилось истребление так называемых «нежелательных элементов», главным образом евреев. Эта программа убийств осуществлялась под руководством Олендорфа, выступавшего на данном процессе в качестве свидетеля защиты. В районе действия 11-й армии было убито около 90 000 мужчин, женщин и детей. Судебное следствие показало, что эта программа убийств, по крайней мере частично, была известна офицерам штаба, который возглавлял Вёлер. Подсудимый отрицает, что ему было известно об этой программе.

Судебное следствие подтвердило, что он вел переговоры с Олендорфом по различным вопросам, и по-

следний показал, что об этом деле они прямо не говорили, так как он предполагал, что подсудимый знаком с программой. Программа осуществлялась в течение продолжительного времени и охватила многие населенные пункты в районе, занятом 11-й армией. Выполняли ее оперативные группы и зондеркоманды полиции безопасности и СД, приданные этой армии, которая размещала их, снабжала и направляла на места. Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах истребление этими полицейскими отрядами 90 000 человек не могло произойти без ведома начальника штаба 11-й армии, если только он не был совершенно непригоден для своей должности. Выступления подсудимого с показаниями по собственному делу не свидетельствовали об отсутствии у него способностей, а мнения о нем различных начальников, зафиксированные в его служебных документах, также опровергают такое предположение. Но трибуналу незачем заниматься предположениями. Представленные документы показывают, что подсудимый знал о программе истребления, которую проводили части оперативных групп СД.

Олендорф, который был заслушан в качестве свидетеля защиты по просьбе подсудимого, показал, что подчиненные подсудимому штабные офицеры 11-й армии знали об этой преступной деятельности. Далее, Олендорф показал, что различные подразделения армии оказывали ему помощь, предоставляя грузовики для доставки жертв к месту казни, и что армия со своей стороны также время от времени просила его оказать ей помощь в таких делах. Совершенно очевидно, что начальник штаба должен знать то, о чем было известно офицерам его штаба. Кроме того, осведомленность подсудимого вытекает из документов, представленных по данному пункту обвинения. Из них трибунал цитирует следующие:

Документ № 1601 — завизирован Вёлером.

Документ № 871 — подписан им.

Документ № 1606 — завизирован Вёлером.

Документ № 781 — касается казни примерно 1184 лиц в качестве репрессии за действия в Евпатории.

- Документ № 780 — касается тех же событий. Сообщается, что казнено 1300 человек.
- Документ № 883 — донесение местной комендатуры от 14 ноября 1941 года командованию тылового района 11-й армии, в котором говорится, что 10 000 оставшихся евреев казнены СД.
- Документ № 872 — донесение местной комендатуры Мелитополя от 13 октября 1941 года, из которого видно, что 2000 евреев казнены СД. Это произошло в 15—20 милях от штаб-квартиры 11-й армии.
- Документ № 361 — донесение местной комендатуры Ананьев от 3 сентября 1941 года командованию тылового района 11-й армии, в котором сообщается о расстреле 300 евреев и евреек 18 августа 1941 года.
- Документ № 1607 — донесение Олендорфа командованию 11-й армии, завизированное Вёлером.
- Документ № 1609 — донесение Олендорфа, завизированное Вёлером. В нем сообщается о заключении в тюрьму 227 подозрительных евреев, о казни евреев в качестве заложников и о расстреле оперативной группой СД политических работников — коммунистов.
- Документ № 1595 — сообщение от 4 августа 1941 года, из которого видно, что части оперативных групп СД и 24 солдата из войск Зальмута казнили 97 евреев в Кодыме — акция, о которой Вёлер, как он утверждает, доложил своему командующему.

Документ № 1594 — сообщение Олендорфа от 4 августа 1944 года, в котором говорится о расстреле 68 евреев за коммунистическую деятельность, о создании гетто в Кишиневе и о расстреле 31 июля заложников-евреев.

Подсудимый отрицает, что ему было известно об убийствах, имевших место в тыловом районе 11-й армии, и объясняет это тем, что оберквартирмейстер или второй квартирмейстер не доносили ему об «инцидентах», происходивших в тыловом районе армии. В служебном наставлении № 90 от 1 июня 1938 года (издание 1940 года) говорится: «Оберквартирмейстер подчиняется начальнику штаба армии». Будучи начальником штаба 11-й армии, подсудимый был обязан обсуждать с подчиненными офицерами события, происходившие в районе расположения армии, и доносить своему командующему об этих делах. Трибунал не может поверить, что подсудимый относился к своим обязанностям настолько халатно и что он был знаком с делами, касающимися 11-й армии, только в рамках границы, отделявшей ее от тылового района армии.

На основании имеющихся документов трибунал может сделать только один вывод, а именно что Вёлер, будучи начальником штаба 11-й армии, знал об истреблении людей, которым занимались в этот период оперативные группы СД в этом районе.

Однако подсудимый не был командующим и потому может нести ответственность только за действия, в которых он сам принимал участие или к которым имел какое-либо иное отношение. В связи с этим возникает вопрос, не занимался ли он, как начальник штаба, распределением оперативных групп по различным местностям, где они и разворачивали свою преступную деятельность. Свидетельские показания Олендорфа и представленные трибуналу документы подтверждают, что это было именно так.

Документ № 1605 показывает, что 3 июля 1941 года подсудимый подписал и отдал приказ о том, чтобы одна зондеркоманда была направлена в Станку. В приказе говорится, что она будет выполнять свои задачи

по приказу начальника полиции безопасности и под собственную ответственность.

14 июля был издан аналогичный приказ, который предписывал выделить LIV корпусу оперативную группу 11 «А» «для выполнения его задач в Кишиневе».

В этом приказе, в частности, говорилось:

«Оперативная группа «Д» полиции безопасности, кроме отрядов, находящихся на операциях, до вызова остается в Пьятра-Нямц, подчиняясь в вопросах передвижения, размещения и снабжения командованию 11-й армии».

Далее там указывается:

«Согласно сообщению группы армий «Юг», не предполагается использовать оперативную группу «Д» в районе расположения армии».

22 июля Вёлер подписал приказ, в котором говорилось, что оперативная группа «Б», «за исключением зондеркоманд 11 а и 10 а, переводится из Пьятра-Нямц в Яссы», и предписывалось «использовать зондеркоманду 11 б в районе 2-й румынской армии для разрешения политических задач».

7 августа он подписал аналогичный приказ по оперативной группе «Д», гласивший, что «независимо от других своих задач эйнзатцкоманды должны обеспечить безопасность в районе боев позади сражающихся войск».

Из этого же документа видно, что 20 сентября подсудимый завизировал направленное 11-й армией сообщение, отосланное 29 сентября начальнику разведывательного отдела для дальнейших распоряжений и касавшееся мероприятий, проведенных оперативными группами при 22-й пехотной дивизии. Точно так же из этого документа видно, что 6 октября 1941 года командование армии дало указания оперативной группе «Д», озглавленные следующим образом: «Мероприятия, проведенные эйнзатцкомандой при 22-й пехотной дивизии». Указания гласили:

«Эйнзатцкоманда полиции безопасности при 22-й пехотной дивизии находится в районе боевых действий дивизии. Следует ожидать, что все мероприятия, особенно публичные казни в городе Геническе, формирование и вооружение частей украинской самообороны и т. д., будут проводиться по предварительной договоренности с разведывательным отделом дивизии».

Это распоряжение подписано «командование армии, начальник штаба». Оно завизировано Ривером, и на нем стоит еще пометка «Р», сделанная одним майором штаба. Это распоряжение, адресованное оперативным группам СД, имеется также и в документе № 871.

Совершенно очевидно, что такие приказы о распределении частей оперативных групп СД не носили такого принципиального характера, чтобы ответственность за них можно было возложить на командующего; скорее они относятся целиком к компетенции начальника штаба.

На основании изложенных здесь мотивов и всех представленных документов Вёлер признается виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

РУДОЛЬФ ЛЕМАН

Рудольф Леман родился в 1890 году в Познани, изучал право, в 1920 году защитил в Марбурге докторскую диссертацию. Его практическая деятельность на некоторое время была прервана первой мировой войной, в которой он участвовал в качестве офицера запаса. После этого он продолжал свою юридическую карьеру и занимал различные посты.

С 1925 по 1937 год служил в имперском министерстве юстиции, занимая различные должности. В 1937 году он стал председателем палаты при вновь созданном имперском военном трибунале, высшем военном суде третьего рейха. Он был членом суда, который Гитлер назначил для расследования обвинений против генерала барона фон Фрича. Леман показал, что он формулировал приговор по этому делу. 15 июля 1938 года он занял пост начальника юридического отдела ОКВ и оставался в этой должности до капитуляции Германии. Он занимал этот пост как чиновник. 1 мая 1944 года ему был присвоен военный чин генерал-лейтенанта юридической службы, соответствующий в германской армии генералу рода войск, а в американской — генерал-лейтенанту. Он не был членом НСДАП или одной из примыкавших к ней организаций. Из документов не установлено, чтобы национал-социалистская партия награждала его какими-либо орденами или значками.

Обвинение в преступлениях против мира еще ранее было исключено из настоящего приговора. Трибунал полагает, что предъявленные подсудимому обвинения по разделам II и III можно объединить в следующие пункты: «1. «Приказ о комиссарах»; 2. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»; 3. «Приказ о командос»; 4. Приказ «Мрак и туман»; 5. Приказ «О борьбе против террора и саботажа».

1. «Приказ о комиссарах»

Участие подсудимого в разработке «приказа о комиссарах» ограничивается, как установлено из доказательств, только незначительными изменениями в тексте третьего раздела, касающегося процедуры работы военных судов, и поэтому трибунал на основании представленных материалов полагает, что подсудимый Леман не принимал преступного участия в издании этого приказа.

2. Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»

В другой части обоснования приговора трибунал пришел к выводу, что приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» был противозаконным по своему характеру. Теперь трибунал приступает к рассмотрению вопроса о том, принимал ли подсудимый преступное участие в его издании.

В конце апреля 1941 года Леман получил первые указания по этому вопросу. Более ранние стадии разработки приказа остались в тени, даже и в тех случаях, когда о нем упоминается в представленных трибуналу документах. Давая показания по собственному делу, подсудимый очень подробно остановился на этом вопросе. Трибунал, однако, не намерен долго заниматься ранними стадиями разработки приказа. Судя по высказываниям подсудимого, содержание приказа, переданное ему адъютантом Кейтеля, настолько взволновало его, Лемана, что он отдал практически неосуществимое распоряжение о том, что все военные юристы, которые никому больше не нужны, должны быть отправлены на фронт. Он показал, что это сообщение произвело на него неприятное впечатление главным образом в связи с мыслью о том, какое воздействие окажет приказ на военное правосудие.

Окончательно сформулированный текст приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» представляет собой «великолепный» образец основательной и серьезной работы штаба, который должен был воплотить первоначальную идею в военный приказ. В документах упоминаются совещания, телефонные переговоры

и многочисленные послания, не имевшие уже никакого непосредственного отношения к Гитлеру. Так разрабатывались детали приказа, многие из которых зародились у различных штабных офицеров, а некоторые — у подсудимого.

Здесь будут рассмотрены важнейшие этапы разработки приказа. 28 апреля 1941 года подсудимый набросал проект приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса». Примерно 6 мая он получил копию приказа ОКВ, составленного, по-видимому, генералом Мюллером — генералом для особых поручений при ОКВ. В нем излагались известные идеи генерал-полковника Гальдера, начальника штаба ОКХ. 9 мая подсудимый доложил начальнику штаба оперативного руководства, отделу обороны страны (Варлимонт), об известных переговорах между ним, генералом Мюллером и генералом Иешонеком, а также о совещаниях с начальниками юридических отделов. Подсудимый обсуждал эту проблему как с генералом Мюллером, так и с генералом Иешонеком. Результатом этой деятельности был представленный Кейтелю четвертый, окончательный проект, который после внесения в него незначительных изменений был подписан им и разослан как так называемый приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса».

Учитывая результаты различных совещаний, проекты и связанную с ними переписку, можно совершенно определенно констатировать, что идеи подсудимого — независимо от их добрых или пагубных целей — вошли в окончательную формулировку этого приказа как его составная часть. Обстоятельством, которое говорит в пользу подсудимого, является тот факт, что в подготовленной им окончательной формулировке он смягчил вызывающий язык проекта приказа, разработанного ОКХ. Далее, в его оправдание приводили следующее: если в проекте ОКХ говорилось: «Жители, которые принимают участие во враждебных действиях, как партизаны *или намереваются принять в них участие...*» (Подчеркнуто трибуналом), то в окончательной формулировке, составленной подсудимым, слова «намереваются принять в них участие» опущены. Зато окончательный текст приказа содержит положения, предоставляющие неограниченную власть офицеру — занимающему долж-

ность не ниже командира батальона — для решения вопроса о принятии массовых карательных мер по его усмотрению.

Кроме того, судебное следствие установило, что на основании высказываний подсудимого в окончательный текст приказа был включен пункт о том, что все дела решаются военными властями, а суды лишаются всякой компетенции, в то время как генерал Мюллер предлагал, чтобы военные инстанции решали только дела, не вызывавшие никаких сомнений, а сложные случаи передавали на рассмотрение судов. Характерны высказывания подсудимого по этому вопросу, имеющиеся в одном из документов. Он заявил:

«Предложение, выдвинутое сухопутной армией, приближается к нашим предложениям. В нем не хватает только фразы о том, что офицеры вермахта и военные суды вообще не обладают юрисдикцией по отношению к местным жителям. Генерал-полковник Гальдер очень хотел бы сохранить эту юрисдикцию в тех случаях, когда у войск нет времени для расследования, а также в отношении многочисленных более мелких преступлений, которые не оправдывают расстрела. У меня имеются на этот счет возражения, которые разделяет и генерал Иешонек.

Уж если мы когда-нибудь и сделаем этот шаг, то не следует ограничиваться полумерами. В противном случае есть опасность, что дела, доставляющие много хлопот, войска будут спихивать судам и тогда (а это как раз коснется сомнительных случаев) будет происходить обратное тому, чего добиваются».

Как видно из записи на той же странице документа, эту точку зрения поддержал и подсудимый Варлимонт. Эта часть приказа, которая явно исходила не от Гитлера, Кейтеля или Йодля, является одним из его наиболее зловещих разделов. Как установлено из документов и собственных показаний подсудимого, он обосновывал эти положения тем, что применение судебной процедуры в таких случаях могло из-за недостатка доказательств привести к оправданию обвиняемых. А эти оправдательные приговоры привели бы к тому, что Гитлер стал бы упрекать военные суды за их чрезмер-

ную мягкость, как он это делал в связи с известными судебными решениями, вынесенными во время польской кампании. Чтобы оградить военные суды от упреков со стороны Гитлера, подсудимый явно был готов жертвовать жизнями ни в чем не повинных людей.

Обсуждение статей приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», касающихся дисциплины, также характеризует ту роль, которую играет штабной офицер при разработке окончательного текста приказа. Результаты рассмотрения всего этого процесса сводятся к тому, что Леман сыграл решающую роль в формулировании окончательной формы этого приказа, в котором воплотились преступные замыслы Гитлера, и что в своей области он внес известные смягчения, но в целом придал документу форму жесткого военного приказа, который затем был передан войскам и осуществлялся ими.

На основании представленных документов трибунал пришел к выводу, что подсудимый изобличен в преступном содействии изданию этого противозаконного приказа и что он должен нести за него ответственность, поскольку он сформулировал текст приказа.

3. «Приказ о командос»

«Приказ о командос» — еще один пример, показывающий роль штабного офицера в окончательной формулировке военного приказа. Как и в предыдущем случае с приказом «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», здесь также нельзя сказать, что весь «приказ о командос» или даже большинство его разделов исходили от одного человека. Заниматься вопросом о том, в какой мере идеи одного человека воплощены в этих приказах, уместно только постольку, поскольку идеи, принадлежавшие одному из подсудимых, позволяют судить о направлении ума этого подсудимого, вносившего свою долю в преступление. Преступление состоит в принципиально неизбежной работе, которой занимается штабной офицер, когда облакает преступные идеи в практически применимую форму.

Таков был преступный «приказ о командос», в разработке которого, как уже говорилось выше, решающее

участие принимал Варлимонт, а деятельность Лемана в большинстве случаев носила лишь второстепенный характер. Подсудимый полностью сознавал, что приказ имеет преступный характер. Адмирал Канарис в ряде телеграмм, о которых было известно подсудимому, указал на его противозаконность. Леман предложил некоторые меры, благодаря которым удалось с помощью искусственных юридических конструкций придать приказу некоторое подобие правомерности и тем самым получить возможность разослать его. Совершенно очевидно, что подсудимый сам не верил в эти конструкции.

Трибунал не видит в этом приказе положений, которые подтверждали бы, что Леман еще больше усилил преступный характер приказа. Однако подсудимый принадлежал к числу тех, кто несет ответственность за окончательную форму, в которой этот противозаконный приказ был доведен до армии, и поэтому он должен нести ответственность за часть этого чудовищного документа как ее автор.

4. Приказ «Мрак и туман»

В связи с приказом «Мрак и туман» возникли принципиальные юридические проблемы. Точно так же как и при разработке приказа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса», Леман и на этот раз был авторитетным специалистом при окончательной формулировке текста. Именно подсудимый вел переговоры, в результате которых на министерство юстиции была возложена задача организовать процессы над лицами, обвинявшимися в преступлениях, предусмотренных этим приказом, в специальных судах, а позже в «народных трибуналах». На этих процессах подсудимых лишали самых элементарных юридических прав, признаваемых всеми цивилизованными народами. Защита до известной степени обоснованно ссылается на то, что идея, отдававшая этих несчастных на милость полиции, принадлежала, конечно, Гитлеру. Однако трибунал полагает, что по приведенным выше основаниям подсудимый изобличен в том, что он участвовал в окончательной формулировке текста приказа — этой программы террора,

5. Приказ «О борьбе против террора и диверсий»

1 июля 1944 года юридический отдел (Леман) получил от штаба оперативного руководства вооруженными силами следующее сообщение:

«По вопросу: О борьбе против вражеских террористов в оккупированных областях.»

В связи с событиями в Копенгагене фюрер приказал немедленно прекратить применение военно-судебной процедуры к гражданскому населению в оккупированных областях. Юридический отдел должен к 20.00 2. 7. представить свои предложения к проекту приказа об обращении с вражескими террористами и диверсантами из числа гражданского населения в оккупированных областях.

Директивы:

Против террора можно бороться только методами террора. Приговоры военных судов лишь создают мучеников и национальных героев. Если на германский отряд или на отдельного германского солдата совершено нападение в любой форме, начальник отряда или отдельный солдат обязан немедленно предпринять самостоятельные контрмеры, в первую очередь по уничтожению террористов. Если в связи с покушением террористы или диверсанты будут захвачены позже, их следует передавать СД».

На основании этих указаний он принялся за воплощение преступных планов своих вышестоящих руководителей в практически применимую форму, и совершенно очевидно, что результатом его усилий был подписанный Гитлером приказ «О борьбе против террора и диверсий» от 30 июля 1944 года. В августе 1944 года Леман, по-видимому в сотрудничестве с отделом квартирмейстера ОКВ, работал над дополнительным приказом, расширявшим область применения первоначального приказа. Позже он участвовал, хотя и выполняя второстепенную роль, как в разработке приказа, так и в составлении инструкций по его применению.

На основании данных судебного следствия Леман признан виновным по разделам II и III обвинительного заключения.

ПРИГОВОР

После того как закончено чтение обвинительного заключения и обоснования приговора, трибунал объявит сейчас приговор тем подсудимым, которые признаны на данном процессе виновными. Тем подсудимым, которые приговорены к нескольким годам заключения, будет зачтено время, которое они находились под арестом после 7 мая 1945 года, безразлично, в качестве военнопленных или заключенных другой категории.

Отто Шнивинд, признанный невиновным, согласно приказу, будет освобожден, как только окончится заседание трибунала.

Гуго Шперле, признанный невиновным, будет освобожден, согласно приказу, как только закончится заседание трибунала.

Подсудимый *Вильгельм фон Лееб*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 3 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Георг Карл Фридрих-Вильгельм фон Кюхлер*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 20 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Герман Гот*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 15 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Ганс Рейнгардт*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 15 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Ганс фон Зальмут*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 20 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Карл Холлидт*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 5 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Карл фон Рок*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 20 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Герман Рейнеке*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к пожизненному заключению.

Подсудимый *Вальтер Варлимонт*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к пожизненному заключению.

Подсудимый *Отто Вёлер*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 8 годам тюремного заключения.

Подсудимый *Рудольф Леман*, на основании разделов обвинения, по которым вы признаны виновным, трибунал приговаривает вас к 7 годам тюремного заключения.

Подписали: *Джон К. Янг*,
председатель трибунала.

Уинфилд Б. Гейл,
судья.

Джастин У. Гардинг,
судья.

Нюрнберг, Германия
28 октября 1948 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие к немецкому изданию	19
Список сокращений	34
Обоснование приговора	36
Обвинительное заключение	38
Раздел I. Преступления против мира	38
Раздел II. Военные преступления и преступления против человечности: преступления в отношении ком- батантов противника и военнопленных . . .	39
Раздел III. Военные преступления и преступления против человечности: преступления против граждан- ских лиц	41
Раздел IV. Общий план или заговор	42
Статистические сведения о процессе	43
Общие и специальные нормы права, которыми следует руко- водствоваться при рассмотрении данного дела	45
Возражения по поводу судебной процедуры	61
Преступления против мира	67
Военные преступления и преступления против человечности	75
Преступления против гражданского населения	81
Структура германского вермахта	89
Приказы сверху	89
Приказы	100
«Приказ о комиссарах»	109
Приказ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса»	116
«Приказ о командос»	123
Приказ «Мрак и туман»	125
Взятие заложников и карательные меры	127
Партизанская война	129
Гаагская и Женевская конвенции	134

Ответственность командующих войсками в оккупированных районах	148
Гитлер и вермахт	158
Вильгельм фон Лееб	162
Гуго Шперле	176
Георг Карл Фридрих-Вильгельм фон Кюхлер	178
Герман Гот	199
Ганс Рейнгарт	219
Ганс фон Зальмут	244
Карл Холлидт	259
Отто Шнивинд	265
Карл фон Рок	267
Герман Рейнеке	291
Вальтер Варлимонт	309
Отто Вёлер	339
Рудольф Леман	350
Приговор	357

**СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
ПО ДЕЛУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА**

Редактор *Г. С. ШИБРЯЕВА*

Художественный редактор *Я. А. Маликов* Технический редактор *А. В. Грушин*

Сдано в производство 24/II 1964 г. Подписано к печати 13/V 1964 г.
Бумага 84×108¹/₃₂=5,6 бум. л. 18,5 печ. л. Уч.-изд. л. 17,9. Изд. № 10/2375
Цена 1 р. 22 к. Зак. 147

(Темплан 1964 г. Изд-ва ИЛ, пор. № 210)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва, Зубовский бул. 21

Московская типография № 20 «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., 2